

522-376

Е. И. Кычанов

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
КУЛЬТУР ВОСТОКА

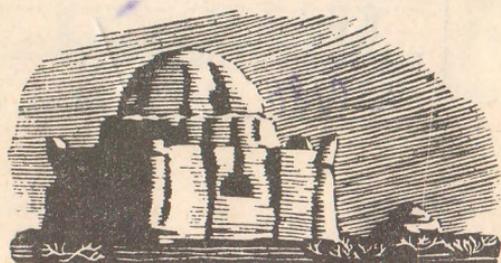

ЗВУЧАТ ЛИШЬ ПИСЬМЕНА

522-376
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

Е. И. Кычанов

ЗВУЧАТ ЛИШЬ ПИСЬМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

«Можно уничтожить государство, но
нельзя уничтожить его историю»

Из предисловия к «Цзинь
ши»—истории чжурчжень-
ской династии Цзинь
(1115—1234)

ОТ АВТОРА

В 1227 г. под ударами конницы Чингисхана пала столица тангутского государства Си Ся (982—1227). Погибла своеобразная культура, которая создавалась тангутским народом более двухсот лет. Лишь скудные строки летописей да древние легенды рассказывают о былой мощи государства тангутов.

Прошло семьсот лет, прежде чем наука смогла доказать существование самобытной тангутской культуры и приступить к ее изучению. Пытливый глаз исследователя все глубже проникал в отдаленное прошлое. Ученые открывали все новые памятники тангутского письма.

В нашем очерке предпринята попытка рассказать широкому кругу читателей об исследователях погибшей тангутской культуры, о трудностях, стоявших на их пути, о том, что мы знаем сейчас о тангутах и их государстве.

Большой вклад в тангутоведение внесли и наши соотечественники. Русский путешественник, географ и собиратель фольклора Григорий Николаевич Потанин в 80-х годах прошлого века записал от ордосских монголов интересные легенды о смерти Чингисхана от руки тангутской царицы.

Через двадцать лет другой русский исследователь Азии, Петр Кузьмич Козлов, открыл и обследовал развалины мертвого города Хара-Хото, одного из крупных административных центров тангутского государства. Среди развалин ему посчастливилось найти богатейшую коллекцию памятников исчезнувшего тангутского письма.

В нашем рассказе большое место отводится жизни и деятельности Николая Александровича Невского, который сыграл огромную роль в дешифровке забытой тангутской письменности, восстановлении языка тангутов,

опознании и изучении памятников тангутской письменности. В 1962 г. двухтомное собрание трудов Н. А. Невского «Тангутская филология» было удостоено высокой награды — Ленинской премии.

Невский умер, но его благородное дело продолжают ученые многих стран. Больших успехов в изучении тангутского языка и письменности добился молодой преподаватель университета Киото в Японии Нисида Тацуо. Вопросами реконструкции тангутской фонетики занимается его коллега, тоже молодой японский ученый, Хасимото Манторо. Серию интересных статей по истории тангутов написал Окадзаки Сейро. В Лондоне, в Британском музее, над изучением английской коллекции памятников тангутского письма, добытых в Хара-Хото А. Стейном, трудится Э. Гринстэд.

Проблемы тангутоведения волнуют и ученых старшего поколения — Джерарда Клосона в Англии, Рольфа Штейна во Франции, Камила Седлачека в Чехословакии.

Тангутоведческие исследования ведутся и в нашей стране. Сотрудником Института народов Азии АН СССР М. В. Софроновым при участии автора этого очерка осуществлены и опубликованы исследования по фонетике тангутского языка. В настоящее время М. В. Софронов готовит к изданию первую тангутскую грамматику. Автором этих строк совместно с З. И. Горбачевой издан краткий аннотированный каталог тангутских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в Ленинградском отделении Института народов Азии, написан ряд статей по истории тангутов. Проблемами языка и истории культуры тангутов занимаются сотрудники Ленинградского отделения Института народов Азии В. С. Колоколов, А. П. Терентьев-Катанский, К. Б. Кепинг.

Обширную работу по изучению памятников искусства и материальной культуры Хара-Хото ведет группа сотрудников Государственного Эрмитажа в составе Н. В. Дьяконовой, М. Н. Кречетовой, М. Л. Рудовой, Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. В. Грек.

Впереди еще много трудных и увлекательных дел. Исследования продолжаются. И мы уверены, что благодаря усилиям и поискам ученых разных стран и разных поколений мы будем все больше и больше знать об истории и культуре государства тангутов, маленького народа, ставшего жертвой истребительной войны.

ЛЕГЕНДЫ

Если спросите, откуда эти сказки и легенды...

Я скажу вам, я отвечу.

Г: У. Лонгфелло, *Песнь о Гайавате*.

Прекрасная Гурбелджин

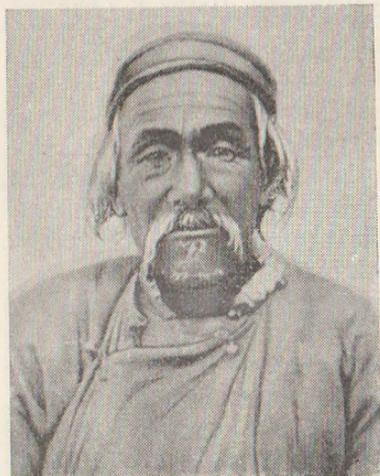
«И еще скажу тебе, — Сантан Джимба задумался, глядя, как постепенно гаснут в камельке угли, покрываясь легким прозрачным налетом пепла, — скажу тебе о смерти Эджена-Владыки — великого Чингисхана».

Старик не спешил. За свою долгую жизнь он повидал слишком многое, чтобы теперь, на склоне лет своих, куда-то спешить. Быть может, в последний раз он вел караван в далекий путь... Впереди был Ланьчжоу*, город, неподалеку от которого он родился. Как родители хотели, чтобы их сын стал монахом! Они отдали его в монастырь учиться. Но Цилян — «семьдесят два», названный так по-китайски в честь своей семидесятидвухлетней бабушки, не выдержал побоев наставника и сбежал из монастыря. О возвращении домой не приходилось и думать. После долгих скитаний Цилян попал к католическим миссионерам и был окрещен. Ему дали новое имя — Жан-Баптист.

После того как их караван покинул полуразрушенный Боро-Балгасун*, Григорий Николаевич Потанин не первый вечер проводил в долгих беседах со стариком. И сейчас снова, в который уже раз, он подумал о том, как не подходило это французское имя старому монголу. Новоявленный католик Жан-Баптист, или Чжан-Батисата, как он произносил новое имя на свой лад, стал проводником многих экспедиций и побывал в Пекине и Лхасе*, Кяхте* и Сычуани*. Григорию Николаевичу, которому уже перевалило за пятьдесят и который тоже успел многое повидать в жизни, было всегда интересно слушать умного и осведомленного проводника.

— Так вот, расскажу тебе о смерти Эджена-Владыки. Долго воевал Чингисхан и покорил многое множество

городов и народов. Однажды отправился хан на охоту. Ночью выпал снег и принес в горы свежесть и свет. Хан убил зайца. Подъехав к нему, он долго смотрел на окрашенный кровью чистый снег и спросил своего приближенного Мергэн-Касара: «Есть ли женщина с лицом такого цвета?»

Сантан Джимба

Мергэн-Касар ответил: «Есть. Жена Шидургу-хана, властителя тангутов. Говорят, столь ликом светла, что, когда в темную юрту войдет, без светильника все видно».

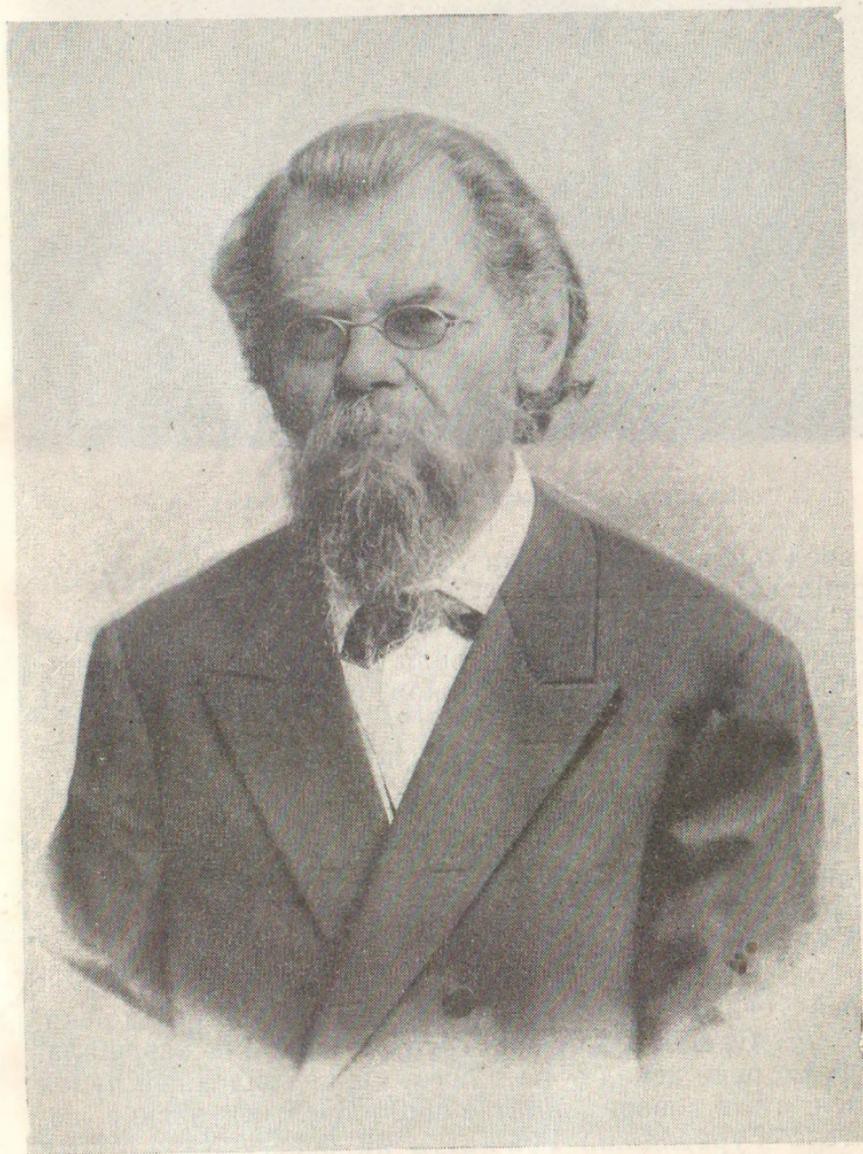
«Я и ты вдвоем пойдем и возьмем ее», — сказал Чингисхан.

С войском своим пошел Чингис и взял в плен тангутского хана. Шидургу-хан сказал Чингису: «Если убьешь меня, телу твоему будет плохо. Если не убьешь, потомству твоему будет плохо».

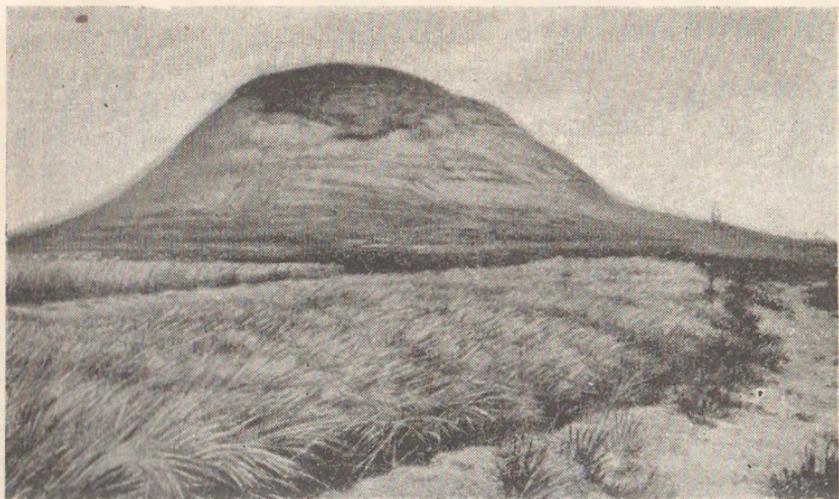
Чингис ответил: «Телу моему вреда не будет, пусть будет хорошо потомству моему».

Видя, что Чингис не соглашается оставить его в живых, Шидургу сказал: «Ты пришел взять мою жену — возьми. Только, когда возьмешь, хорошенько ее осмотри. Осмотри всю, сними с нее все, ничего не оставив. Гурбелджин Гоа-хатун * мою, взяв, обыщи, начиная с черных ногтей».

Не послушал Чингис Шидургу. Жену его, красавицу Гурбелджин Гоа-хатун, забрав, поехал домой. Дорогой в одном месте Чингис ночевал. Рядом с ним легла Гурбелджин Гоа-хатун. Перед этим ходила она купаться в реке Хара-Мурэн. Отцу своему Сашин Джангин, по фамилии Уу, из города Иргайс домашней почтовой птицей письмо послала: «Я в этой реке утоплюсь. Тело мое вниз по течению не ищите, вверх ищите». Ни о чем этом Чингис не знал. А ночью Гурбелджин Гоа-хатун, к потаенному месту своему прижав щипцы, потаенному месту Чинги-

Г. Н. Потанин

Холм Темир-Олхо

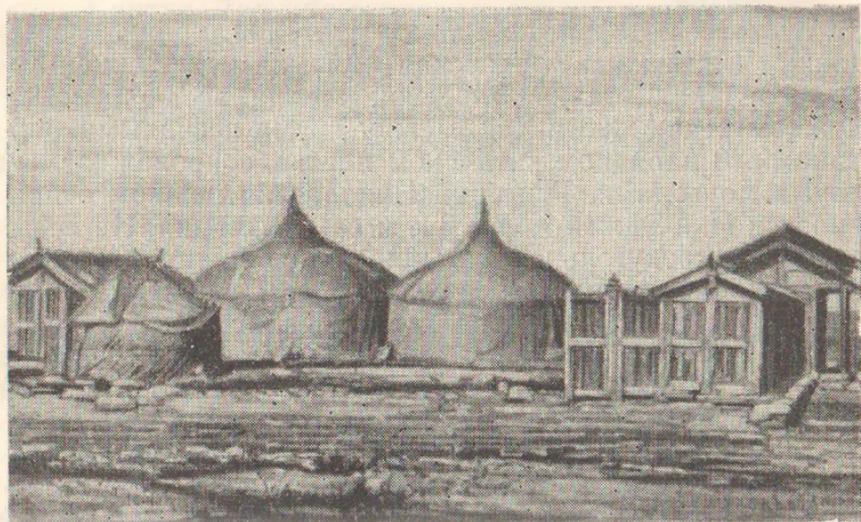
са вред причинила. А сама убежала, в реке Хара-Мурэн утопилась...

Сантан Джимба снова замолчал. Угли погасли. Но от камелька все еще мягкими волнами расходилось тепло. Старик грел руки над камельком, поворачивая их ладонями то вверх, то вниз. Молчал и Григорий Николаевич. Сантан Джимба поднял голову, посмотрел на Потанина. Добрые глаза старика лучились морщинками, седые усы свисали ниже подбородка.

— Ты знаешь, — возобновил он свой рассказ, — что китайцы зовут эту реку Хуанхэ — Желтая река. Тибетцы называют ее Мачу — Красная река. Мы, монголы, зовем ее Хара-Мурэн — Черная река. А еще называем ее Хатун-Гол. Так вот, после смерти хатун Гурбелджин Хара-Мурэн стала называться Хатун-Гол — Царица-река. Отец ее, Сашин Джангин, труп ее, как она завещала, вверх по реке искал — не нашел. Один войлочный чулок нашел, а кто говорит, платье еще нашел. Китайские люди тело Гурбелджин Гоа-хатун на берегу Хара-Мурэн нашли. Каждый по одной лопате земли насыпал, стал холм Темир-Олхо — Железный. Ты видел его?

— Видел.

Потанин вспомнил холм у города Гуйхуачэн *. Это о

Ихи-Эджен-Хоро — юрта с останками Чингисхана

нем местные монголы рассказывали, что здесь похоронена жена Чингисхана, которая оскопила его и бросилась в воды Желтой реки. Холм был высотой около 12 метров, насыпанный из местной серой глины, с очень крутыми склонами и плоской вершиной. Жители соседних деревень уверяли, будто насыпь в разное время принимает различные очертания. Утром она похожа на чашу, в полдень — на юрту, а вечером основание холма исчезает и вершина его как бы парит в воздухе. Потанин предполагал, что виновником необычайных превращений холма был мираж, давший местным жителям повод приписать холму чудодейственную силу и увязать его происхождение с древней легендой.

— Так вот, затем платье Гурбелджин Гоа-хатун нашли. И сейчас в Бага-Эджен-Хоро хранят. Бага-Эджен-Хоро видел?

— Видел. Ну, а как же Чингис?

— Утопилась хатун, а Эджен-Владыка, оскотенный, заболел. Заболел, но повелел продолжать путь. Когда доехали до речки Чжам-Хак, сказал: «Вот место отдохнуть старому человеку, попасться оленю!» И с этими словами умер. Там и поставили Ихи-Эджен-Хоро. Видел?

— Видел.

Юрта, в которой, по словам монголов, хранились останки Чингисхана, ордосская святыня Ихи-Эджен-Хоро — Великая ставка Владыки, стояла за болотистым лужком речки Чжам-Хак, между двумя песчаными барханами. В нарядном китайском платье, сопровождаемый двумя монголами, Григорий Николаевич пешком отправился к Ихи-Эджен-Хоро. Вот и сама святыня. На невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами, за проломленной деревянной оградой впритык стояли две юрты, и там, где они соприкасались, был устроен тайный проход. На юртах золотые маковки, верхние войлоки, покрывающие своды юрт, вырезаны по нижней кромке фестонами в виде языков, свисающих вниз. Вместе с монголами Григорий Николаевич трижды поклонился, встав перед растворенными дверями юрты. Войти в юрту не разрешалось. Только из темных дверей неожиданно высунулась рука с красным деревянным блюдом, на котором стояла медная вазочка с горевшим маслом. Монголы-дархаты*, хранители юрты, сопровождавшие Потанина, предложили ему взять блюдо и поддержать его. Затем все снова троекратно поклонились юрте и удалились.

Из расспросов удалось выяснить, что в юрте якобы находится серебряная рака с костями Чингисхана. Каждый год в двадцать первый день третьего месяца по лунному календарю ордосские монголы устраивают большой праздник — тайлга* — в честь Чингисхана. К его юрте подвозят Донду-Эджен-Хоро — Среднюю ставку Владыки, ставку первой жены хана, и Бага-Эджен-Хоро — Младшую ставку Владыки, с платьем ханши Гурбелджин. В этот день в жертву Чингисхану приносят лошадь.

Пунсак, монгол из хошуна* Ушин, рассказал Григорию Николаевичу легенду о том, что в древности Чингису приносились и человеческие жертвы. Кроважадного Чингиса смирил тибетский панчен-эрдени*. Оставшись в юрте один, он отворил раку, перепоясал высохшее тело хана красным кушаком и сказал: «Отныне ты должен быть милосердным и не убивать живых людей! В жертву тебе должны приносить лошадей, а не людей!» Затем он запер раку тремя замками, а ключи увез с собой. С тех пор дархаты-хранители сами не знали, что лежит в усыпальнице хана.

...Сантан Джимба с сожалением посмотрел на остывший камелек и добавил:

— И каждый год во время празднества тайлга в песнях поминают прекрасную хатун.

Несильным, но чистым голосом он пропел:

Шел по горам Муна,
вел свой монгольский народ,
тангутское царство себе подчинил,
царицу прекрасную Гурбелджин полонил,
о император с императрицей!

Затем столь же неожиданно оборвал песню и сказал:
— Огонь погас, спать пойдем.

Мертвый город

Давно позади остался Ордос, страна древних легенд и чудесных преданий. Многие из этих легенд, услышанных и записанных Г. Н. Потаниным, были связаны с именем Чингиса, с походом монголов в Ордос против тангутов. О каждом памятнике старины местные жители могли сообщить десятки занимательных историй. Многочисленные развалины древних городов свидетельствовали о процветании страны в прошлом. По преданиям, все эти города были уничтожены Чингисханом.

Об услышанном и увиденном в Ордосе Григорий Николаевич вспомнил еще раз, когда руководимая им экспедиция двигалась вниз по течению реки Эдзин-Гол *. В долине, зажатой с двух сторон песками пустыни, там и тут заросшей кустарниками и полузасохшими деревьями, часто попадались следы древних каналов, развалины небольших городов-крепостей, засыпанные песком остатки жилищ. Все говорило о том, что долина когда-то была густо заселена. А ныне здесь кочевало лишь несколько десятков семей монголов-торгоутов *. Расспрашивая их, Григорий Николаевич не мог найти ключа к разгадке тайны долины. Только одно известие помогло приоткрыть эту тайну. Один из монголов-торгоутов, не зная, что сказать далекому гостю о старых каналах и разрушенных крепостях, сообщил:

— Слышал я от стариков, что в устье реки, от озера

Суху-Нор на восток, есть каменная река. Как вода в реке, по земле камни текут. Куда текут, не знаю. И еще есть там большой город. Город я сам видел. Огромный город со стенами и башнями. На башнях субурганы * стоят. Только город совсем, совсем пустой, мертвый город Хара-Хото *. Некоторые люди говорят, называется тот город Эрге-Хара-Бурюк — Источник силы. Если хочешь город увидеть, от самого восточного рукава Эдзин-Кунделен-Гола поезжай на восток. Коль утром выедешь, к вечеру стены города увидишь. Кто ездит, песок роет, вещи серебряные находит. Только знай, воды там и близко нет. Кругом пески.

О таинственном городе Г. Н. Потанин не раз вспоминал и в Иркутске, где он прожил три года после возвращения из экспедиции, и в Петербурге, где он в 1892 году наконец закончил свой двухтомный отчет о ней.

Что это был за город? Какие тайны скрывали его полуразрушенные стены? Было ясно, что ответить на эти вопросы сможет лишь тот, кто сумеет найти этот город. А это оказалось нелегко. В 1900 году А. Н. Казанков, исследуя низовья Эдзин-Гола, расспрашивал торгоутов о Хара-Хото. Но торгоуты ему ответили, что никаких развалин в окрестностях нет и напрасно русские думают, что они больше знают об этих местах, чем сами торгоуты. Скрыли они существование Хара-Хото и от В. А. Обручева, также посещавшего эти места несколько раньше Казанкова.

Раскрыть загадку мертвого города, затерянного в песках пустыни, было еще более заманчиво, так как в печати одно за другим стали появляться сообщения о необычных письменах древнего государства тангутов, народа, так часто упоминаемого в ордосских легендах.

ЗАГАДОЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из древней гьмы на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

И. А. Бунин, *Слово*.

Старый спор

В 1846 году известный английский китаевед Джеймс Легг вынужден был из-за болезни покинуть Гонконг и возвратиться в Лондон. Как-то раз, когда он работал в своем кабинете, в дверь постучали:

— Войдите.

Перед Леггом предстал молодой человек, который передал ему письмо. В письме один из друзей Легга рекомендовал ему юношу, по профессии столяра-краснодеревщика, как человека начитанного, который совсем недавно самостоятельно занялся изучением китайского языка. Незнакомец поспешил представиться:

— Александр Уайли.

«Зачем столяру заниматься китайским языком?» — подумал Легг и спросил:

— Простите, что заставило вас взяться за этот язык?

Молодой человек смутился, но быстро ответил:

— Прошлой зимой я в одном старом книжном ларьке натолкнулся на книгу Премара * о китайском языке. Поскольку я знал латынь вполне достаточно, чтобы прочесть ее, я выучил все, что там есть. Я желал бы и дальше заниматься китайским.

Незнакомец заинтересовал Легга, и ему захотелось немедленно испытать его. На столе лежал китайский перевод «Нового завета».

— Мистер Уайли, не будете ли вы любезны прочитать для меня несколько строк из этой книги?

Уайли раскрыл книгу, не торопясь прочел столбец, затем второй, каждый раз давая приблизительный перевод прочитанных фраз. Произношение его было неточным, но он быстро схватывал нужное значение иерогли-

фов и удачно переводил их всевозможные комбинации. Получить столь неплохие сведения о языке совершенно самостоятельно, пользуясь лишь устаревшим учебником! Легг был удивлен способностями и трудолюбием молодого человека.

В 1847 году по его рекомендации столяр-краснодеревщик из Шотландии и будущий известный английский ученый-китаевед Александр Уайли выехал в Китай в качестве управляющего бюро печати Лондонского миссионерского общества в Шанхае.

Александр Уайли заинтересовался забытыми языками и письменностями народов Китая. Его внимание привлекла шестиязычная надпись на воротах Цзюйюань, недалеко от Пекина, относящаяся к XIV веку. Когда-то эти ворота стояли на большой дороге из Пекина в Монголию. В 1345 году на внутренних стенах массивных ворот, украшенных пышным орнаментом и барельефными изображениями буддийских божеств, на шести языках были выгравированы священные буддийские тексты. Письмена пяти надписей оказались уже известными. Шестая была совершенно непонятна. Однако поскольку часть текста, высеченного на воротах, представляла собой дхарани — набор буддийских заклинательных формул, древнеиндийское звучание которых передавалось на всех языках приблизительно одинаково, можно было с полным основанием предположить, что и знаки неизвестного письма передают звучание этого же самого хорошо известного текста. Александр Уайли вместе с молодым французским китаеведом Эдуардом Шаванном принялись за расшифровку неизвестных письмен. Было установлено, что каждый знак таинственного письма передавал один слог санскритского слова. В результате исследователи определили приблизительно звучание нескольких десятков загадочных знаков.

Но сразу же возникло много новых вопросов, и среди них главный — кому принадлежало это письмо? Только ответив на этот вопрос, можно было попытаться восстановить древний язык этого народа и постигнуть природу загадочных письмен.

Александр Уайли, посвятивший много времени изучению маньчжурского языка*, а также памятников письменности далеких предков маньчжур — чжурчжэней, предположил, что это было так называемое малое чжур-

чжэньское письмо, о создании которого упоминалось в древних китайских книгах. Мнение Александра Уайли, с которым он выступил в печати в 1870 году, было принято всеми учеными.

Но его предположению не суждена была долгая жизнь. И виновником этого оказался французский дипломат и ученый Габриэль Девериа.

Когда окрыленный дружеской поддержкой Легга Александр Уайли плыл в далекий Китай, сыну известного французского художника Ашиля Девериа едва исполнилось три года. Через десять лет Габриэль потерял отца, которого ему с тех пор заменил его старший брат, друг и наставник Теодуль Девериа, популярный знаток древнего Египта.

В 1860 году, в том году, когда Александр Уайли впервые за много лет покинул Шанхай, чтобы побывать у себя на родине, шестнадцатилетний Габриэль Девериа отправился учиться в Китай. Быстро овладев языком, Девериа вскоре стал блестящим переводчиком и автором многих научных работ о Китае. Как и Александр Уайли, он заинтересовался историей и языками малых народностей Китая. В 1882 году Габриэлю Девериа удалось отыскать памятник, который бесспорно был написан малым чжурчжэньским письмом. Но постойте! В чем же дело? Малое чжурчжэньское письмо совершенно не походило на таинственные письма с ворот Цзюйюнгуань. Значит, предположение Уайли о том, что это малое чжурчжэньское письмо, неверно? Уайли и сам охотно признал это. Но тогда кому же все-таки принадлежало загадочное письмо?

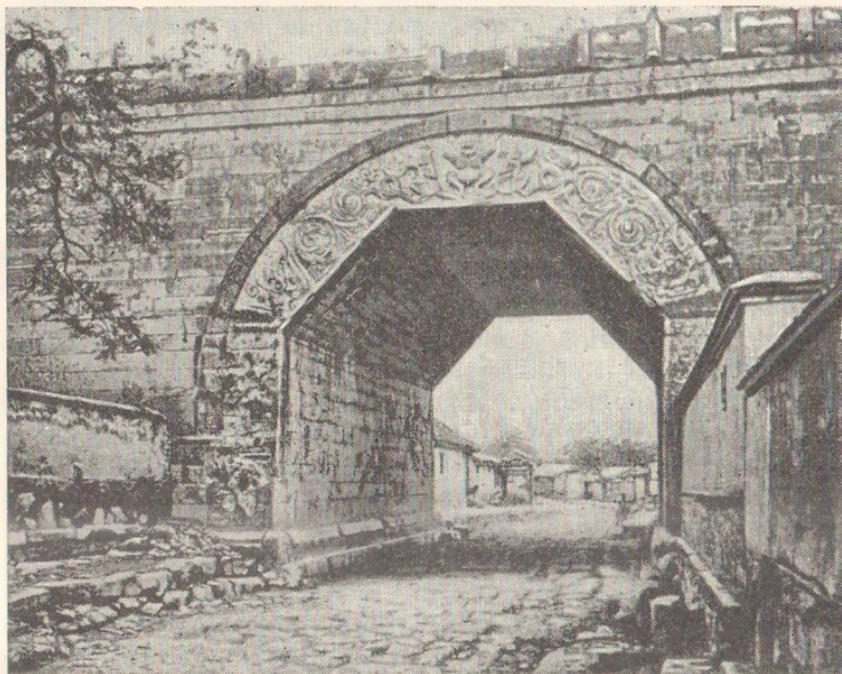
Лянчжоуский клад

Начались поиски. И вот в одном старинном китайском сочинении, посвященном описанию древних монет, Габриэль Девериа обнаружил изображение монеты с надписью, выполненной тем же письмом, что и неразгаданное письмо с ворот Цзюйюнгуань. В описании монеты сообщалось, что она была найдена в г. Лянчжоу* среди других монет, извлеченных из древних кувшинов, которые были выкопаны из земли. Среди монет этого древнего клада были монеты тангутского государства Запад-

ное Ся, территория которого некогда включала и город Лянчжоу. За сообщением о находке монет следовала приписка. Прочитав ее, Девериа заволновался. И еще бы не волноваться! В книге говорилось, что в том же городе Лянчжоу, в храме Великого облака, имелась стела с древней памятной надписью, выполненной по-китайски и на том же языке и теми же письменами, которые были на монете и воротах Цзюйюнгуань. И, как рассказывалось в книге, из китайского текста явствовало, что стела была установлена в пятом месяце 1094 года тангутским государем Цянь-шунем, императором Западного Ся.

Девериа ликовал. Значит, загадочные письмена на воротах Цзюйюнгуань принадлежали тангутам! Но ученый должен быть осторожен. Следовало лично убедиться в правильности сообщения древнекитайской книги. 26 января 1896 года Девериа пишет письмо французскому послу в Китае Жерару, умоляя его добыть отпечатки с лянчжоуской надписи. Семь месяцев долгого ожидания. Наконец дрожащими руками он вскрывает драгоценный пакет. Достаточно одного взгляда, и все сомнения исчезают. Это то же самое письмо, которое обнаружил Александр Уайли на воротах Цзюйюнгуань. Отныне Габриэль Девериа с полным правом мог утверждать, что это письмо принадлежало тангутам и было в употреблении в тангутском государстве, которое в китайских летописях именовалось Си Ся. Вновь открытое письмо так и было им названо — письмо Си Ся.

В то же время, когда проводил свои изыскания Габриэль Девериа, англичанин Стивен Бушель обнаружил в коллекции Британского музея в Лондоне монету с незнакомым письмом, о существовании которого было известно по надписи на воротах Цзюйюнгуань. Зная о памятной надписи из Лянчжоу и располагая оттисками с нее, С. Бушель почти одновременно с Г. Девериа определил, что загадочное письмо на монете и воротах Цзюйюнгуань — тангутское. Именно то, что открытие Бушеля было сделано им самостоятельно и почти одновременно с открытием Г. Девериа, лишней раз подтверждало правильность выводов английского и французского ученых. Реальность существования письма Си Ся, письма, о котором было известно из китайских источников, но подлинное употребление которого в тангутском государстве

Ворота Цзюйюнгуань

оспаривалось еще рядом европейских ученых в начале XIX века, была доказана. Первые памятники, написанные этим письмом, были обнаружены. Впереди вырисовывалась увлекательная цель — проникнуть в тайну неизвестного письма.

«Лишь слову жизнь дана...». Но сколько напряженного труда, какая беззаветная преданность своему делу требуется от дешифровщика, чтобы вдруг ожили, зазвучали, заговорили древние письмена. Уже много веков тысячи историков и филологов, археологов и языковедов ведут неутомимую борьбу за восстановление прошлого человечества. Крепнет и мужает наука, закаляясь в этой борьбе. Каждая вновь раскрытая тайна, каждый отвоеванный у неизвестности отрезок прошлого делают человечество богаче, мудрее и сильнее.

На рубеже XIX и XX веков ученые разных стран — А. Уайли, Э. Шаванн, Г. Девериа, С. Бушель приступили к воссозданию истории исчезнувшего и полузабытого

тангутского государства. Сопоставляя китайский и тангутский тексты лянчжоуской надписи и надписи на монетах, Девериа и Бушель определили значения или звучания нескольких десятков знаков тангутского письма. Но находящийся в их руках материал был крайне скуден, и потому первые успехи были невелики.

Летом 1899 года Г. Девериа скончался. В речи, посвященной его памяти, знаменитый французский китаевед Эдуард Шаванн подчеркнул особую важность начатых им совместно с А. Уайли и С. Бушелем исследований. «Работа Девериа, — говорил он, — имеет значительную ценность. Она открывает новую главу в истории письменности... Эти письма действительно зывают к тому, чтобы мы вновь открыли миру в ближайшем будущем народы, до сих пор малоизвестные; текстами чжурчжэньскими и си-ся не следует пренебрегать уже сегодня, и они не замедлят раскрыть свои секреты».

Однако известных науке памятников тангутского письма было недостаточно для его дешифровки. Только находка дополнительных материалов могла облегчить и ускорить работу. И такие материалы вскоре были найдены.

«Лотосовая сутра»

1 августа 1900 года войска восьми союзных держав: Англии, Франции, США, России, Германии, Японии, Австро-Венгрии и Италии, штурмом взяли Пекин, подавив антиимпериалистическое и антифеодальное движение китайского народа, так называемое восстание ихэтуаней, или боксеров, как его стали называть в европейской литературе. Правивший в то время в Китае маньчжурский двор покинул столицу.

В один из августовских дней сотрудники французского посольства М. Морис, Фернан Берто и Поль Пельо разбирали вороха брошенных бумаг и книг у пагоды Байта. Каково же было их изумление, когда среди этих старых книг и бумаг они нашли хорошо сохранившуюся рукопись, шесть книжек, написанных почти неизученным письмом Си Ся. Рукопись была превосходна. Золотом, красивым почерком, на черно-белых листах был написан текст какого-то неизвестного сочинения. Ценная находка была поделена между М. Морисом и Ф. Берто.

М. Морис со всей серьезностью оценил важность сделанной находки. Хороший специалист по Китаю, он по типу книги и приложенным к ней гравюрам предположил, что данное произведение относится к буддийским священным текстам, и вскоре утвердился во мнении, что перед ним написанный на тангутском языке текст так называемой «Лотосовой сутры»*. Он смело взялся за сопоставление китайского и тангутского текстов сутры. Успех был полный. Морису удалось установить чтение или значение около трехсот тангутских знаков. Он дал первые сведения по грамматике тангутского языка. М. Морис не поддержал мнения, высказанного Г. Девериа о фонетическом и слоговом характере тангутского письма, и предположил, что тангуты создали свое письмо по образцу китайского. Опубликованный им в 1904 году труд «Предварительный вклад в изучение письменности и языка Си Ся» явился бы подлинно новым словом в науке и открыл перед тангутоведением новые горизонты, если бы... Если бы не чрезмерная загруженность самого Мориса служебными делами, не позволившими ему довести работу до конца, и не ограниченный объем принадлежавших ему трех глав сутры. Не имея достаточного времени для окончания своей научной работы, М. Морис в 1912 году продал принадлежавшие ему три тома «Лотосовой сутры» Берлинской библиотеке, где они были тщательно изучены немецкими учеными Анной Бернхарди и Эрвином фон Цахом.

Ф. Берто, который и не помышлял о научных занятиях, хранил свои три тома просто как реликвию. После смерти Берто его вдова распродала главы рукописи разным лицам. Лишь по инициативе французской научной общественности парижский музей Гюме выкупил все три главы, принадлежавшие Берто.

Так в те годы, когда ордосские монголы рассказывали путешественникам красочные легенды о гибели Чингисхана от руки тангутской красавицы Гурбелджин, трудами ряда ученых было открыто и предварительно исследовано загадочное тангутское письмо. Был приподнят лишь краешек занавеса, за которым где-то в туманной дали скрывались разгадки легенд и тайны развалин ордосских городов и высохших каналов долины Эдзин-Гола. И хотя крупницы новых знаний были достоянием единиц, все человечество чуточку больше стало знать о себе.

Начатый поиск продолжали ученые многих стран, передавая друг другу эстафету приобретенных знаний. Пусть эту эстафету несли разными дорогами и часто в одиночку, идя по уже хоженому пути, ее все-таки всегда несли вперед.

Когда в 1908 году П. Пельо знакомил в Ханое делегатов Первого конгресса по изучению Дальнего Востока с одной из глав данного ему Морисом текста «Лотосовой сутры», он и не подозревал, что уже в пути караван экспедиции Русского Географического общества, возглавляемый П. К. Козловым, которому предстояло сделать открытие, имевшее чрезвычайную важность для только что родившейся отрасли востоковедной науки — тангутоведения.

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД

Душу номада * даль зовет.

П. К. Козлов, *Монголия и Амдо
и мертвый город Хара-Хото*

Черный город

Петр Кузьмич Козлов, ученик и сподвижник знаменитого Николая Михайловича Пржевальского, страстный путешественник, участник полудесятка экспедиций Русского Географического общества в Центральную Азию, готовился к очередной своей поездке с особым волнением. Привезенное Г. Н. Потаниным сообщение о затерянном в песках пустыни мертвом городе заинтересовало многих ученых и путешественников. Таинственный город мечтал разыскать и П. К. Козлов. Теперь мечта его могла осуществиться. Отправлявшейся в 1907 году Монгольско-Сычуаньской экспедиции Козлова Географическое общество специально поручило разыскать и исследовать Хара-Хото — древний город пустыни.

С этого момента все участники экспедиции, провожающие и родственники только и говорили о Хара-Хото как в Петербурге, так и в Москве — словом, повсюду, где экспедиция летом и осенью 1907 года снаряжалась в далекий путь. Загадочный город, его таинственные недра давали богатую пищу воображению.

Наконец позади остались и петербургские хлопоты, и трогательное прощание с родными и близкими на вокзале в Москве, и гостеприимный Иркутск. На завтра экспедиция покидает Кяхту, а с нею и пределы Родины. За окном поздняя осень. На дворе холодно и сыро. В комнате жарко, натоплено на славу. Мягкий свет лампы под зеленым абажуром ложится на письменный стол и толстую тетрадь в коричневом дерматиновом переплете. Может быть, в ближайшие два-три года путешественникам и не придется больше ночевать в таком теплом и уютном помещении. «Прощай, оседлая жизнь! Здравствуй палатка и походный бивуак! Разве не счастлив тот, кто первым пойдет по еще неизвестным дорогам в дебрях Азии,

П. К. Козлов

изучая ее природу, знакомясь с жизнью ее обитателей!» Петр Кузьмич улыбнулся, вспомнив, как одолевали его и в Петербурге и в Москве желающие присоединиться к их экспедиции. Даже в последние часы в Москве, когда он, простившись с детьми и родными, уезжал с женой на вокзал, на крыльце дома к нему неожиданно бросился молодой человек и стал умолять взять его с собой. Да, отважных людей России не занимать!

Петр Кузьмич раскрыл тетрадь, обмакнул перо в чернильницу и четким почерком вывел:

«Дневник
Монголо-Сычуаньского путешествия
1907—1909
П. К. Козлов.

Кяхта»

Экспедиция уже по существу началась. Следовало сделать первую запись в дневнике. Почин — дело великое.

Петр Кузьмич глянул в окно. В густой черноте осенней ночи мерцали огоньки Кяхты — прощальные улыбки Родины. Как всегда, горечь разлуки с ней сжала сердце. Он записал в дневник первую фразу: «Осень 1907 года...». Снова задумался. Стоит ли поддаваться грусти, когда уже завтра тебе предстоит открывать дороги в неведомое и начнет сбываться то, о чем ты мечтал годами. Перо уверенно забегало по бумаге:

«...Путешественнику оседлая жизнь, что вольной птице клетка. Пройдут порывы первой радости, и опять обстановка цивилизованной жизни, обыденность становятся тяжелыми. Таинственный голос будит душу, мысль уносит в покинутые места Центральной Азии, короче — „даль зовет“... Словно в ней именно высшее благо, которого не найти в России, в Европе. Да, это благо — свобода и приволье странника, хорошо читающего обстановку диких, неведомых до него картин природы, страннику, сделавшемуся крестным отцом многих представителей растительного и животного царства, мало этого, крестным отцом многих гор, долин, речек и их обитателя — человека! Для меня, прошедшего столько лет среди природы Центральной Азии, вкусившего прелесть этой жизни вместе с Пржевальским, умевшим, как никто другой, зажечь пламень любви к науке, к путешествию, у меня сложилось убеждение, что самыми лучшими, самыми счастливыми годами моей жизни, годами, на которые я могу со спокойной совестью оглянуться, что они не пропали даром, есть годы жизни в Центральной Азии...».

«Да, это действительно так, — подумал Петр Кузьмич. — Сколько раз я бывал поэтически счастлив, стоя лицом к лицу с дикой, грандиозной природой».

Строка за строкой ложились на первые страницы дневника. Наконец первая запись готова. Экспедиция началась. Скорее спать. Завтра в путь.

Холодным ветреным утром 28 декабря 1907 года (по старому стилю) экспедиция покинула Кяхту. Был разгар зимы. Морозы нередко достигали 36°. Но особенно доносили путешественников сильные западные ветры, нередко переходившие в бури. Лишь через месяц пути, когда члены экспедиции уже миновали Ургу* и углубились в Южную Монголию, появились февральские ясные проблески и стало иногда ласково пригревать солнце.

18 февраля экспедиция прибыла в ставку монгольского князя Балдын-цзасака, расположенную в южной Гоби.

Балдын-цзасак, невысокий старичок лет шестидесяти, с приятным, не лишенным благородства лицом, принял экспедицию очень дружелюбно. Не успели усталые путешественники оглянуться, как перед ними появился маленький столик с монгольским кирпичным чаем, заправленным молоком и маслом, и, что очень обрадовало Петра Кузьмича и его спутников, блюдом свежих лепешек.

На следующий день Балдын-цзасак прибыл в лагерь экспедиции. Князя усадили на почетное место рядом с Козловым. Подали угощение, завели граммофон. Балдын-цзасак и его свита были в восторге. Они смеялись, оживленно переговаривались, спрашивали, кто же это поет, и старались залезть головой в рупор граммофона, чтобы узнать: кто же все-таки там находится? Особенно гостям понравилась пластинка, на которой были записаны голоса различных животных. С удовольствием слушали они военные марши и хоровое пение.

После обычных расспросов о здоровье началась деловая часть переговоров — о найме животных, проводника, юрты, о маршруте экспедиции. Зашел разговор и о Хара-Хото. Узнав о желании Петра Кузьмича посетить низовья Эдзин-Гола, князь спросил:

— Почему вы во что бы то ни стало хотите идти на Эдзин-Гол, а не прямо в Алашаймынь*, куда и дорога хорошая и времени потребуется меньше, а потому меньше трудов и издержек? Вероятно, на Эдзин-Голе у вас есть что-то, представляющее для вас большой интерес?

— Да, — ответил Петр Кузьмич. Он внимательно посмотрел на князя и добавил:

— Вы правы. Там есть очень любопытные развалины старинного города.

Балдын-цзасак был поражен. Но, преодолев удивление, он хитро спросил:

— А вы откуда знаете?

— Из книг наших путешественников, из писем друзей.

— Вот оно что, — глубокомысленно протянул князь. — Я слышал о Хара-Хото от моих людей. Они бывали там. Действительно, существует город, обнесенный стенами, но его постепенно засыпают пески.

Петр Кузьмич обрадовался чрезвычайно. Значит, на самом деле есть таинственный, покинутый людьми город, и монголы знают туда дорогу. Однако он и виду не подавал, что возликовал в душе, услышав признание князя.

— Князь, скажите, пожалуйста, а что рассказывают ваши люди о Хара-Хото?

— Говорят, там на развалинах бывают торгоуты и втихомолку копают, ищут скрытые богатства.

— Какие такие богатства?

— Всякое говорят. Говорят, правитель Хара-Хото Хара-цзяньцзюнь, когда город осадили враги, двух жен своих убил, а богатства в землю зарыл. Сам потом в бою погиб. Другие говорят, жены сами умерли, своею смертью, а Хара-цзяньцзюнь зарыл с ними много добра. Торгоуты и ищут эти богатства. Внутри крепости, у субурганов, они вырыли глубокий ров и уже достигли крыши кладовой, как вдруг из ямы выскочили две змеи, красная и зелено-серая. Поняв, что это жены Хара-цзяньцзюня, стерегущие клад, торгоуты все бросили и убежали. Больше не копают. Темное место, заколдованное место.

Князь горестно покачал головой. Однако, желая сделать Петру Кузьмичу приятное, добавил:

— Но вы, русские, все знаете, и только вам под силу такие работы. Мне кажется, торгоуты не станут препятствовать вам и позволят провести раскопки.

— Князь, мы могли бы рассчитывать на вашу любезную помощь?

Помолчав немного, Балдын-цзасак сказал:

— До сих пор там никто не был. Торгоуты тщательно скрывают Хара-Хото и старинный путь через этот город

в Алашаямынь. Так что, пожалуйста, не говорите, что я рассказал вам о развалинах, просто скажите: «Сам знаю, и потребовал, мол, у Балдын-цзасака проводников и верблюдов, чтобы прибыть в ставку торгоутского князя».

Князь улыбнулся. Улыбнулся и Козлов. Их взгляды понимающе встретились, и Петр Кузьмич, привстав, крепко пожал князю руку.

Распрощались. Длившийся четыре часа визит был окончен. Князь уехал. Петр Кузьмич остановился у входа в палатку. Как хорошо, тихо и приятно было вокруг. День медленно угасал, надвигались сумерки. Весь западный край неба полыхал чудесным гобийско-монгольским закатом. На восточном небосклоне показался красавец Юпитер...

Быстро пролетело время в гостеприимной ставке Балдын-цзасака. Холодным пасмурным утром 1 марта экспедиция покинула лагерь и, сопровождаемая князем и его свитой, направилась на юго-запад. У колодца Бартун-Хадук старый князь дружески попрощался с путешественниками. Пожимая руку Петра Кузьмича, он шепнул ему на ухо:

— Прощайте, я уверен, что вы попадете в Хара-Хото и найдете там много интересного.

Степные лошадки вихрем понесли ловких монгольских наездников. Несколько минут — и старый князь и его свита исчезли из виду. Караван продолжал свой путь.

11 марта экспедиция достигла низовьев реки Эдзин-Гол и расположилась бивуаком в урочище Торцо. Посланный к торгоут-бэйлэ — местному монгольскому правителю — казак Бадмажапов, родом бурят, вскоре возвратился с хорошими вестями. Бэйлэ приглашал экспедицию расположиться лагерем в Даши-Обо, по соседству с его ставкой, и обещал полное содействие в исследовании развалин Хара-Хото. Следовало поторопиться.

1 апреля (19 марта по старому стилю) экспедиция отправилась на поиски Хара-Хото.

Из дневника П. К. Козлова.

«Холодное, мрачное утро 19 марта. С вечера у нас все готово. После утреннего метеорологического наблюдения выступаем... Я чуть ли не с места стал разговаривать через посред-

ство переводчика о Хара-Хото, который мы должны увидеть через четыре с небольшим часа! Наше волнение увеличивалось и увеличивалось, в особенности когда после 3—5 верст юго-юго-восточного движения нам стали попадаться черепки фарфоровой и глиняной посуды, равно гранитные жернова четырехугольной формы с закругленными краями, гранитные же валы для молотьбы, наконец, монеты и пр. ...Показались развалины справа у дороги, Актан-Хото, в них, по преданию, был сосредоточен кавалерийский отряд, защита Хара-Хото. Эта цитадель устроена на возвышении берега мертвой реки, с остовами погибших сухих тополевых деревьев, валявшихся вдоль русла „старого ложа“ вод Эдзин-гольских, некогда омывавших с двух сторон Хара-Хото. По сторонам последнего залегали культурные долины с земледельческим населением. Наше желание попасть в Хара-Хото дошло до крайней степени. Над песками показались крепостные шпицы субурганов..., а вот и уголок самой крепости. Еще томительных полчаса и мы, миновав бугры-холмы из песка и тамариска, вышли на каменную равнину с запада, где мертвый город весь на виду, вблизи и еще больше манит к своим скрытым сокровищам...»

Через западные ворота маленький караван вступил в город. Как все удивительно одиноко, тихо и угрюмо. Лишь ветер метет песок, закручивая его в маленькие смерчи и гоняя их по вершинам стен. По песчаному холму, тянувшемуся до самой вершины восточной стены города, Козлов поднялся наверх. Перед ним открылась величественная и жуткая панорама заброшенного города. Стены его были строго ориентированы на север, юг, восток и запад, образуя правильный квадрат, каждая из сторон которого составляла около версты. В западной и восточной стенах города имелись ворота, защищенные Г-образным выступом, затруднявшим прямой доступ к ним, и расположенные не прямо одни против других, а восточные — несколько к северу, а западные — несколько к югу от центра стены. С запада на восток город пе-

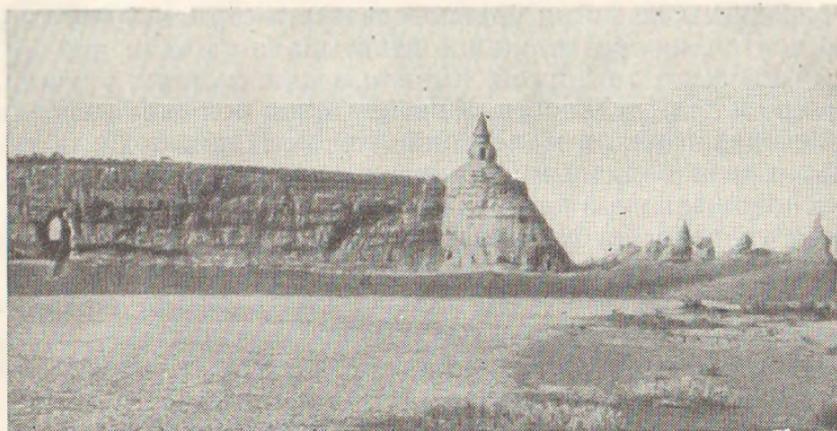
ресекали две главные параллельные улицы, начинавшие-ся от ворот. Одну из них, примыкавшую к западным воротам, Петр Кузьмич так и решил назвать Главной, а вторую, открывавшую вход в город через восточные ворота, — Торговой. Именно с востока шли сюда когда-то богатые купеческие караваны из Китая. Мощные стены города, высотой до 6—8 метров, в северо-западном его углу были увенчаны величественными субурганями. Стены постепенно сужались к вершине, и толщина их, достигавшая у основания 4—6 метров, уменьшалась вполовину. Местами на вершине стены лежали кучи камня и гальки — так и не использованное оружие осажденных. Каждая стена имела по нескольку бастионов. У северного угла западной стены стояла живописная группа субурганов. Тут и там над окружавшей город унылой равниной вздымались полуобвалившиеся, изъеденные песком и ветром субурганы. Особенно много их было возле старых дорог. Кое-где они сохранились и внутри города. Небольшие возвышения из песка, мусора и земли — остатки прежних строений — довольно четко обозначали бывшие улицы города, покинутые жителями давно и, как видно, навсегда.

Козлов записал от монголов-торгоутов интересную легенду о гибели Хара-Хото:

«Последний властитель Хара-Хото — батырь Хара-цзяньцзюнь, опираясь на свое непобедимое войско, намеревался отнять китайский престол у императора, и китайское правительство принуждено было выслать против него значительный военный отряд. Целый ряд битв между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзяньцзюня произошел к востоку от Хара-Хото... и был неудачен для последнего...

Не имея возможности взять Хара-Хото приступом, императорские войска решили лишить город воды, для чего реку Эдзин-Гол... отвели влево на запад, запрудив прежнее русло мешками, наполненными песком. И поныне там еще сохранилась запруда эта в виде вала, в котором торгоуты недавно находили остатки мешков.

Лишенные речной воды, осажденные начали рыть колодезь в северо-западном углу крепости, но хотя прошли углублением около восьмидесяти чжан (чжан равен нашим пяти аршинам), воды все-таки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзяньцзюнь решил дать противнику послед-

Северная сторона Хара-Хото с брешью

нее генеральное сражение, но на случай неудачи он уже заранее использовал выкопанный колодезь, скрыв в нем все свои богатства... а потом умертвил двух своих жен, а также сына и дочь, дабы неприятель не надругался... Сделав означенные приготовления, батырь приказал пробить брешь в северной стене, вблизи того места, где скрыл свои богатства. Через образованную брешь, во главе войск он устремился на неприятеля. В этой решительной схватке Хара-цзяньцзюнь погиб и сам, и его до того времени считавшееся непобедимым войско. Взятый город императорские войска, по обыкновению, разорили дотла, но скрытых богатств не нашли. Говорят, сокровища лежат там до сих пор».

Козлов еще раз осмотрел брешь, пробитую в северной стене Хара-Хото. В нее свободно мог въехать всадник. Она могла породить сказание о том, как погиб город. Вот и полузасыпанный ров у внутренней стороны этой стены, где, по преданию, спрятал свои сокровища правитель Хара-Хото. О нем рассказывал и Балдын-цзасак. Здесь было над чем задуматься. Насколько правдива эта легенда? Вся надежда на раскопки.

Лагерь экспедиции был разбит в центре крепости, у развалин большого глинобитного здания. Всем не терпелось тотчас же начать поиски. И поиски начались. Вечером Петр Кузьмич записал в своем дневнике: «С самого

приезда мы не могли уравновеситься, — брались за одно, за другое, за третье, жадно схватывали то один найденный предмет, то другой. Копали, рыли, ломали, рушили, бродили по поверхности. К вечеру наша большая палатка уже представляла маленький музей». находки были самыми разнообразными — книги и рукописи из субургана, расположенного в юго-западном углу крепости и названного условно «субурганом А», иконы дивной золотисто-сине-красной расцветки, монеты, бумажные деньги, различные предметы буддийского культа, масса черепков фарфоровой и глиняной посуды, предметы быта — бусы, серьги, стремяна, чашечки, молоток и т. п. Козлов и его спутники были в восторге.

В розысках незаметно пролетели три дня. Пришла пора возвращаться. Петр Кузьмич писал в своем дневнике: «Настал и день предполагаемого отъезда. Но жаль было расставаться с „нашим“ Хара-Хото, как мы его стали называть, мы успели познакомиться, свыкнуться с ним, с его скрытыми тайнами, между ним и нами установилась связь, связь духовная, тесная». 21 марта Козлов покинул Хара-Хото, оставив там еще на два дня своих спутников — геолога Чернова и казака Мадаева.

Козлов возвращался в ставку торгоут-бэйлэ, чтобы известить ученый мир о своем открытии и переслать находки в Петербург.

Из письма П. К. Козлова секретарю Географического общества А. А. Достоевскому:

*«Урочище Торай-онца (Восточный рукав
Эдзин-Гола)
28 марта 1908 г.*

Милостивый государь Андрей Андреевич!
Эту же маленькую весточку посылаю исключительно в целях познакомить Вас с историческими развалинами Хара-Хото, с развалинами города, в котором, по народному преданию, проживал батырь Хара-цзяньцзюнь, откуда идет и название „Хара-Хото“, т. е. „Черный город“...

...Сменилось девять поколений управителей эдзингольских торгоутов, но последние не знают Хара-Хото иначе, как только в развалинах...

Кто же были в конце концов хара-хотосцы? Туземцы на таковой вопрос отвечают: „китайцы“, основываясь на капитальных стенах города и отделке (развалин) кумирен *, а также на множестве гранитных валов (четырёхугольных, закругленных лишь слегка) и гранитных жерновах, валяющихся не только внутри крепости, но и на далеком протяжении по сторонам, в особенности по направлению к современному восточному рукаву Эдзин-Гола. На этом последнем, дважды пройденном пути я встретил на ровной поверхности наслоенной глины не только жернова и валы, но и много черепков фарфоровой посуды, характеризующей более высокую культуру, нежели современных ближайших обитателей. Это с одной стороны, с другой стороны, туземцы не разделяют этого мнения всецело потому, что кумирни, субурганы и письмена с тибетскими бурханами * знаменуют собой присутствие буддистов-некитайцев, не китайского происхождения.

С нетерпением жду Вашего письма, могущего хоть отчасти осветить мне прошлое Хара-Хото.

Буду надеяться, что Вы в этом отношении скажете мне что-нибудь после того, как с материалами, даже теперь мною высланными, познакомятся академик С. Ф. Ольденбург и профессор П. С. Попов. Первому из этих высокоуважаемых мною лиц я теперь же пишу о Хара-Хото, второго Вы не преминете пригласить сами лично или через любезное посредство С. Ф. Ольденбурга.

Завтра экспедиция выступит в дальнейший путь, по юго-восточной диагонали Центрально-Азиатской пустыни. Первый ночлег мы устроим в Хара-Хото, где намереваемся провести целые сутки всем отрядом. Наши люди все стремятся скорее попасть в Хара-Хото. Отряд уже успел проникнуться важностью задачи, порученной нам Императорским Географическим обществом...»

Проведя ночь в Хара-Хото, караван экспедиции взял курс на юго-восток, в пески Алашаня.

Петр Кузьмич еще раз взглянул на далекий, едва маячивший на горизонте город. Подумалось: «Итак, прощай, Хара-Хото! Ты дал мне много прекрасных, восторженных минут, ты невольно открыл мне новую отрасль занятий, новую отрасль знаний, новую пытливость. А кто знает, какая, быть может, еще великая радость впереди... Во всяком случае о тебе говорилось много с самого Петербурга, дороги и Урги, везде ты занимал меня. Прощай, отживший приятель, ты, раньше других воскресший, и память о тебе побежит по всему ученому миру...».

Древней дорогой, связывавшей некогда Хара-Хото с долиной реки Хуанхэ, дорогой, обозначенной полуразвалившимися башнями и местами до сих пор отчетливо различимой среди песков Алашаньской пустыни, караван прибыл в горы Алашань и встал лагерем на отдых в оазисе Динъюаньин. Путешественники невольно обратили внимание на то, что город Динъюаньин по своей планировке и облику построек напоминал недавно покинутый Хара-Хото. Земледельческий район вокруг расположенного неподалеку города Нинся, изрезанный ручейками и каналами, также напоминал о мертвом городе. Позднее в своем отчете геолог экспедиции Чернов писал: «Вспомнив окрестности Хара-Хото в низовьях Эдзин-Гола, я только теперь ясно представил себе условия существования заброшенного города: и там можно видеть следы такой же системы орошения, размеренные площади, остатки бывших на них построек. Вся жизнь была связана со сложной сетью каналов и неминуемо должна была замереть, как только была нарушена главная водная артерия края». Чувствовалось, что невидимыми, неясными для путешественников нитями район Хара-Хото был связан с этим лежащим на другом краю пустыни районом. Поражало сходство остатков древней культуры с тем, что они видели вокруг живым и цветущим. Когда же только что пройденный караванный путь связывал эти области в единое целое? Может быть, именно здесь ключ к разгадкам тайн древнего города? Оставалось ждать ответа из далекого Петербурга.

Из Динъюаньина экспедиция двинулась на юг для обследования районов у озера Кукунор и областей северо-восточного Тибета. Поздней осенью отряд Козлова рас-

положился на зимовку в оазисе Гуйдуй, в северо-восточном Тибете. Путешественники наслаждались отдыхом — предстояла длительная зимовка в благодатном оазисе.

Но наступило утро 7 декабря, и все переменялось.

Заместитель председателя Географического общества А. В. Григорьев извещал П. К. Козлова о результатах первого знакомства специалистов с материалами, добытыми в Хара-Хото. По мнению профессоров университета и научных сотрудников Азиатского музея Академии наук, Хара-Хото является давно пропавшей столицей тангутского царства Си Ся, существовавшего в XI—XIV веках. 15 октября 1908 года на заседании Географического общества с докладами о находках из Хара-Хото выступили специалист по буддизму академик С. Ф. Ольденбург, китаевед А. И. Иванов и монголовед В. Л. Котвич. Они доложили, что найденные экспедицией бумажные ассигнации относятся к 1264—1295 годам, находки буддийских икон проливают свет на историю буддийского искусства в XII—XIII веках, а извлеченные из развалин рукописи, помимо китайского языка, написаны «на языке неведомом, по крайней мере прочесть их никто не умеет, хотя образцы письма и известны». В заключение А. В. Григорьев писал: «Ввиду важности совершенного открытия, Совет Географического общества уполномочил меня предложить Вам не углубляться в Сычуань, а вместо этого возвратиться в пустыню Гоби и дополнить исследование недр мертвого города. Не жалейте ни сил, ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки».

Пришлось отказаться от поездки в Сычуань, в верховья великой Янцзы. Козлов принимает решение вместо предполагавшегося отдыха потратить два зимних месяца на изучение области восточного Тибета — Амдо, а затем, ранней весной двинуться в обратный путь к Хара-Хото.

Субурган славы

В конце мая 1909 года, завершив исследования в Амдо и проделав огромный путь на север, караван П. К. Козлова вновь увидел вдали знакомые очертания стен и башен Хара-Хото. Экспедиция встала лагерем в северо-западном углу города. Мертвый город снова ожил.

Из письма П. К. Козлова секретарю Географического общества А. А. Достоевскому:

«Хара-Хото, 29 мая 1909 года.

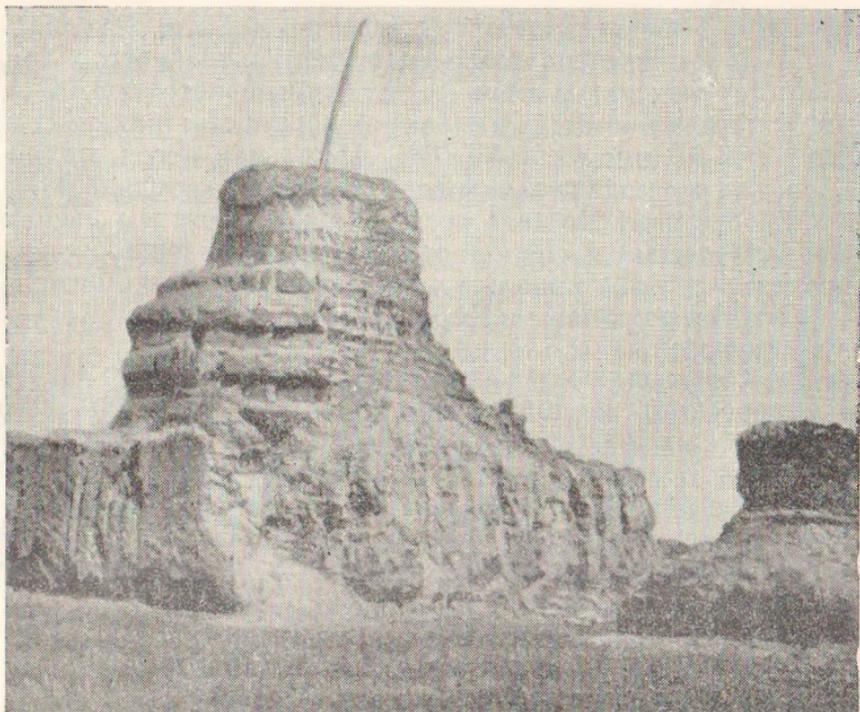
Милостивый государь Андрей Андреевич! Двадцать второго мая (1909 г.) экспедиция прибыла в Хара-Хото и расположилась бивуаком внутри его исторических стен, на интересных развалинах. В наше годичное отсутствие из древнего города в него никто не заглядывал: его развалины выглядели в том же положении, в каком мы их оставили. Нетронутыми оказались и те предметы, извлеченные нами из-под обломков или мусора, которые мы оставили как ненужные.

Как и в первое пребывание, так и теперь, с приходом экспедиции Хара-Хото ожил: задвигались люди, застучали инструменты, по сухому воздуху полетела пыль.

За истекшую неделю нам удалось пополнить прежние, уже отправленные в Географическое общество археологические сборы. И в этот раз мы добыли и продолжаем добывать и письма, между прочим и арабские, и денежные знаки и предметы культа и проч. На одном из выступов северной части крепостной стены мы натолкнулись на интересный храмик с глиняными, выкрашенными бурханами против входа и любопытными на стене картинами, к сожалению, картины приклеены к глине и воспользоваться ими не представляется возможным.

Не только мои спутники, но даже и туземцы прониклись интересом к раскопкам. Мы только и говорим о Хара-Хото: вечером о том, что найдено в течение истекшего дня, утром, что предстоит найти...

Время бежит быстро. После вечернего метеорологического наблюдения, которое проводится в 9 часов, мы быстро засыпаем. Просыпаемся чуть не с зарею и в сравнительной прохладе ведем свои работы. Днем отдыхаем, а

Субурган до раскопок

Субурган после раскопок

то и пуще томимся от изнурительного жара, так как в тени воздух нагревается до 37° с лишком, а земная поверхность накаляется солнцем свыше 60°С. Пыль или песок, поднимаемые горячим воздухом, положительно изнуряют. Но зато по утрам и вечерам мы дышим легко и свободно, чувствуя себя еще способными продолжать дальнейшие, дополнительные работы в Хара-Хото».

Раскопки шли полным ходом. Однако ничего нового и интересного не попадалось. Поэтому, пока большая партия монголов-торгоутов, нанятая П. К. Козловым для раскопок, продолжала работу в стенах Хара-Хото, Петр Кузьмич направил своих людей для обследования окрестностей мертвого города. Было решено вскрыть большой субурган высотой до 10 метров, состоявший из пьедестала, середины и конического полуразрушенного верха, попорченного то ли временем, то ли охотниками за сокровищами. Субурган стоял метрах в 400 от западной стены города, на правом берегу сухого русла.

Ранним утром 30 мая начались раскопки субургана.

Из дневника П. К. Козлова.

«30 мая. Обойдя работавших монголов, я отправился к моим спутникам, которые исследовали один из самых крупных субурганов, отстоящих на запад от города в 200 саженях. Исследование показало, что он богат бурханами и китайскими письменами, которых к 9 часам утра столько нанесли на бивуак, что я тотчас же пошел к ним, сортируя, очищая от излишней пыли и приготавливая к упаковке. Подобно тому как в субургане прошлогоднем, в этом были всевозможные книги, тетради, свитки, иконопись. Попался очень старинный мандал*. Надо полагать, что крыша часовни обрушилась и повалила бурханы или же они с самого начала были так брошены, куда бросали и книги, и свитки, и иконопись...»

Начиная с 30 мая раскопки субургана продолжались в течение девяти дней и были закончены 7 июня. Этот

субурган, названный позднее «знаменитым», подарил экспедиции целую библиотеку книг на тангутском и китайском языках, много икон, буддийских скульптур и предметов буддийского культа. Книги большими пачками в огромном брезенте сносили к лагерю, где их очищали от пыли и сортировали. Работы напоминали разбор и приведение в порядок древней библиотеки, чьей-то недоброй рукой сваленной в одну кучу и смешанной с песком и грязью. Свежестью и великолепием поражали буддийские иконы, сохранившие всю живейшую гамму красок и свидетельствовавшие о мастерстве неизвестных художников. К сожалению, многое гибло тут же, на глазах. «Когда мы раскрыли эти образа, — вспоминал позднее Петр Кузьмич, — перед нами предстали дивные изображения сидящих фигур, утопавших в нежно-голубом и нежно-розовом сиянии. От буддийских святынь веяло чем-то живым, выразительным, целым, мы долго не могли оторваться от созерцания их, так неподражаемо хороши они были... Но стоило только поднять одну из сторон того или другого полотна, как большая часть краски тотчас отделялась, а вместе с нею, как легкий призрак, исчезало все обаяние, и от прежней красоты оставалось лишь слобое воспоминание...» Находок было так много, что их изобилие поражало.

Из дневника П. К. Козлова.

«2 июня. Сегодня я прогуливался к субургану посмотреть, много ли осталось в нем археологического добра, и пришел к выводу, что мои ребята справедливы, заметив, что взята только лишь половина. В верхней части ступы все очищено, кругом сложены, сидя, круглые деревянные, глиняные бурханы, а в середине книги, письма, письма, книги — большие, малые, в переплетах или папках, тетрадами или свитками и проч.

5 июня. У нас работа с раннего утра — наконец, доставляются последние книги, последние рукописи.

6 июня. Пишу и люблюсь всеми теми изящными головками бурханов. Некоторые из лиц так художественно исполнены, что стоят и

смотрят, словно живые... По лицам видно, что у художников, скульпторов было чутье к классической красоте. Все бы взял, да не имею возможности...»

7 июня раскопки субургана были завершены. Оказалось, что в основании его, в центре возвышенной площадки, размером приблизительно полтора на два метра, был воткнут деревянный шест, вокруг восседали статуи буддийских божеств, «лицами внутрь, наподобие лам, отправляющих богослужение перед большими рукописными листами письма Си-Ся, сотнями наложенными один на другой...»

В субургане было захоронено какое-то важное духовное лицо, «костяк которого покоился в сидячем положении несколько выше пьедестала, у северной стены надгробия».

Возникла проблема: как доставить все эти богатства в Петербург? Козлов отправил своих людей в окрестные стойбища монголов, чтобы закупить у них все, что годилось для упаковки и перевозки книг, икон, скульптуры. К вечеру 15 июня все приготовления к отъезду были закончены.

Петр Кузьмич вышел из палатки. После дневной жары воздух казался особенно прохладным и свежим. Быстро надвигалась ночь. В мягком, неверном свете сумерек причудливо колыхались очертания крепостных стен и субурганов. Было тихо-тихо. Тихо до жути. Лагерь спал. Козлов пошел назад, к своей палатке. Песок громко скрипел под ногами. «Итак, завтра в дорогу, на Эдзин-Гол, — подумал он. — Прощай приятель, „древний старец“, прощай, Хара-Хото. Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой загробной жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет открыта. Счастье вручило мне дорогой субурган...». И уже в палатке, засыпая, он решил: надо будет сделать все возможное, чтобы и Географическое общество и Академия наук достойным образом обработали и издали материалы Хара-Хото...

Осенью 1909 года путешественники благополучно возвратились на родину. Привезенные из Хара-Хото рукописи, памятники искусства и материальной культуры взволновали ученых России и зарубежных стран. Кроме незна-

чительной по объему надписи на воротах Цзюйюңгуань, памятной надписи из Лянчжоу и нескольких книг «Лотосовой сутры» наука располагала теперь громадной библиотекой книг на тангутском языке, насчитывающей несколько тысяч томов. Живопись и скульптура Хара-Хото обещали открыть новую, неведомую до сих пор страницу в истории буддийского искусства Центральной Азии. Тайна письма, само существование которого оспаривалось еще полсотни лет назад, теперь неминуемо должна быть разгадана.

Выставка наиболее ценных находок из Хара-Хото была устроена в Географическом обществе в конце 1909 года. Привезенные из глубин Азии материалы ожили, чтобы раскрыть тайну мертвого, заброшенного Хара-Хото, и секреты необычайного тангутского письма, и самую историю забытого тангутского государства. За ветхими книгами и поблекшими иконами скрывалась неведомая жизнь, полная неизвестных миру радостей и страданий, побед и поражений. Это была такая страница истории человечества, которую следовало еще прочесть.

Имя П. К. Козлова стало известно всему миру и было отныне навеки связано с Хара-Хото. Петр Кузьмич великолепно понимал, что своим открытием он обязан самоотверженной работе всех членов экспедиции. Поэтому по возвращении он писал в рапорте: «Но если мне и выпало счастье благополучно совершить новую экспедицию в Центральную Азию, то успех ее в значительной степени приписывается смелости, энергии и беззаветной преданности своему делу моих спутников... Отчужденные на целые годы от своей родины, от всего близкого и дорогого, мои спутники свято исполнили свой долг и вели себя поистине героями».

Горячо поздравлял Петра Кузьмича Козлова и Григорий Николаевич Потанин, первым поведавший миру о таинственном городе пустыни.

21 сентября 1915 года в Иркутске состоялось торжественное заседание в честь 80-летнего юбилея Потанина. На этом юбилее, обращаясь к Григорию Николаевичу, Козлов говорил: «Сегодняшний день—праздник для всей Сибири, для всего широкомыслящего человечества, для всех нас — географов, которым Григорий Николаевич дал свои драгоценные печатные труды, в коих исследователи Азии найдут руководящие нити, как я нашел к от-

крытию обогатившего науку мертвого города Хара-Хото.

Маститый старец, научи нас сохранить, как сохранил ты величие твоей души, обаяние, облегчающее тяжесть жизненного пути и приводящее человечество к более современному типу человека, человека — всею душою любящего свою родину и свой народ».

Таким человеком был и сам Петр Кузьмич Козлов, неутомимый и страстный исследователь-патриот, так много сделавший для развития дорогой его сердцу русской науки.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ КИТАЙСКИЕ ЛЕТОПИСИ

История — не только
войны.

Изобретенья и труды,
Она ---

и запахи,

и звоны,

и трепет веток и травы...

Она и в том, как

обнимают,

Как пьют, смеются и
поют...

Е. Евтушенко.

Труд отца Иакинфа

Так кто же были те таинственные жители города пустыни, которые оставили неизвестные письмена, такую богатую коллекцию рукописей и старопечатных книг?

Еще после первых находок памятников тангутского письма Девериа и Бушель обращались к единственному источнику, способному ответить на этот вопрос, — к древним китайским книгам.

Когда весть об открытии экспедицией П. К. Козлова мертвого города Хара-Хото изумила мир, а ценная библиотека, извлеченная из «знаменитого» субургана, была доставлена в новое серое здание Географического общества, история тангутов оказалась в центре внимания русских китаеведов. Ведь именно русская наука уже давно располагала важными сведениями об этом исчезнувшем народе.

...3 февраля 1830 года собралось очередное заседание Отделения наук исторических, филологических и политических Императорской Академии наук в Петербурге. Докладывал адъютант Академии Исаак (он же Яков Иванович) Шмит.

Сын разорившегося амстердамского купца, служащий русской торговой фирмы на Востоке, Шмит благодаря своим исключительным способностям стал членом Российской Академии наук, одним из зачинателей европей-

ской монголистики, крупнейшим для своего времени специалистом по Тибету.

Яков Иванович докладывал об очередном блестящем успехе русской науки — переводе китайских исторических сведений по истории Тибета и Тангутов, выполненном известным китаеведом Никитой Яковлевичем Бичуриным. Никита Яковлевич Бичурин (отец которого, чуваш, был дьячком захудалого прихода одной из деревень Поволжья), ставший в монашестве отцом Иакинфом, возглавлял одну из русских духовных миссий в Пекине и был прекрасным знатоком китайского языка и литературы. Поэтому все собравшиеся с особым интересом ожидали сообщения о его новом труде.

— Милостивые государи!

На дворе свирепствовал мороз, и в зале заседаний было жарко натоплено. Шмит быстро перебрал листки доклада, посмотрел в окно. Через Неву переправлялся обоз с дровами, над лошадьми курился сизый пар...

— Давно знали, что богатые летописи китайцев содержат в себе много материалов по истории Тибета. Несмотря на то, доселе никто не пытался собрать сии материалы, как и вообще новейшие синологи не столько, по-видимому, заботятся о собрании новых жатв на поле китайской исторической литературы, сколько о том, чтобы, шествуя по проложенной достойными их предшественниками стезе, поверять их погрешности, а подчас и присовокуплять к старым грехам новые. Отец Иакинф приобрел немаловажную заслугу пополнением вышеозначенного промежутка. Представленная им рукопись содержит хронологически расположенный перевод всего, что сообщают нам китайские летописи до 13-го века о Тибете и Тангуте. Мы обязаны сему достойному священнику, одному из немногих членов Пекинской миссии, употребивших свое время на приобретение полезных сведений, многими прекрасными плодами его досуга в столице Китайской империи и снисканного им там основательного познания китайской словесности...

Шмит снова посмотрел в окно. Дровяной обоз уже перебрался на другой берег Невы. Лошади с трудом тянули вozy на подъеме.

— Сочинение разделяется на две части...

Яков Иванович приступил к ознакомлению собравшихся с трудом отца Иакинфа. Постепенно иссякала заготовленная стопка листов. Вот и последний. Вывод.

— Издание оной рукописи в свет конечно принесет честь Академии: ибо хотя она, за исключением некоторых пояснительных замечаний, есть только перевод, но в семто и заключается ее достоинство, ибо простое изложение событий из самых источников при нынешнем состоянии восточного языкознания должно вменить в большую заслугу, нежели умствования, на одних предположениях основанные. Отец Иакинф, дополнив сим трудом своим оставленный Дегинем * промежутки, сделался достойным его соиздателем, между тем как преемник Дегиня во Франции *, уклонясь от стези учености, предпочитает заниматься переводом китайских романов. Мы можем радоваться, что этот труд совершен русским!

Он вытер платком выступивший на лице пот и сошел с кафедры. Собрание единодушно приняло решение об издании рекомендованного Академии Я. Шмитом перевода Бичурина...

Теперь, через сто с лишним лет, мы уже гораздо больше знаем о прошлом тангутов. Но и до сих пор книга Н. Я. Бичурина наряду с многими другими его трудами прочно входит в золотой фонд русской науки.

Однако о чем же все-таки рассказывают китайские летописи?

Изгнанники

Лошен плотно притворил дверь, закрыл окно шелковой занавеской. Никто не должен знать, чем сейчас занят правитель Кочжоу *, передового поста Тан * в верховьях Желтой реки.

С тех пор как в 629 году дансянский старшина Сифын Булай подчинился Китаю и был милостиво принят самим государем, двор постоянно требовал от пограничных чиновников все новых и новых сведений о дансянах. А теперь тем более. Дансяны могут стать союзниками сяньбийцев * Тугухунь, с которыми великая Тан вступила в борьбу за земли Кукунора.

На мягкую желтоватую бумагу из-под кисти Лошена ложились четкие, красивые иероглифы. Он хоть и не китаец по происхождению, но каллиграф отличный.

«Государю Великой Тан. Правитель Кочжоу Цзюэ Лошен почтительно докладывает:

О дансянах мне известно следующее. Живут в горных ущельях и долинах к югу от Желтой реки. Отважны и дерзки. Образ жизни ведут оседлый, строят глинобитные дома, которые покрывают полостями из войлоков. Занимаются скотоводством. Одеваются зимой в шубы, а летом в платья из шерстяной ткани. У них каждый род имеет свою фамилию. Все рода самостоятельны и не зависят друг от друга.

Дансяны воинственны. Часто нападают на своих соседей. Очень мстительны. Пока враг не обезглавлен; мстящий ходит босой, с распущенными, спутанными волосами и лицом, вымазанным грязью. Питается одной травой. Отрешается от обычной жизни до тех пор, пока не отомстит.

Крайне сожалеют об умерших в молодости. Стариков не оплакивают. Трупы умерших сжигают, называя это „огненным погребением“.

Письменности не имеют, а счет времени ведут по смене трав и листьев на деревьях.

Женятся на своих мачехах, тетках, старших невестках. Вообще очень распутны...»

Лошен немного подумал и приписал: «Но женщин одной с ними фамилии в жены не берут...». Он отложил кисть. Хватит на сегодня. Завтра у него свидание с Тоба Чи-цы, одним из влиятельнейших дансянских старшин. Вот если бы удалось уговорить его подчиниться Тан. Император щедро награждает усердных и преданных сановников.

Лошен бережно свернул начатое письмо в трубочку, перевязал шелковой ниткой и, убедившись, что никто за ним не подсматривает, спрятал его в шкатулку, под замок.

Лошен снова взялся за кисть только через неделю. На этот раз он был зол. Кисть подрагивала в его руке, и знаки получались уже не такими ровными и красивыми.

Свидание Лошена и Тоба Чи-цы состоялось в большом дансянском селении. Время было самое удачное. У дансянов наступил великий праздник. На просторной площади сооружен огромный земляной алтарь. Площадь, примыкающие к ней улицы, склоны соседних гор полны народа. На праздник приехали дансяны из самых дальних селений. Ведь такое празднество бывает только раз в три года.

Лошен и его свита среди почетных гостей, вблизи алтаря. Тревожно мычат жертвенные быки, блеют связанные бараны. Все готово для жертвоприношения Великому Небу и духам-небожителям, покровителям и защитникам дансянов. Вот показался и сам «сы» — верховный жрец.

К нему подводят самого крупного и жирного быка. Сверкнул нож — и свежая кровь обагрила рыхлую, влажную землю алтаря. Радостный вопль толпы гулким эхом отозвался в горах. Помощники верховного жреца начали быстро разделявать тушу быка. Понесли мясо к жертвенному костру. Запах свежей крови и жареного мяса, сдобренного вином, делает богов более благосклонными.

Лошен понимал, что о деловом разговоре сегодня не может быть и речи. Как только пролилась на алтарь кровь последнего барана, раздались звонкие удары глиняного барабана фоу, нежные звуки лютни. На площадь выносили огромные кувшины с вином. Началось всеобщее ликование...

Лошен пытливо вглядывался в непроницаемое лицо Чи-цы. Он еще вчера заметил, как тепло принимал Тоба Чи-цы послов государя Тугухунь. Теперь же, лишь начав деловой разговор, он понял, что уговорить Чи-цы подчиниться Китаю не удастся.

— Государь великой Тан обещает тебе должность правителя всех дансянских земель, богатые подарки и защиту от врагов!

— Прости, Лошен, но я союзник тугухуньской державы. Ты же знаешь, дансяны не предают своих друзей!

— Чи-цы, ты рискуешь потерять то, что имеешь. Войска Тан начали большое наступление на Тугухунь. Одумайся, пока не поздно. Лучше поехать в императорскую столицу почетным гостем в богатой колеснице, чем пленником в клетке.

— Ты мне угрожаешь, Лошен? Я знаю, что государь великой Тан очень силен. Но государь Тугухунь считает меня своим преданнейшим другом. И я не признаю никого другого.

— Не дерзи, поберегись, Чи-цы!

— Не гневи меня, Лошен! Лучше быстрее уходи отсюда. Иначе ты вынудишь меня обагрить кровью мой меч!

Лошен до сих пор не может пережить позора. Его,

правителя Кочжоу, какой-то старшина выгнал, как мальчишку. Потому-то и дрожит сегодня кисть в его руке.

Ответ двора был краток и ясен: «Действуй силой и подкупом». Началась война. Войска Лошена нанесли дансянам ряд поражений. А его лазутчики золотом и лестью склонили к подчинению Тан Тоба Сы-тоу — родственника Тоба Чи-цы, а затем и других старшин. Чи-цы тоже не осталось ничего другого, как перейти в китайское подданство. Владения дансянов были разделены на 32 области, а правителем этих областей назначен Тоба Чи-цы (640 год.)

А через двадцать лет на дансянов обрушилась новая беда. На далеком западе, в районе современной Лхасы, возникло могучее тибетское государство Туфань. Тибетские государи стали совершать далекие походы. Покорились тибетцам и некоторые дансянские племена. Тогда-то наиболее могущественные дансянские старшины во главе с самым сильным родом Тоба решили покинуть родные места и переселиться на границы китайских владений.

Китайский двор династии Тан не отказался приобрести лишнего союзника в борьбе с могучей тибетской державой. Переговоры между дансянскими старшинами и представителями китайского двора завершились успешно. Началось великое переселение дансянских племен на северо-восток. Уже во второй половине VIII века большая их группа осела в излучине Хуанхэ. Горные массивы, степи и полупустыни южной окраины Ордоса стали их второй родиной. Именно тогда обитавшие к северу тюркские племена называли своих новых соседей «тангутами». Под этим именем они и известны до сих пор. Тибетцы называли тангутов «миняг», а тангуты, как это позднее было установлено А. И. Ивановым, именовали себя «ми» или «минья».

Вторая родина

Вторая родина пришлась переселенцам по вкусу. Часть их вела кочевое скотоводческое хозяйство, часть стала заниматься земледелием. Тангутские старшины ловко использовали вражду танского Китая с Тибетом и тем еще больше упрочили свою власть. Они выгодно торгова-

ли скотом и солью, которой изобиловали ордосские озера, и быстро богатели. Одновременно их военные отряды, не стесняясь, грабили пограничные районы Китая. Танские императоры ублажали старшин чинами и щедрыми подарками, только бы они не беспокоили границы.

Когда в конце IX века в Китае вспыхнуло мощное народное восстание под руководством Хуан Чао, тангутские старшины помогли правительственным войскам подавить его. За это глава их правящего дома Тоба получил княжеский титул и полную власть над всем Ордосом. В то же время в среде самих тангутов все более и более происходило расслоение на богатых и бедных. Пользуясь богатством и властью, старшины подчиняли своих соплеменников и заставляли работать на себя. Наряду с попавшими в зависимость тангутами в хозяйствах старшин работали рабы — оказавшиеся в плену китайцы, тибетцы, турки, уйгуры. Старые родовые коллективы стали в руках старшин удобным средством закабаления своих сородичей. В тангутском обществе появились эксплуататоры и эксплуатируемые, появились враждебные классы. Пользуясь гибелью династии Тан и междоусобицами в Китае, правящий дом Тоба все больше округлял свои владения и правил фактически самостоятельно, лишь внешне признавая зависимость от китайского двора. Тангутские старшины ждали только удобного случая, чтобы порвать с ним. На занимаемой ими территории тангуты составляли абсолютное большинство населения. Если верить переписи середины X века, — а у нас нет оснований не верить ей, — в центре их владений, округе Сячжоу, проживало тангутских семей 19 290, а китайских только 2096. Итак, налицо были все предпосылки для возникновения самостоятельного тангутского государства.

«Носящие одежды из кож и шерсти призваны властвовать»

Далеко в песках Ордоса затерялось озеро Дацзинцэ. Озеро окружают топкие солончаки и густые заросли камыша.

Сегодня здесь тихо. Так тихо, что слышно, как в зарослях пробирается камышовый кот. По твердой, растрескавшейся на солнце и пропитанной солью корке ила скачут трясогузки. Тишина.

Тишина и смерть и в лагере Тоба Цзи-цзя. Сожженные юрты, убитые воины. Еще позавчера он пировал здесь в кругу друзей, а рано утром, когда внезапно нагрянули войска китайского полководца Цао Гуан-ши, едва спасся бегством, бросив лагерь, мать и жену. Их теперь везут в Кайфын, в столицу Китая, во дворец императоров династии Сун, вот уже более двадцати лет прочно сидящих на китайском престоле.

Как все непостоянно на земле! День назад он праздновал победу, а сегодня — всего лишь жалкий беглец. Год назад он мирно жил в родном Иньчжоу и развлекался охотой. Разве мог он подумать, что его дворцом станет шатер у этого вонючего озера, его постелью — кусок войлока на голом песке, а сам он, как затравленный зверь, будет метаться от одного тангутского стойбища к другому, спасаясь от преследователей, не зная, кто друг и кто враг, а его воины ослепнут от крови и оглохнут от звона мечей. Но он тверд на своем пути и уверен, что победит.

Раздались голоса. Его звали. Цзи-цзянь натянул на голову лисью шапку. Снова в путь. В который уже раз все начинать сначала.

Песок скрипел под копытами коней. Казалось, все кругом громким шепотом повторяет сверлящую его голову мысль: «Все сначала, все сначала, все сначала...» Он плеткой стал торопить коня.

А начало? Да, начало... Началось все с того, что его брат Цзи-пэн, став правителем тангутов, перессорился с племенными старшинами и, не в силах совладать с ними, подарил тангутские земли сунскому двору. Суны прочно сидели на китайском престоле, и так шутить с ними было нельзя. Китайцы приняли Цзи-пэна с распростертыми объятиями. В тангутских городах появились сунские гарнизоны, а всем старшинам из семьи Тоба, уже много лет управлявшим тангутами, было приказано явиться в Кайфын ко двору. Выполнить приказ — значило забыть о самостоятельности, поставить под удар великое дело укрепления независимости, начатое дедами и отцами. Конечно, кое-кто поехал в Китай. Но не таков был Цзи-цзянь. Он-то со своими дружками придумал хитрый план. Он до сих пор не может без смеха вспомнить, как он провел этих глупцов. Объявили о похоронах кормилицы, которую благополучно отправили в степь.

А в гроб, в гроб — ха-ха! — сложили оружие и доспехи. И эти глупцы, вместо того чтобы задержать их, еще спешили наперебой выразить свое соболезнование. Не кладбище, конечно, ждало их, а быстрые кони. И поминай как звали. Не в Қайфын, а в привольные степи и пески, не в императорский дворец, а в стойбища и селения тангутов, не на поклон к сыну Неба, а на ночные вылазки против его гарнизонов, чтобы добиться подлинной самостоятельности, чтобы — и сердце Цзи-цяня при этой мысли сладко похолодело — чтобы, может быть, самому стать сыном Неба, основателем новой тангутской династии, на тангутской земле.

Конь притомился и, тяжело дыша, взбирался на бархан. Спутники Цзи-цяня отстали, но он и не заметил, что давно едет один.

Он добьется своего. Ведь не случайно он родился с зубами. Все знают, что это хорошая примета, она сулит ему великое будущее. А воин он отличный. Как ловко еще мальчишкой он сразил тигра, попав первой же стрелой ему прямо в глаз. Во всех кочевьях знают, какой он сильный и отважный воин! Он еще победит! Нужно вот только отдохнуть и набрать новую армию. И будет у него армия. Всем, и китайцам прежде всего, известно, что тангуты поддерживают его, а не Цзи-пэна. Он, разбитый полководец, одетый в эту вонючую шкуру, правит тангутами, а не Цзи-пэн, разодетый в шелка, но живущий подачками с императорского стола...

«Я подчиню себе непокорных старшин. Я свяжу им руки узами кровного родства. Завтра же разошлю гонцов и возьму себе в жены девушек из всех сильнейших родов. Ну, тогда берегись, Цао Гуан-ши, ты еще мне ответишь за вчерашнее. Весь мир знает, что тангуты не прощают врагов...»

И Цзи-цянь сдержал свое слово.

Молодость отгремела в боях так же быстро и ярко, как быстро отцветает весной ордосская степь. Унеслась, стремительная и сильная, как дикий степной молодой конь. Давно ушли в прошлое первые неумелые годы борьбы, когда он попал в ловушку на берегах озера Дацзинцэ. Через двадцать лет крепко держал Цзи-цянь в своих руках все тангутские земли. Теперь, как никогда, стране нужен был мир. Пришла пора главной работы. Надо было строить свое, тангутское государство. А по-

этому вдвойне больно умирать, когда впереди столько больших и важных дел.

Далеко не всем нравилось появление тангутского государства. Не желали этого не только китайцы, но и соседние тибетцы и уйгуры. Когда Цзи-цяннь овладел городом Линчжоу* и сделал его своей столицей, их послы зачастили в Кайфын, наперебой предлагая свои услуги для борьбы с тангутами. Знал ли он об этом? Знал и принял решительные меры. Всего месяц назад, в конце прошлого года, тангутская конница разгромила тибетцев и овладела Лянчжоу, стольным городом их старшины Фаньлочжи. О, эта грязная лисица! Как Цзи-цянню советовали не доверять ему, казнить Фаньлочжи незамедлительно! Что он ответил им, своим верным советникам? «Я захватил Лянчжоу, принудив его тем самым покориться. Он и сдался. Какой же это обман?». Разве мог он знать о коварстве Фаньлочжи? Он понял свою ошибку только тогда, когда тибетцы уже ворвались в его лагерь. Нельзя было быть таким легковверным на старости лет. И вот умирает от ран, умирает, хотя только вступил в пятый десяток, а впереди так много дел и бороться уже надо не столько мечом, сколько разумом.

Цзи-цяннь с трудом повернулся в постели и тяжело застонал. По его страшному, изуродованному лицу — когда-то стрела попала ему прямо в нос — пробежала судорога, сделав его еще более ужасным. Сидевший у постели слуга задрожал от страха и принялся поправлять одеяло господина.

Цзи-цяннь открыл глаза, долго смотрел на слугу, превозмогая нахлынувшую боль, и шепотом приказал:

— Позови сына.

Его сын Аи молод и силен. Не откажешь ему в рассудительности. Но сумеет ли он удержать в своих руках золотые бразды, сумеет ли завершить дело предков?

Бежавший впереди слуга откинул полог. Аи опустился на колени перед постелью отца.

— Слушай, сын, час мой настал.

Аи хотел что-то возразить, но знаком руки Цзи-цяннь повелел ему замолчать. Потом указал слуге глазами на дверь. Тот поспешно вышел.

— Аи, сын мой, молчи и слушай. Слушай и запоминай. Краток будет тебе мой завет. Убей Фаньлочжи. Не ходи войной на восток. Теперь, когда Китай не может

лишить нас достигнутого, с ним нельзя воевать. Мира проси и согласись признать старшинство Сун. Если раз представишь просьбу и тебя не послушают, представь ее снова. Пусть тебе придется подавать ее несколько сот раз, не прекращай, пока не добьешься просимого... От этого зависит гибель или процветание дела предков. Армию укрепляй и славу для своего оружия ищи на западе. Крепко заводи все это. А теперь иди. Готовь все необходимое, чтобы проститься со мной. Предки ждут меня.

Аи, он же второй государь тангутов Дэ-мин, свято выполнил завещание отца. Фаньлочжи не прожил и года после смерти Цзи-цяня. А в 1006 году Дэ-мин добился заключения мирного договора с Сун. Это была большая победа. Хотя Дэ-мин и признал старшинство сунского императора, Китай в свою очередь юридически, в официальном документе признал существование тангутского государства. Дело предков было в надежных руках.

Мечом порабощают

Дэ-мин помнил завет отца — искать славы для своего оружия на западе. И тангуты неумолимо двигались на запад, завоевывая соседние владения тибетцев и уйгуров. В 1028 году тангутские армии, предводительствуемые сыном Дэ-мина, талантливым полководцем Юань-хао, овладели городами Лянчжоу и Ганьчжоу *. Владения тангутского государства достигли вод Черной реки — Эдзин-Гола. Именно в эти годы тангуты и закрепились в устье реки, в большом по тем временам, хорошо укрепленном городе Черной реки, или, по-тангутски, Эдзина. На севере пустыня Гоби соединяла земли тангутов с кочевьями татар-монголов *. На запад от Эдзины шли торговые пути в богатые уйгурские княжества и знаменитые буддийские святыни Дуньхуана.

Петр Кузьмич Козлов ошибался, считая Эдзину — Хара-Хото столицей тангутов. Свою столицу тангуты воздвигли на берегах Хуанхэ, у подножия гор Хэланьшань.

В 1017 году до Дэ-мина дошла удивительная весть. В горах Вэньцюань видели дракона. Появление дракона испокон веков считалось счастливым предзнаменованием. Поэтому Дэ-мин спешно послал одного из своих высоко-

поставленных чиновников принести жертвы дракону. Через некоторое время он и сам решил навестить святое место. И сразу понял, что дракон явился здесь не случайно. Это был знак Неба. Дэ-мин давно подыскивал новое место для столицы. А лучше этого трудно было найти. С северо-запада оно было защищено горами Хэланьшань. Горы хорошо видны отсюда, серовато-белесые, с темными пятнами лесов и лугов. Точь-в-точь пегая лошадь. Видно, не зря в народе говорят, что Хэлань на языке древних гуннов как раз и означало «пегая лошадь». С юга и востока плодородную долину у подножия гор омывали воды Хуанхэ. Место надежное и хорошо защищенное. Дэ-мин приказал строить здесь новую столицу. Старую крепость Хуайюань обнесли новой стеной. Внутри города построили императорский дворец, храмы, присутственные места. Новый город назвали Синчжоу—град Прозветания. От Синчжоу (современный Иньчуань, ранее назывался Нинся) через Алашаньскую пустыню был проложен караванный путь к устью Эдзина, к городу Черной реки. Этим путем и шел караван П. К. Козлова из Хара-Хото в Динъюаньин. Здесь и кроется секрет того сходства, которое спутники Козлова сразу же обнаружили между мертвым городом Хара-Хото и цветущим оазисом Нинся. Эти города появились в одно время, и строили их одни руки. Отсюда же начался многовековой путь от мертвого города к чудесным ордосским легендам.

Тангуты вышли на берега Черной реки с обагренными кровью мечами: уйгуры упорно сопротивлялись. «Кровь лилась, словно журчащий поток», — так пелось в старинной уйгурской песне о событиях тех грозных лет. Тангуты не остановились на берегах Эдзина. Их армии рвались дальше на запад. Покорились Сучжоуское и Шачжоуское уйгурские ханства. Тангуты овладели великой святыней буддистов — пещерными храмами Тысячи будд. Произошло это в 1035 году, уже после смерти Дэ-мина, когда его сын, полководец Юань-хао, стал государем тангутов.

В детстве Юань-хао звали Вэйли — «любящий почести и богатство». Это имя как нельзя лучше подходило к нему. Юань-хао с малолетства был очень честолюбив. Однако рано он проявил себя и как человек кипучей энергии, далеко идущих замыслов. Крепкий и сильный, как молодой дубок, высокорослый, с орлиным носом и горя-

шим взором, он часто покидал своих учителей, которые обучали его китайскому и тибетскому языкам, а также заветам Будды, садился на коня и исчезал в степи. Наследника тангутского престола неожиданно встречали то на пограничном рынке среди пестрой разноязыкой толпы, то у костра кочевника в простом платье, лакомящегося ароматной бараниной, то в горах, где он подстерегал дичь. Все, знавшие его, отзывались о будущем государе как об «истинно талантливом человеке».

А в помыслах своих Юань-хао залетел действительно далеко. Он был недоволен политикой отца, жалел о длительном мире с Сун и часто поговаривал о том, что тангуты, «рожденные смелыми», должны властвовать над Китаем. Став государем, он твердо решил добиться для себя официального императорского титула. Приняв такое решение, Юань-хао энергично взялся за дело. Началось время реформ, блистательная страница в истории тангутов.

Юань-хао ввел в действие строжайшие военные законы и подчинил единой государственной власти все племена. Он отменил летосчисление по девизам правления*, принятым в Китае, и ввел свои, отказался от пожалованной китайскими императорами фамилии и стал подписываться только своей, тангутской фамилией Вэймин. Себя он повелел называть тангутским титулом «уцзу» — «сын Неба», равнозначным императорскому. В 1033 году он создал тангутский аппарат управления, провел военную реформу. Правительство ввело форменную одежду для гражданских и военных чиновников. По заданию Юань-хао и при его деятельном участии группа тангутских ученых во главе с Ири уже ряд лет работала над созданием собственного тангутского письма.

Учитель Ири

В новом государстве все должно быть свое. Одежда, обычаи, церемониал, органы управления. Должно быть и свое письмо. Об этом очень хорошо сказал неизвестный тангутский поэт¹:

¹ Здесь и далее стихи даются в переводе Н. А. Невского, за исключением стр. 67.

Тибетец, Китаец и Ми — у всех троих мать одна;
 Несходство речей у них — раздельность земель дала.
 На западе дальнем стоит край высокий Тибет,
 И в этом тибетском краю — тибетские знаки письма.
 На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,
 И в этой китайской стране — китайские знаки письма.
 У каждого свой язык и каждый любит его,
 Почтенье к своим письменам питает и тот и другой,
 У нас же, в нашей стране — великий учитель Ири...
 На небе звезда письмен — с востока она взошла,
 Письмо принеся с собой, она озарила закат...

Яркий свет звезды письмен был светом небывалого стремления тангутов к самобытности, к утверждению собственной культуры, светом глубокого патриотизма и любви к родине и своему народу.

В конце 1036 года Ири докладывал Юань-хао о создании тангутского письма:

— Язык наш, государь, тем схож с китайским, что включает в себе много слов, одинаково звучащих, которые при написании их буквенным письмом, таким, как, скажем, уйгурское, будут плохо различимы. Нам следует создавать наше письмо по образцу китайского. Вы как-то заметили, государь, что древние начертания китайских знаков похожи на запутанные узоры, и предложили нам составлять из них наше письмо. Теперь по вашему совету, изучив письмо китайское и письмо киданей *, мы разработали свои начертания. Посмотрите, государь. Эта черта означает воду и будет часто повторяться во всех знаках, означающих слова, связанные с водой:

 «вода», «вино», «канавка», «лодка».

Эта черта будет означать дерево и употребляться при знаках — названиях деревьев. Из таких черт мы и будем составлять знаки своего письма. Смотрите сюда, государь. Это «рот», а это «вода». Оба знака

вместе означают «во рту вода», и этим знаком можно передать слово «слюна». Из таких знаков мы составили другие знаки, основываясь на совпадении

звучания. Например, знак передает слово *пу* «земля». Этот знак и начертание «человек» помогут нам написать фамилию «Пу». Вот таким образом мы и создали свое письмо. Государь, вы, конечно, заметили, что кое-какие его черты схожи с чертами письма китайского. Начертание элемента «дерево» похоже на китайский знак «трава», «рот» на китайское . Но столь похожих начертаний немного, и наше письмо выглядит совершенно самостоятельным.

— Ири, я рад, что начатое нами великое дело подходит к концу. Чаще докладывайте мне о ходе работы. Небо и предки да помогут нам в начинаниях наших! Будет и у тангутов свое письмо!

Учитель Ири был ближайшим сподвижником Юань-хао во всех его начинаниях. Один из образованнейших людей своего времени, Ири постоянно напоминал Юань-хао, что «истинный правитель, утверждая порядок церемониала и музыку, должен следовать местным народным обычаям». «Тангуты, — внушал он своему государю и другу, — живут в горах, по берегам рек, и у них нет обрядов и [официальной, церемониальной] музыки, стихов и книжного духа. Заслуга как раз в том и состоит, чтобы обучить их, следуя их же обычаям». Поэтому не случайно именно Ири был одним из главных создателей тангутского письма, хотя первоначально честь его изобретения приписывалась Юань-хао, но через сто лет, в середине XII века Ири за создание письма пожаловали посмертно княжеский титул. Ири делал все, что было в его силах, чтобы воплотить в жизнь многие идеи тех бурных лет. В период с 1032 по 1039 год тангутское государство родилось заново, как бы во второй раз. Простое объединение племен превратилось в одно из трех сильнейших государств тогдашнего Дальнего Востока. И в этом немалая заслуга великого учителя Ири.

Ири скончался в начале лета 1042 года. Стоя у гроба своего друга и соратника, Юань-хао горестно повторял: «Как быстро я лишился моего самого близкого помощника».

После проведения серии реформ Юань-хао решил открыто, на весь мир объявить себя сыном Неба — «уцзу». В конце 1038 года у южной стены тангутской столицы соорудили громадный алтарь. Состоялась церемония жертвоприношения и принятия Юань-хао титула сына Неба. Вновь провозглашенный император уехал на поклонение духам предков в Лянчжоу и нарушил годами установленный обычай — отправлять посла с данью в Китай накануне новогоднего праздника. Вместо дани тангутское посольство везло в Китай письмо Юань-хао, в котором сообщалось о принятии им императорского титула. В письме говорилось: «Мои предки происходят из императорского рода. Когда власть династии Восточная Цзинь * клонилась к упадку, они положили начало династии Поздняя Вэй *. Предок мой Тоба Сы-гун оказал военную помощь династии Тан в последние годы ее существования, за что получил титул и был награжден правом носить фамилию танских императоров.

Дед Тоба Ци-цянь, сердцем ведавший все нужды военного дела и владевший мандатом Неба, поднял знамя справедливости и покорил все племена. Постепенно были подчинены расположенные рядом с рекой Хуанхэ пять областей и один за другим завоеваны находившиеся вдоль границы семь округов.

Отец мой, Тоба Дэ-мин, наследовал владения предков, усердно исполнял приказы двора и добился того, что положение дома Тоба стало действительно соответствовать носимому его представителями княжескому титулу ванов. Он постоянно заботился о расширении того небольшого владения, которое он получил от своих предков.

Я неожиданно из запутанных узоров создал малое тангутское письмо и заменил (тангутскими) одежды и головные уборы великой Хань *. Как только была введена новая одежда, распространено письмо, обряды и музыка, а ритуальные сосуды были готовы к употреблению, сразу тибетцы, татары и уйгуры (Чжанье и Цзяохэ) — все подчинились мне. Они были недовольны, когда я называл себя князем (ваном), и охотно подчинялись мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и заявляли, чтобы мой титул был соответст-

венно поднят до занимаемого мною положения. И я выразил желание, чтобы на этих окраинных землях была создана империя. В назначенный срок я снова отказался спешить с этим, но они опять принудили меня, и мне не оставалось ничего иного, как занять этот важный пост и тем самым удовлетворить их желание. Поэтому в одиннадцатый день десятого месяца был сооружен алтарь, совершены обряды, и я стал называться Основоположником династии, изобретателем письма, полководцем, создателем законов и учредителем церемониала, человеколюбивым и отцепочтительным императором. Государство мое названо Великое Ся, годы правления — *Тяньшоу ли фа яньцзо* «Да будут вечны законы и церемониал, дарованные Небом».

Я покорно ожидаю, что Вы, мудрый, щедрый и милостивый человек, позволите в западных землях, на окраине Вашего государства считаться мне государем, обращенным лицом к югу (т. е. императором). Я же постараюсь всеми силами поддерживать между нами любовь и дружбу. Рыба ли поплывет, дикий гусь ли полетит, всякий раз поручу им передать восточку в соседнее государство. И до тех пор пока существуют Небо и Земля, я вечно буду стараться предотвращать беспорядки на границах. Искренне Ваш и с надеждой жду Вашего решения».

Итак, в Поднебесной неожиданно появился третий сын Неба (первым был сам китайский император, вторым — император государства Ляо, занимавшего территорию Северного Китая и созданного киданями; от названия этого народа произошло и русское наименование Китая). Получив известие об этом, сунский государь вознегодовал. Ни о какой дружбе и любви и речи быть не могло. Тангутских послов выпроводили из Китая. Самозванца Юань-хао лишили всех его китайских титулов и должностей, ранее дарованных двором Сун, и немедленно запретили всякую торговлю с тангутским государством. На границе было объявлено военное положение и на всех пограничных рынках читан указ, гласящий: «Кто сумеет поймать Юань-хао и доставить его живым ко двору или же представит китайскому двору его голову, получит в управление все земли тангутов». Это была война,

Первый год обе стороны ограничивались лишь незначительными набегами на территорию соседа. Зима 1040—1041 года также прошла относительно спокойно. Сунские гарнизоны отсиживались в крепостях. Один из китайских полководцев так характеризовал создавшееся положение: «За стенами крепостей стоят большие холода, и поэтому враги не придут. Подождем весны, разузнаем, когда у мятежников лошади отощат, а люди начнут голодать. Вот тогда-то и возникнет такая обстановка, когда их можно будет легко подчинить».

Но тангуты не стали ждать разгара весны. В начале марта их войска перешли в наступление. Сунские армии терпели одно поражение за другим. Полководец Хань Ци докладывал двору: «Мои войска вновь разгромлены. Среди солдат царит уныние. Сейчас мы сталкиваемся только с неудачами. Положение таково, что победы и не предвидится. Я не осмеливаюсь служить».

Но, конечно, маленькое тангутское государство не могло слишком долго воевать с могущественным Китаем. Из источников мы узнаем, что «хотя Юань-хао и одерживал победы, более половины его людей были или убиты, или ранены, или болели». Тангуты предложили начать переговоры о мире. Мира желали и многие китайские сановники. Некоторые из них советовали своему государю: «Ваше величество, желательно выказать доверие и открыть окраинам путь к самообновлению, простив им все причиненные нам бедствия». Сунский император заверял, что это и его «самое искреннее желание».

Начался длительный торг об условиях мира. Китайцы предлагали Юань-хао отказаться от императорского титула. Сунские дипломаты пытались втолковать тангутам, насколько безнадежна война с Китаем. «Когда вы стали нападать на наши границы, — говорили они, — то, поскольку в нашем государстве был длительный мир, население его не умело воевать. Благодаря этому вы не раз одерживали победы. Теперь же большинство пограничных жителей научилось воевать. Могут ли теперь ваши победы быть постоянными? Наше государство богато, оно владеет Поднебесной. И хотя наши пограничные войска понесли небольшие поражения, дело не дойдет до большого разгрома. Если же вы потерпите хоть одно по-

ражение, то вам можно беспокоиться и о престоле». Но тангутские послы стояли на своем и в вопросе о титуле не шли ни на какие уступки. «Когда солнце дошло до зенита, — говорили они, — то оно по законам Неба может двигаться только на запад. Разве вопреки этим законам оно может опуститься на востоке?»

Однако положение тангутов было не из легких. Народ роптал. Недовольны были и многие старшины. Торговля с Китаем прекратилась, и «не было чая для питья, шелковых одежд для знатных».

Наконец, в 1044 году соглашение было достигнуто. Юань-хао в обращениях к китайскому императору соглашался признавать его старшинство и называться не сыном Неба, а государем государства Ся. За это сунский двор обещал ежегодно платить тангутам компенсацию в сумме 255 тысяч лан *. Оба государства оставались в прежних границах.

Из великого Ся сообщали, что тангутская сторона «из поколения в поколение обязуется свято соблюдать договор», чтобы между Си Ся и Китаем вечно существовали дружественные отношения. «Если же этот договор не будет соблюден тангутским государем, — клялись тангуты, — или его родственниками, или изменятся намерения его сановников, то пусть навечно прекратятся жертвоприношения в храме тангутских государей, а дети и внуки их будут бедствовать».

Сунский двор с достоинством отвечал: «Сердечные просьбы ваши дошли до нас, и мы очень рады им. Снисходительно прочли присланный вами договор и во всем согласны с его условиями».

Мир был заключен. Он был очень нужен молодому тангутскому государству, ибо оно уже было втянуто в новую войну с другим могущественным соседом — киданьским государством Ляо.

Племянник бьет дядю

До сих пор тангуты довольно мирно жили со своим северо-восточным соседом. Не раз кидани оказывали им дипломатическую поддержку против Сун. Тангутские государи признавали старшинство императоров Ляо и называли их дядьями, а себя племянниками. Как и сун-

ский император, император Ляо присылал тангутскому государю как младшему партнеру грамоту на титул.

В соседних с Ся южных областях Ляо проживало немало тангутских племен. Старшины этих племен поддерживали тесную связь с тангутским двором, что постоянно беспокоило киданей.

Случилось так, что в начале 1044 года некоторые из проживавших на территории Ляо тангутских племен восстали. Разгромленные карательными отрядами киданей, они бежали на территорию Ся, а их преследователи столкнулись с тангутскими войсками и были разбиты.

Тангуты пошли на этот конфликт потому, что были обижены на киданей, которые отказались поддерживать их в борьбе с Сун.

В конце 1044 года, когда замерзла река Хуанхэ, киданьская армия по льду перешла ее и вторглась в пределы Ся. Киданьские войска на двести километров углубились на территорию страны, но не смогли навязать тангутам ни одного большого сражения. Наконец армии стали друг против друга в северном Ордосе. Каждую возглавлял император — дядя воевал с племянником.

Зимним морозным утром киданьская конница обрушилась на позиции тангутов. Тангутская пехота, занимавшая первую линию обороны, выдержала ее натиск. Тогда кидани, объединив все свои силы, ударили по тангутской коннице и привели ее в замешательство. Часть тангутской армии попала в окружение, но скоро вырвалась из него. Тангуты ввели в сражение свои главные силы. Внезапно налетевший ветер поднял тучи пыли и погнал их на лагерь киданей. Кидани дрогнули. Еще напор — и они бросились врассыпную. Началось жестокое избиение киданьской армии. В ужасе разбежалась и гвардия, охранявшая шатер императора Ляо. Киданьский государь бежал, сопровождаемый лишь несколькими всадниками. Юань-хао приказал не брать его в плен и прекратить преследование. Победа была полной. Воспользовавшись ею, тангуты поспешили заключить с киданями мирный договор. Между дядей и племянником воцарилась прежняя дружба.

Обе эти войны показали силу тангутского государства. Сумев противостоять двум сильнейшим державам тогдашнего Дальнего Востока, тангуты завоевали полное право на независимость.

Смерть Юань-хао

Город уже давно спал, когда к дому знатного тангутского старшины Моцзан Эпана прокрался человек, закутанный в старый черный, плотно облегающий его халат. Он торопливо постучал в дверь. Заждавшийся хозяин осторожно впустил гостя.

— Что так поздно, Нинлингэ?

— Ждал, когда сменится вторая стража.

Они вошли в дом. Эпан усадил почетного гостя в главной комнате, у места, отведенного для духа дома, на скамейку подле низкого стола. Кликнул слугу, велел подать чай.

Нинлингэ огляделся. Богато живет Эпан. Потолочные балки расписаны яркими красками. Кованые сундуки с добром. Китайский фарфор. С потолка свисают бамбуковые занавески, обшитые внизу тонким голубым шелком.

Подали чай. Нинлингэ пьет ароматный напиток торопливо, обжигаясь. Ему не до того. Некогда разводить длинные разговоры о здоровье. Дела складываются так, что за свое сегодняшнее свидание с Эпаном, который чуть не стал его тестем, он может поплатиться головой. Да хранит меня Небо! Только бы не узнал отец!

— Как ваше величество будет жить дальше?

В голосе Эпана слышится тревога. Три месяца минуло, как отец Нинлингэ, государь Юань-хао, увез в свой загородный дворец дочь Эпана, невесту Нинлингэ.

Огромный загородный дворец отца раскинулся в тенистой роще на восточном склоне Хэланьшаньских гор. Уже несколько лет живет там государь, мало бывая в столице, мало думая о делах. Нрав у него стал совсем дикий. Не терпит никаких возражений. Все началось с того, что он по наговору китайцев казнил своего полководца Ели Юй-ци и из-за этого рассорился с любимой женой из дома Ели. Императрица Ели, сестра Юй-ци, женщина красивая и властная, перестала допускать к себе государя. После смерти Нинмина, ее сына, стало еще хуже. Нинмин слишком увлекался учением даосов*. Думал отказом от мирских наслаждений и пищи укрепить свой дух, а на деле уморил себя голодом. Это не так уж плохо. Теперь не Нинмин, а он, Нинлингэ, первый и единственный наследник престола. Единственный,

ибо недавно отец приказал утопить его брата Али за то, что тот вздумал поднять против него мятеж.

Ведь все складывалось так хорошо. Отец приласкал его и даже решил женить. Дочь Эпана славилась красотой, семья ее — богатством, и отец дал согласие на брак. Но когда во время смотрины увидел будущую невестку, сына прогнал и, ни слова не говоря, увез ее с собой. Поговаривают, что новая жена императора уже ждет ребенка — не желанного сына, а брата и соперника Нинлингэ.

— Как же, князь, думаешь жить дальше?

— Уйду в монастырь.

— Говорят, в монастырях иногда неожиданно умирают монахи, особенно ушедшие из знатных семей. Отец зол на тебя за непослушание. Знает, что ты до сих пор не смирился. Не боишься, как бы он не обошелся с тобой, как с Али.

— Али поднял на отца руку!

— Государь, да хранит его Небо, очень любит мою дочь. У них может родиться сын.

Нинлингэ поставил чашку на поднос: не хотел, чтобы Эпан увидел, как задрожали у него руки. Он и сам не раз думал о грозящей беде: появление нового наследника от любимой жены государя было для него равносильно приказу о смерти. Но чего от него хочет Эпан? Его не жалуют во дворце. Но он родственник императора и уже сейчас неплохо нажился на этом. Осторожно спросил:

— А что посоветуешь ты?

— Трудное для тебя время. Я так хотел видеть тебя своим зятем. Государь своенравен. Я, да простит меня Небо, иногда даже думаю, уж не лучше бы Али осуществить свой план...

Нинлингэ понял и испугался. Ведь Эпан предлагал ему убить отца! Он нервно теребил полу халата. Голова горела от вихря набежавших мыслей. Самому стать государем... Разве он хуже отца будет править страной? Однако... Неужели и мать? Сегодня она говорила ему о необходимости отомстить за нанесенные ей обиды. Да-а, значит, и мать...

Он встал. Встал и Эпан. Они долго пристально смотрели друг на друга. Нинлингэ шагнул к двери.

— Прощай, я ухожу. Скоро смена караула.

— Прощай. Завтра со своими я пойду к государю во дворец. Приходи и ты. Придешь?

— Явлюсь на утренний прием.

Юань-хао только что позавтракал, когда ему доложили о приходе сына и тестя. Он отослал жену, приказал впустить Нинлингэ, а Эпану—подождать. Непокорность сына раздражала его. Он привык повелевать.

— Садись, — указал он Нинлингэ на скамейку.

— Отец, зачем ты отнял у меня невесту?

Юань-хао встал:

— Если ты пришел говорить со мной все о том же, уходи!

— Отец, отдай мне дочь Эпана! Я и сейчас люблю ее!

— Еще слово, и я прикажу стражникам выгнать тебя, как проворовавшегося купца. Последний раз говорю тебе: покорись! Это говорю я — твой государь и отец!

— Какой ты мне отец! Ты убил всю мою родню, оскорбил мою мать, отнял у меня невесту.

Нинлингэ быстро схватил стоявшее в углу копье, ударил им отца в искаженное гневом лицо и бросился вон из комнаты.

Крик Юань-хао встревожил стражу. Нинлингэ оттолкнул стоявшего у дверей солдата и выскочил в приемный зал, где, как он знал, дожидался Эпан со своими людьми.

Но что это? С криком: «он убил государя!», они скрутили его и поволокли во двор. Не успел Нинлингэ и слово вымолвить, как сверкнул меч и голова его покатилась на белые плиты мощенного известняком двора. Эпан вытер меч пучком травы и приказал:

— Скорее спасти государя!

Но у покойного Нинлингэ, как и рассчитывал Эпан, была твердая рука. Юань-хао тоже был уже мертв.

Смутное время

Все расчеты хитрого царедворца оправдались. Дочь его родила сына. Младенец Лян-цзо был объявлен наследником престола, а управлять стал безраздельно Моцзан Эпан. Но малолетний государь с детства невзлюбил своего дедушку и, как только ему минуло четырнадцать лет, казнил Эпана со всеми его родственниками.

Однако и сам Лян-цзо вскоре погиб от раны, полученной на китайской границе. Власть в стране надолго

перешла в руки братьев его жены из дома Лян. Братья Лян отстранили от власти старшин правящего дома Вэймин и искали только повода, чтобы захватить престол. Хотя об их оргиях и бесчинствах знали все, никто не решался им перечить. О том, в каком страхе они держали страну, свидетельствует следующий факт.

Весной 1083 года тангутские войска осадили сунскую крепость Баоаньцзюнь. Ожидая очередного штурма, осажденные уже решили сдаться, когда на городскую стену взобралась известная во всей округе жрица любви Ли. Когда-то она побывала и при тангутском дворе. На глазах изумленных армий Ли сбросила с себя все одежды и, оставшись совершенно нагой, стала громко кричать, всячески понося дом Лян и тангутский двор, выбалтывая перед тангутскими и китайскими войсками все его тайны. «Тангуты закрывали уши. Они усиленно начали обстреливать ее из луков, но не могли попасть. Ли только еще бесстыдней ругалась. Тангуты поняли, что им все равно не запугать Ли, а они будут виноваты перед домом Лян. После этого, сильно изумленные таким оборотом дела, они отступили». Крепость так и не была взята. Тангутские полководцы слишком страшились регентов-узурпаторов. Кто знал очень много — мало жил.

Когда престол наследовал Цянь-шунь, внук Лян-цзо, китайские пограничные чиновники доносили сунскому двору: «Цянь-шунь не управляет государственными делами. Власть захватил некий Лян И-бу. Все приближенные государя и люди, издавна стоявшие на государственной службе, загублены или сняты с занимаемых ими должностей».

В 1087 году китайский чиновник Чунь-суй писал в Кайфын из пограничного с Ся города Хуаньчжоу: «Ведь уже давно один род по фамилии Лян пользуется влиянием в стране. Все его могущественные соперники большей частью уничтожены. Поэтому хотя войска страны и ее старшины затаили в сердце злобу, все они прибраны к рукам и выполняют приказы. Пока нет известий о том, чтобы кто-нибудь осмелился выступить против. Несмотря на то что этот дом Лян имеет узурпаторские намерения, он вынужден держать на престоле сына дома Вэймин, чтобы иметь влияние в войсках...»

«Служащие ныне при тангутском дворе чиновники хотели бы походить на таких сановников, как управлявшие

в прошлом сановники из дома Ели. Я сообщаю, что Ели имели войска, были хорошими полководцами и действительно были преданными слугами Юань-хао. Их отстранение от власти, по правде говоря, выгодно для нас. Сейчас в государстве Ся правит только один дом Лян. Среди его родственников нет никого, кто бы не занимал какого-нибудь поста. Во всех делах они выступают едино и все вместе имеют глубокие замыслы. Все шпионы сообщают: (сановники) из дома Лян держатся настолько сплоченно, что невозможно проникнуть (в их среду). Остальным старшинам хотя и посчастливилось уцелеть, все они рассеяны по разным уголкам страны и не пользуются никаким влиянием в государственных и военных делах...»

«Еще докладываю: хорошо бы направить шпионов к оставшимся сторонникам дома Вэймин и подогреть в них злобу против дома Лян. Когда среди них будут вынашиваться планы (уничтожения власти дома Лян), их злоба против Лян еще более возрастет».

Сунские власти, естественно, не раз пытались использовать обстановку для ослабления и даже уничтожения тангутского государства. Но ни военные походы, ни придворные интриги не помогли.

А в 1094 году, когда намерение Лян И-бу захватить престол стало очевидным, старшины правящего дома Вэймин, собрав свои племенные войска, напали на него. Лян И-бу и все его родственники были убиты. К власти вернулись старшины Веймин. В 1100 году семнадцатилетний Цянь-шунь стал самостоятельно править страной. Тангутское государство вновь начало набирать силы.

Гибель царств

А в это время на Дальнем Востоке происходили грозные события, существенно изменившие соотношение сил в Азии. На далекой окраине, в сердце будущей Маньчжурии, появилась новая, неведомая до сих пор сила. Это были племена чжурчжэней, вассалы киданей. В 1115 году вождь чжурчжэньских племен Агуда объявил себя основоположником новой династии Цзинь. Под ударами чжурчжэней киданьская империя стала быстро распадаться.

Тангутам, связанным с киданями дружескими отношениями, скрепленными узами родства — Цянь-шунь был женат на киданьской принцессе, нужно было определить свое отношение к грозному врагу. Вначале они помогали киданям, даже выслали экспедиционный корпус, но, когда стало очевидно, что киданьское государство погибло безвозвратно, были вынуждены налаживать отношения с новым соседом.

Чжурчжэни, уничтожив Ляо, начали войну с Китаем и после длительных походов завоевали весь Северный Китай. Два сунских императора были увезены в плен, в таежные леса далекого северо-востока.

Гибель Ляо и страшное поражение сунских войск потрясли тангутов. Жена Цянь-шуня, киданьская принцесса Чэнь-ань, и ее сын не вынесли гибели родственной династии и скончались от горя. Тангутское государство было наводнено беженцами из Ляо и Северного Китая, искавшими спасения от чжурчжэньских мечей. Чжурчжэни подозревали тангутов в связи с отпрыском правящего дома Ляо — Елюй Даши, который с частью киданьских племен ушел на запад и основал в районе Тяньшаня государство Черных киданей — кара-китаев. Елюй Даши мечтал восстановить былое могущество Ляо. Чжурчжэни, считая, что тангуты находятся в сговоре с ним, грозили им войной.

1143 год принес тангутскому государству неурожай и голод. К тому же территория Ся сильно пострадала от землетрясения, по стране прокатилась волна народных восстаний, подняли мятеж киданьские племена, осевшие в Си Ся.

Сыну Цянь-шуня, новому государю Ся Жэнь сяо, с трудом удалось подавить восстания и наладить отношения с чжурчжэнями. Гроза миновала. Наступили годы мира. Именно во второй половине XII века тангутское государство и достигло наивысшего расцвета.

Великое Ся

Взгляните на карту Азии. В самом сердце ее, в горах Северного Тибета берет начало река Хуанхэ. Вот она вырывается из гор на равнину и течет почти прямо на север, немного уклоняясь на восток. Но вот на пути ее —

горы Иньшань, и она уже не может пробиться на север и много километров покорно течет у подножия гор с запада на восток, как бы ища выход. Но горы плотно обступили реку. Нет ей и здесь дороги на восток. Тогда река снова круто меняет направление и долго бежит вспять с севера на юг, пока не попадет на Китайскую равнину, откуда и устремляется в океан. В гигантской петле, которую образует Хуанхэ, и находится страна Ордос.

На южной окраине Ордоса, там, где его пересекает Великая китайская стена, располагались главные жизненно важные центры Великого Ся. На севере Ордоса и по реке Хуанхэ оно граничило вначале с киданями, а потом с чжурчжэнями, на юге — с сунским Китаем, а затем тоже с чжурчжэнями. Если продолжить границу тангутского государства далее на запад, то окажется, что в него входила и область Синин у озера Кукунор, захваченная тангутами у восточно-тибетских племен. Еще западнее их страна ограничивалась горами Наньшань. На крайнем западе тангутское государство соприкасалось с Хамийским оазисом * и расположенными здесь уйгурскими ханствами. Его северная граница шла по южной окраине пустыни Гоби. Таким образом, тангуты жили в самом центре Азии, на стыке торговых путей с востока на запад.

Это была страна жарких пустынь и высоких гор с вечными снегами на вершинах, страна плодородных речных долин, лессовых плато, обильных степных пастбищ и альпийских лугов. Безвестный тангутский поэт с трогательной любовью описал ее природу:

Когда летнее солнце жарко печет,
Где воздух прохладен и чист?
В снежных ущельях, в наших горах
непреренно прохладу найдешь.
А сумрак спустился,
В небе ночном яркая светит луна.
И где еще, кроме нашей страны,
есть столь белые облака?
Ночное облако в небе плывет,
Лунный воздух прохладен и чист,
Под пологом трав, в ночной тишине
фениксы бродят и львы.

Если в наши леса и горы пойдешь,
 Тигров, барсов далеко разносится рев.
 А коль с черным драконом встретишься вдруг,
 Храбрым воином станешь навек.

И действительно, тангуты были храбрыми воинами. Каждый мужчина в возрасте от 15 до 60 лет обязан был отбывать воинскую повинность. Перед поступлением в регулярную армию воин приобретал лук, стрелы, меч, латы и шлем. Кроме этого, каждый солдат имел плащ от непогоды, топор и крюк, чтобы взбираться на крепостные стены. На трех солдат выдавалась одна палатка. Тангутские мечи славились далеко за пределами страны, особенно так называемые мечи «дракона-птицы». Рукоятка их украшалась головой дракона.

Главной ударной силой тангутской армии была тяжелооруженная конница — «железные ястребы». Китайские авторы сравнивали ее нападение «с ударом молнии».

Знатный тангут

или полетом тучи». Пехота особенно успешно сражалась в условиях горной местности. Пехотинцы набирались обычно среди горных племен и были неутомимыми ходоками и отличными скалолазами.

Сомкнутым строем шли в атаку железные ястребы. Каждый всадник был привязан к седлу. Убитые не падали с коней и вместе с живыми продолжали наступление. Когда строй противника был прорван, в атаку шла пехота, прикрываемая с флангов легкой кавалерией. Для «артподготовки» наступления и при осадах городов в ход пускались катапульты. Легкие, «вихревые» катапульты устанавливались прямо на спинах верблюдов. Все это делало тангутскую армию очень подвижной и часто неуязвимой для превосходящих по силе, но громоздких и тяжелых на подъем армий противника.

Командиры тангутской армии были одеты в темно-красные халаты, расшитые узорами. Длинные концы дорогих с украшениями поясов свешивались почти до пола. У высших военачальников на головах были позолоченные шлемы, украшенные чем-то по форме напоминающим облако, у командиров рангом поменьше шлемы были посеребренные, а младшие командиры носили шлемы, покрытые черным лаком.

Тангуты сумели утвердить свои обычаи

В 1186 году в чжурчжэньском государстве Цзинь был издан указ, запрещающий чжурчжэням менять их собственные фамилии на китайские и носить китайское платье. Всякому, нарушившему этот закон, грозил строгий суд. Указ был издан по повелению императора Ши-цзуна.

Увидев одного из ближайших советников императора, Ватэла, стражник отступил от двери и дал ему дорогу. Ватэла откинул бамбуковую занавеску — бамбуки мелодично зазвучали, извещая о приходе гостя, — и вошел в опочивальню государя. Ши-цзун сидел у низкого столика, углубившись в чтение.

— Ваше величество?

— Ватэла? Рад тебя видеть, проходи, садись.

Ватэла сел поодаль и ниже государя.

— Читаю вот сочинения китайского мудреца Кун-цзы *, а сам не могу без грусти думать о том, что гибнут обычаи предков. Как только мы покорили Китай и династия наша переселилась на юг, в Кайфын, чжурчжэни стали забывать свои обычаи и весьма пристрастились к обычаям китайским.

Ватэла молчал. Затем поправил фитиль в лампе. Не раз беседовал он с государем о том, что на их глазах чжурчжэни превращаются в китайцев. Что делать?

— Государь, поезжайте в Хойнинфу **. Реки Альчук и Сунгари — место происхождения государей нашего дома. Народ хранит там обычаи предков.

— Ватэла, я знаю обычаи предков и до сих пор их не забываю. Но нынче в пиршестве и музыке приняты обыкновения китайские. Вероятно, потому что их обряды совершеннее. Но это мне не нравится. Наследник и все князья ведь и вовсе не знают обычаев чжурчжэней. Боюсь, что впоследствии совсем изменятся наши обычаи. Ты прав. Я непременно отправлюсь в Хойнинфу со всем двором, чтобы дети мои и внуки могли видеть древние обычаи наши и научиться им.

— Государь, прикажи во дворце петь древние песни чжурчжэней. Прикажи всем чиновникам говорить только на языке чжурчжэней и писать бумаги на чжурчжэньском языке, чжурчжэньским письмом. Ведь не знать своего языка и письменности, значит, забыть свою родину.

— Ватэла, я уже запретил своим телохранителям говорить по-китайски.

— Государь, древние обыкновения чжурчжэней просты и истинны. Хотя тогда не знали письмен, но обряды жертвоприношений Небу и Земле, почтение к родителям, уважение к старшим, правила приема гостей и верности друзьям составлялись как-то сами собой. Они отличаются от тех, что описаны в древних китайских книгах. Но молодежь, государь, льнет ко всему китайскому. Так уж лучше прикажите перевести древние китайские каноны на чжурчжэньский язык. Пусть читают их на своем языке. Вообще заслуживает похвалы тот, кто учится родному языку.

— Не забывать родного языка и обычаев предков, Ватэла, есть закон мудрого.

— Великая правда в словах ваших, государь! Вот небольшое царство Ся, возвысив свои обычаи, сумело со-

хранить свое бытие в продолжение нескольких сот лет. Послушайте, что доносят послы и пограничные чиновники, государь.

— Ты давно обещал мне рассказать о Западном Ся, Ватэла. Говори.

— У тангутов в почете свой язык и свое письмо. Все бумаги в присутственных местах они пишут по-тангутски. А коль скоро привержены к учению Будды, то для нужд своих все книги священные перевели на родной язык, записали своим письмом и распространили по всей стране. Тангуты очень чтут учение Кун-цзы, они даже объявили Кун-цзы императором и поклоняются ему в храмах. Посему для нужд ученых людей сочинение этого древнего китайского мудреца тоже перевели на родной язык. Совсем недавно их цзайсян * Ва Дао-чун перевел книгу «Лунь-юй» * и своими пояснениями снабдил. Посмотрите, государь.

Ватэла достал из-под полы халата объемистую книгу в синем шелковом переплете и протянул ее Ши-цзуну. Ши-цзун взял книгу, долго листал ее серые страницы, вглядываясь в непонятную, причудливую вязь чужого письма. Погладил переплет.

— Ватэла, а тангуты-то хорошо умеют печатать с досок, не хуже китайцев.

— Да, государь. И ученых из числа тангутов у них больше всего. В каждом округе училище, а при дворе, в Синцине, школа и Академия. Историю пишут и законы издают на родном языке. При дворе у них свой церемониал и одежду носят свою. А по одежде различаются так: знатные носят одежды зеленого, а незнатные — черного цвета; по жилищам различаются так: знатные кроют крыши черепицей, а простолюдины живут в глинобитных домах. Крыть крыши черепицей им запрещено. Голову бреют, но не всю. Оставляют волосы надо лбом и по вискам наподобие венчика. Прическу сию именуют туфа, государь.

— Ватэла, наш народ издревле заплетал волосы в косу. И не только чжурчжэням, но и всем подданным своим государи наши повелели поступать так.

— И справедливо, государь. Тангутский государь Юань-хао тоже повелел всем людям своей страны бриться и делать прическу туфа. Он считал, что это приучает людей к повиновению, государь.

— Ватэла, а как тангуты отличают чиновников?

— Чиновники, государь, носят повязку на голове, сапоги с высокими голенищами, а халаты им указано носить коричневого или темно-красного цвета, но без узоров, как у военных.

— На приемах видел я, Ватэла, таких среди послов Западного Ся. Замечал, что тангуты народ рослый, лица у них не плоские, нос высокий, отпускают бороду и усы. Вот недавно приезжали за лекарствами. А что, нет у них хороших врачей, Ватэла?

— Тангуты с давних пор почти не пользовались лекарствами, государь. Коль заболеют, идут звать знахаря, изгонять злых духов. Или больные, чтобы «уклониться от болезни», сами идут в дом знахаря. Тангутский «сы», знахарь, как наш шаман, государь.

— А если больной умрет, Ватэла?

— Умерших сжигают, государь. Гаданием определяют, в какой день сжигать, и делают это. Вместе с покойным сжигают вырезанные из бумаги фигурки людей и скота. Говорят, сколько сожгут, столько у покойного на том свете будет рабов и скота.

— Ватэла, пограничные чиновники докладывают, что тангуты очень мстительны. Так ли это?

— Истинная правда, государь. За кровь любят брать плату кровью. Клянутся: «Если я не отомщу, я не буду есть хлеба, пусть мужчины и женщины в моем роде покроются паршой и облысеют, пусть подохнет мой скот, пусть змея заползет в мою кибитку». А если нет в семье способных отомстить, собирают соседей, угощают мясом и вином, а потом подговаривают их сжечь дом обидчика. Отомстив, пьют из черепа врага кровь куриц, свиней или собак, смешанную с вином. Но все это больше в степи, государь. Власти запрещают кровную месть, заставляют платить выкуп обиженному.

— Слышал я, Ватэла, что тангуты рано женятся?

— Женятся рано, государь. Жен и наложниц берут столько, сколько могут содержать. Но первую жену почитают старшей и главной, а ее сына — главным наследником. Есть еще у них такой обычай. Если молодые люди любят друг друга, а родители не позволяют им жениться, убегают они в горы и там умирают. Коль родственники найдут их, то не оплакивают. Тела заворачивают вначале в узорный шелк, потом в войлок и переносят на высокую.

скалу, объявив, что мертвые «взлетят на Небо». Забывают быка и совершают жертвоприношение. Целый день под скалой бьют в барабан и пьют вино.

— Ватэла, ты знаешь, многие, будучи оболещены учением Будды, полагают в нем найти свое счастье. В молодости и я был во власти этого учения, но потом уразумел ложь его. Я слышал, что тангуты во множестве возводят храмы божеству Фо — Будде. Не есть ли это забвение ими своих обычаев?

— Это так, государь. Но, чтя Будду, они не забывают чтить и своих духов. В главной спальняной комнате своего дома, в самом ее центре, они всегда оставляют место духам. Называют это место «местом духа-ясновидца». Желая знать об успехах или неудачах в делах, они здесь гадают. Гадают и перед походом: на внутренностях барана, при помощи стрелы и тетивы лука, на расщепленном бамбуке. Если потерпят поражение, то через три дня обязательно возвращаются на то же место, убивают из лука человека и лошадь с тем, чтобы «убить злых духов и призвать добрых». Молятся духам предков и чтут Кунцзы. Много у них и даосов. Главное, государь, не это. Главное в том, что, учась у китайцев, заимствуя их порядки, они не забывают и своих обычаев, свято чтут заветы предков. Фамилий и имен китайских себе не выбирают, родной язык не забывают и пишут книги своим письмом. Недавно их посол перевел мне на китайский язык хвалебную оду, писанную при дворе государя Жэнь-сяо. Дозвольте прочитать, государь?

— Читай, Ватэла.

Ватэла достал сложенный вчетверо лист бумаги, развернул его, разгладил и стал не спеша читать:

Под небом великим у нас
читаются книги свои,
и собственный свой этикет.
Не шли за Тибетом, и что ж? —
Перед нами склонился Тибет.
На суше-земле у нас
дела свои сами вершим, —
и свой государственный чин.
Не подчинились Китаю, и вот —
преклонился пред нами Китай.
И даже, кроме того,

как непрерывен у нас императорский род (?),
непрерывна череда кандидатов минья.
В различных приказах у нас,
среди штата чинов
приказных чиновников
больше всего из минья..

Он еще долго читал, пододвинув лампу, водя пальцем по строкам. Кончил. Оба помолчали. Ватэла снова заговорил:

— Вот это главное, государь. Не тангуты, а мы завоевали почти половину владений Сун. Но упоенные победой, забываем и свой язык и свои порядки. Из народа чжурчжэнь мне мало известно людей, сведущих в делах ученых. Соизвольте повелеть, государь, нашим тысячникам и сотникам прежде обучаться языку чжурчжэньскому и китайскому, а потом уже, смотря по успехам, давать им наследственные должности. Тех из народа чжурчжэнь, кто имеет ученую степень, повелите определить в присутственные места столоначальниками. Ведь именно потому и устояло маленькое царство Ся, что оно сохранило свой язык и возвысило свои обычаи.

— Ты знаешь, Ватэла, что я никогда не забывал об оказании особых милостей народу чжурчжэнь. На дворовых пирах я велю танцевать и подносить вина по обычаям чжурчжэней. Царевичам, которым были даны не чжурчжэньские имена, я велел переменить их. Вспоминая о делах прежних государей, я никогда не могу забыть их. Но ведь китайцев так много, их обычаи так соблазнительны, и трудно помешать чжурчжэням жить по-китайски. Я подумаю о твоих словах, Ватэла. А теперь иди.

— Да хранит вас Небо, государь!

В тот вечер Ватэла еще долго не ложился спать. Беспокойные думы о судьбах династии и своего народа не покидали его.

Северная гроза

В 1193 году скончался тангутский государь Жэнь-сяо. А скоро наступил конец и полувековому миру и процветанию тангутского государства. В 1205 году на Великое Ся впервые напали монголы. Тангуты не сумели дать

должный отпор сильному и коварному врагу. Монголы опустошили западные районы страны и ушли обратно, угнав много пленных и скота.

Нашествие монголов вызвало дворцовый переворот. Чунь-ю, сын покойного Жэнь-сяо, был низложен двоюродным братом Ань-цюанем и вскоре умер в изгнании.

Смена государя не спасла тангутов во время нового натиска монголов. В октябре 1209 года монгольские отряды впервые появились у стен столицы Ся.

Долго заседал Государственный совет. Один за другим высказывались высшие сановники государства. Многие считали, что монголов можно было остановить два месяца назад, когда у заставы Имынь тангутские войска нанесли им поражение. Так думал и сам Ань-цюань. Ясно, что медлить было нельзя. После первого успеха следовало всеми силами обрушиться на врага. Но тангутская армия выжидала. И вот дождались. Монгольские войска уже под стенами столицы.

Ань-цюань встал. Все замолчали.

— Более двухсот лет наша династия правит государством. И вот враг, пришедший с севера, уже в который раз заставляет нас думать о жизни и смерти династии. Теперь, когда он у стен столицы, не время для праздных разговоров. Повелеваю всем подняться на стены. Я сам прибуду туда.

Один за другим покидали сановники дворец. Ань-цюань вышел во двор. Ему подали коня. Почти все население столицы было на городской стене. Устанавливали катапульты и большие самострелы. Лучники несли тугие связки стрел. На стены втаскивали камни. Кипятили в котлах воду и смолу.

Было отбито несколько штурмов. Крепкие стены города стали еще более неприступны благодаря мужеству его защитников.

На этот раз совет был собран в белой юрте Чингисхана. Совет решил: раз город нельзя взять штурмом, его надо затопить.

Стояла глубокая осень. Непрерывно шли дожди. Монгольские воины и население соседних областей, согнанное монголами, возводили плотину на реке. Потоки воды хлынули в Синцин. Вода заливала квартал за кварта-

лом. Рушились здания, тонули люди. Ань-цюань спешно направил посольство к чжурчжэням, прося у них поддержки. Помощи не было, а вода все прибывала, угрожая разрушить стены города. Гибель Ся казалась неминуемой.

✓ Дождь лил уже вторые сутки. В мутных потоках, затопивших улицы, зловеще плавали распухшие трупы. Те, кто еще был жив, приютились на крышах уцелевших домов и на городской стене, в отчаянии дожидаясь своего часа. Серый холодный рассвет не сулил ничего хорошего. В монгольском лагере началось какое-то движение. По стене поползла весть — враги готовятся к штурму, государь приказал всем достойно принять смерть. Уже светало, когда заметили, что вода вдруг стала быстро убывать. В монгольском лагере также происходило что-то невероятное. Побросав палатки, скот, имущество, монголы вскакивали на коней и мчались в сторону ближайших гор. И когда к полудню ветер разогнал тучи и впервые за много дней проглянуло желтое холодное солнце, тангуты поняли, что свершилось чудо, которое и спасло их. Ранним утром река прорвала воздвигнутую монголами плотину и затопила их лагерь.

✓ К вечеру в Синцин прибыли монгольские послы и предложили начать переговоры о мире. Неудача монгольской армии во многом определила его условия. И все же Ань-цюань признавал себя вассалом Чингисхана и вынужден был отдать ему в жены свою дочь. Тангутская принцесса Чахэ стала третьей женой повелителя монголов.

✓ «Разделяй и властвуй» — этому девизу всех поработителей Чингисхан следовал с первых своих шагов на пути завоеваний. Принудив тангутов признать себя зависимыми, он заставил их начать войну с чжурчжэнями. История войны Си Ся и Цзинь в 1214—1225 годах — это печальная история взаимных нападений, побед и поражений на грозном фоне стремительных ударов монгольской конницы, ударов, смертельно ранивших каждую из воюющих сторон.

✓ В 1217 году монголы снова напали на тангутов, на этот раз своих «союзников» в войне с Цзинь. Очевидно, в их планы входило покончить с тангутским государством перед походом на запад. И на этот раз тангутская столица выдержала осаду. Спешно собираясь в поход

на Хорезм и Иран, монголы решили пока оставить тангутов в покое, но потребовали, чтобы тангутские войска тоже участвовали в их западном походе.

Посол Чингисхана заявил тангутскому государю:

— Ты обещал мне быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на сартаульский народ *, который порвал мои золотые бразды.

Не успел государь Ся ответить, как князь Аша-гамбу крикнул монгольскому послу:

— Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!

Подобную смелость можно было объяснить тем, что тангуты были окрылены успешной защитой столицы и очень надеялись на мир с чжурчжэнями и совместную войну против монголов.

Услышав от своего посла ответ тангутов, Чингисхан пришел в ярость: «Мыслимо ли стерпеть такое оскорбление от Аша-гамбу. За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но — отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи. И пусть сбудется это тогда, когда с помощью вечного Неба я ворочусь, крепко держа золотые бразды».

Новый государь Ся Дэ-ван принял срочные меры для усиления обороноспособности страны. Он добивается заключения мира с Цзинь, укрепляет армию, строит оборонительные сооружения. Тангутские послы отправляются даже в монгольскую степь, уговаривая местные племена выступить против Чингисхана. Последнее известие очень встревожило повелителя монголов. Из Северной Индии, из далекого Пешавара тронулся Чингисхан с армией в обратный путь.

Весной 1225 года он возвратился в свою орду. Монгольский посол немедленно прибыл к тангутскому двору.

Крушение тангутского царства

Дэ-ван сидел в глубокой задумчивости. Молчали и члены Государственного совета. С таким делом спешить нельзя. У всех в ушах еще звучали резкие слова монгольского посла: «Или бурхан * немедленно пришлет в орду своего сына в заложники, или война!»

Первым решился сказать свое слово глава чжуншу * Ли Юань-цзи:

— Ваше величество, монголы — это хищные звери. Даже если они вежливы и не беспокоят, все равно следует опасаться их рева. И характер их непостоянен. Своим отказом мы дадим им повод для войны. Государство Цзинь на краю гибели. Оно само не в состоянии обороняться. Разве оно сможет помочь нам? Надо отправить наследника в орду...

Дэ-ван вздрогнул. Гневом блеснул его взор. Но он не успел и рот открыть, как Совет одобрительно загудел: «Советник прав, надо, надо послать наследника в орду».

Жалкие трусы. Дэ-ван вскочил.

— Замолчите! Мое последнее слово. Слово государя.

Он увидел растерянные, испуганные лица и, стараясь сдержать себя, убеждая, заговорил:

— Я только что восстановил мир с Цзинь и надеюсь общими силами устоять против северного врага. Жэн — мой единственный сын. Послать его сейчас к ним в кабалу, а после раскаиваться? Зачем спешить. Зовите посла.

Монгол вошел и дерзко глянул в лицо государю.

— Передай великому хану наш привет и пожелания доброго здоровья. Мы решили сына своего в орду не посылать...

В конце 1225 года Чингисхан возглавил армию, выступившую в поход на Ся.

Дэ-ван еще и еще раз перечитывал перевод письма, только что полученного от Чингисхана: «Некогда ты, бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правою рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, совершив сартаульский поход и с помощью вечного Неба обратив сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, бурхан, потребовать отчета».

О Небо, помоги выстоять против страшного врага. Купцы сообщили, что весь Западный край превращен монголами в пустыню. Цзинь тоже не в состоянии обороняться. Что-то будет с тобой, родная страна? Прав ли был я, что не отдал им сына? Прав, все-таки прав! Монголы пришли бы и в том случае, если бы я послал наследника в орду. Надо сражаться. Лишь меч решит судьбу страны.

Печальные вести приносили гонцы ко двору.

— О горе, государь! Пала Эдзина — Черный город на краю пустыни. Он первым принял на себя удар монгольских армий.

— Страшная весть, государь! Нет больше прекрасного Сучжоу. Хан приказал вырезать всех его жителей.

— Измена, государь! Предатель Вачжацзэ сдал врагу Лянчжоу без боя.

Эта весть застала Дэ-вана в постели, он был тяжело болен. Пала вторая столица Ся, один из прекраснейших городов Тангута. Умиравший Дэ-ван, казалось, наяву видел, как монгольская конница топчет прекрасные сады города, а воины в нагольных бараньих шубах рвут с дворцовых стен картины лучших тангутских и китайских мастеров, жгут книги из библиотеки, которую государи Ся собирали десятки лет. Разве можно пережить такое?

Государем Ся стал Ши, или Шидургу, как звали его монголы. В одиннадцатом месяце 1226 года стотысячная тангутская армия дала генеральное сражение монголам под Линчжоу и была разбита. Перед монгольскими войсками снова открылся путь к столице Ся. Тангуты отчаянно сопротивлялись. Около года продолжалась осада столицы. За это время монголами была захвачена вся остальная территория тангутского государства. Население страны истреблялось поголовно. Источники сообщают: тангуты «зарывались в землю, в камни, чтобы укрыться от мечей и стрел», но «спасались лишь один-два человека из ста. Белые кости покрыли степь». Через сто лет после этих событий китайский автор Юй Цзи писал: «Ся погибло. Области и уезды были опустошены войсками. Храмы и школы разрушены до основания».

При своем дворе Чингисхан отдал такой приказ: «Так как я истребил тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — *мухули мусхули угай балган* (букв. «разорил дотла». — Прим. ред.), то пусть напоминают мне о таком поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: *мухули мусхули угай!*».

В течение года тангутское государство было стерто с лица земли. Столица была обречена на верную гибель. Шидургу согласился выйти к монголам и покориться им. В монгольском лагере тангутский государь тотчас же был

убит. Осенью 1227 года тангутская столица разделила участь всей страны и была подвергнута особо жестокому истреблению, ибо в это время скончался Чингисхан.

Пролетели века. Вымерли и потомки потомков тех, кто некогда уцелел от меча завоевателей. Ордос — место смерти Чингисхана, скончавшегося под стенами столицы Ся, стал монгольской святыней. Народ сложил много легенд о гибели великого хана, одну из которых и поведал Г. Н. Потанину Сантан Джимба.

Эдзина, стоявшая на великом торговом пути с востока на запад, процветала при монголах. В 1368 году монголы были изгнаны из Китая, а в 1372 году в ходе последующих китайско-монгольских войн этот город погиб. С тех пор он и стоял, таинственный и безмолвный, посещаемый лишь жадными кладоискателями да заблудившимися пастухами. Только хрипло перекликались сидевшие на вершинах субурганов сычи и тонко пел песок в бешеной пляске смерчей, запеленывая, укутывая город, усыпляя его навсегда.

Так явственно из глубины веков
Пытливый ум готовит к возрожденью
Забывтый гул погибших городов
И бытия возвратное движенье.

Александр Блок

«Жемчужина в руке»

Алексей Иванович свернул с набережной Мойки в Демидов переулок. После того как в свободных комнатах третьего этажа нового здания Русского Географического общества была размещена коллекция вещей и книг, привезенных П. К. Козловым из Хара-Хото, магистр китайской словесности, приват-доцент Петербургского университета А. И. Иванов был здесь частым гостем. Часами он рылся в запыленных, измятых книгах, отделяя китайские от написанных письмом Си Ся, выбирая встречающиеся обрывки тибетских текстов.

Вот и сегодня он торопливо бросил служителю пальто и по широкой мраморной лестнице вбежал наверх. Как всегда, Владислав Людвигович Котвич был уже здесь. Пробравшись через завалы книг, забыв о своем отутюженном костюме, он примостился у окна и внимательно разглядывал на свет какой-то только что найденный документ. Увидев входящего Иванова, Котвич тотчас бросился к нему.

— Алексей Иванович, голубчик, посмотрите, какой великолепный образец юаньской ассигнации. Такого нет ни в одном музее мира!

Иванов взял в руки большого размера ассигнацию, оттиснутую на грубоволокнистой бумаге грязно-серого цвета. В верхней части ассигнации по-китайски большими знаками надпись: «Ассигнация годов правления Чжэн-тун», посредине тоже по-китайски: «Стоимостью в одну связку», под надписью — изображение связки монет.

Владиславу Людвиговичу не терпится:

— Алексей Иванович, посмотрите лучше вот здесь.

Какие-то надписи монгольским квадратным письмом. И внизу — вот здесь, ниже, ниже читайте.

Иванов прочел вторую, нижнюю половину китайской надписи: «Подделывателям будут отрублены головы. В награду (донесшим) будет выдано 5 дин серебра. Как то было установлено ранее (им же), будет отдано имущество преступника». Далее шли наименования учреждений, ведавших выпуском денег. Все надписи заключены в пышную рамку из стилизованных изображений драконов, на лицевой и оборотной стороне ассигнации отрисованы печати. Да, вот это находка! Это же первые, древние бумажные деньги, дошедшие до наших дней!

Ассигнацию бережно завернули в мягкую бумагу. Владислав Людвигович снова ушел в свой угол. Иванов присел к ящику, в котором он начал разбирать книги.

Тангутские книги. Он перебирает и осматривает их одну за другой. Свитки. Широкие и узкие. Один, в синей холщовой обложке, он решил развернуть полностью. Свиток был накручен на тонкую камышинку, сухую и твердую. Непрерывной лентой бегут черные непонятные строки письма Си Ся. Аршин, другой третий... Ого! Длина свитка оказалась более 20 аршин, почти 15 метров. Алексей Иванович вглядывается в сероватую, плотную бумагу. Весь громадный свиток склеен из отдельных листов, примерно в аршин длиной. Сверху и снизу прочерчены ровные рамки. Почерк четкий и строгий. Тушь сохранилась превосходно. Хорошая, добротная работа!

А вот книги-гармоники. Тот же свиток сложили гармоникой, как ребятишки листок бумаги, в ровные листы, по семи строк текста в каждом. Просто и удобно. Книги-гармоники в синих, коричневых, золотистых, холщовых и шелковых обложках. Ткань с узором — то вся в мелких-мелких цветах, то украшена ромбиками. Сверху на обложку наклеен бумажный ярлык с названием книги.

Эти книги как современные. Только листы заполнены текстом с одной, внутренней, стороны. На каждом листе — две страницы. Листы согнуты пополам и сложены один на другой, корешками внутрь. Корешки листов склеены или сшиты и образуют книгу. Такие книги китайцы называли бабочками, так как сложенные пополам и приклеенные к корешку листы имеют некоторое сходство с крыльями бабочки.

Ну-ка, ну-ка, а вот это что такое? Иванов привстал

от волнения. На грязновато-желтой бумажной обертке книги ярлычок и рядом китайская и тангутская надписи. Рядом! Это же значит... Иванов, стараясь не спешить, читает китайскую надпись, сдувая желтую, мелкую, как мука, лессовую пыль: «*Фань хань хэ ши чжан чжун чжу*». Так, так, так... Что же получается? «На ладони лежащая, своевременная, китайцам и фаням принадлежащая Жемчужина». *Фани* — означает «иноземцы». Это, конечно, тангуты. Иванов переворачивает страницу. Предисловие дано по-китайски и по-тангутски, он быстро листает его, вглядывается, вчитывается в текст и — о радость! — перед ним словарь. Настоящий тангутско-китайский словарь! Иванов быстро листает книгу еще раз, пробегает глазами китайский текст предисловия. Ага, есть. Вот дата. Сейчас сверим по хронологической таблице и переведем в современное летосчисление. 1189 год. Действительно, находка! Словарь 1189 года. Сколько же ему лет? 720. И так хорошо сохранился. Это же ключ, ключ к неизвестному письму Си Ся, забытому много веков назад. Вот уж доподлинно — «Жемчужина в руке»!

— Владислав Людвигович! Владислав Людвигович! Идите скорее сюда!

Котвич что-то бормочет из своего угла.

— Да бросьте вы все! Я нашел китайско-тангутский словарь!

Котвич вначале ничего не понимает. «Словарь? Какой словарь? Китайско-тангутский? А вы не ошиблись?» И он, перешагивая через горы книг, сваленных пока прямо на полу, спешит к Иванову.

В словаре каждый тангутский знак пояснен китайским, а китайский — тангутским. Кроме того, для всех тангутских знаков указано их звучание по-китайски, а для всех китайских — по-тангутски. «Жемчужина в руке» обещала многое. Теперь смелее можно было приступить к ознакомлению с неизвестными тангутскими текстами. Результаты предшествующих исследований Уайли, Шаванна, Девериа, Бушеля, Мориса и материалы словаря давали уже определенный запас известных знаков.

В том же 1909 году в «Известиях Императорской Академии наук» появилась статья Алексея Ивановича Иванова «К изучению языка Си Ся» — предварительные итоги работы над словарем.

В январе 1910 года, когда первая разборка коллекции Козлова была проведена, встал вопрос о месте ее хранения. 16 января Петр Кузьмич писал из Москвы в Петербург академику Сергею Федоровичу Ольденбургу:

«Весь хара-хотоский материал пока хранится в свободных для Общества комнатах наверху. А. И. Иванов и В. Л. Котвич работают по его сортировке. Иванов разыскал словарь, дающий возможность расшифровать интересные письма Си Ся. По этому поводу А. И. напечатал статью (на немецком языке в «Известиях Академии наук»)...

Вопрос, куда поступит Хара-Хото, еще не решен. Лично я имею тяготение к Академии или Азиатскому музею. Думаю в Вас найти единомышленника — не правда ли?»

Академик Ольденбург поддержал мнение П. К. Козлова. Все письменные памятники коллекции в 1910 году поступили в Азиатский музей Академии наук, а живопись, скульптура, керамика, монеты — все памятники материальной культуры были переданы в Этнографический отдел Русского музея. Бесценная коллекция ждала своих исследователей.

Словарь А. И. Иванова

Алексей Иванович Иванов, несмотря на занятость преподавательской и исследовательской работой в университете, не оставил без внимания памятники тангутского письма. Расписав словарь «Жемчужина в руке», он приступил к определению тангутских текстов. Им были обнаружены тангутские толковые словари, тангутские тексты с пояснением чтения тангутских знаков по-тибетски, некоторые буддийские сочинения отождествлены с китайскими оригиналами. Сличая с помощью словаря тангутский и китайский тексты одинакового содержания, Иванов расширил число известных знаков и начал составлять тангутско-китайско-русский словарь. Жаль только, времени для работы в Азиатском музее оставалось мало. Получив в 1913 году степень доктора, Иванов занял пост экстраординарного профессора кафедры китайской и маньчжурской словесности.

Началась первая мировая война. В ноябре 1914 года Иванова назначили переводчиком в Министерство иностр-

А. И. Иванов

ранных дел. Наукой заниматься приходилось лишь урывками. Но все же Алексей Иванович своих исследований не оставлял. В 1918 году в статье «Памятники тангутского письма» он сделал сообщение о некоторых тангутских сочинениях и объявил о своей работе над составлением

словаря: «В настоящее время нам удалось определить и сличить с китайскими оригиналами, так как мы имеем все основания сказать, что тангутский текст является переводом с китайского, несколько новых текстов, заглавия которых мы и приводим без тангутского начертания за отсутствием соответствующего шрифта. Возможно было бы привести в ином воспроизведении эти заглавия, но словарь тангутского письма на основании приводимых текстов и других уже близок к окончанию и, быть может, скоро увидит свет. Кроме буддийских текстов, Азиатский музей Академии наук располагает следующими рукописями и печатными книгами на тангутском языке знаками, которые также удалось определить:

1. Словарь тангутских знаков, расположенных по начальным (губным, зубным и свистящим) звукам, без подробных объяснений.

2. Словарь тангутских знаков, составленный по образцу известного китайского словаря танской эпохи Гуаньюнь и носящий название «Море слов».

3. Словарь, расположенный по материям (без заглавия)».

Так был сделан первый важный шаг на пути к исследованию тангутской коллекции.

Где же словарь Иванова? Ведь он так и не появился на свет.

Начиная с 1922 года А. И. Иванов был на дипломатической службе в Китае, выполняя обязанности старшего драгомана * советского посольства в Пекине. Из его писем В. М. Алексееву, относящихся к первой половине 30-х годов, когда Иванов работал в Московском восточном институте, а затем в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, о судьбе его словаря мы узнаем следующее. На запрос Алексеева, не были ли ему известны другие тангутско-китайские тексты, кроме словаря «Жемчужина в руке», А. И. Иванов отвечал (письмо от 13.II.1930 г.): «Других двуязычных китайско-тангутских текстов я при разборе книг не встречал...», «повторяю, я определил только „Жемчужину“». Очевидно, если бы были другие словари, то я давно бы их предал гласности». «В заключение должен сказать, что приходится: 1) сожалеть о затраченной уже работе по составлению словаря и что 2) Н. А. (Невский. — Е. К.) говорил, что он не нашел вещей в Музее, где они находятся.

Сутры, о которых Вы пишете, определены. В Пекине, например, Н. А. видел: 1) фотографию тангутско-тибетской билингвы*, которую он благополучно издал — оригинал в Музее; 2) три словаря — они в Музее, при том один в нескольких экземплярах, если мне не изменяет память».

В феврале 1935 года Алексей Иванович, по-видимому, по поводу составленного им словаря писал В. М. Алексееву: «Жаль, что Невский не знаком с моей рукописью, которая пролежала в Академии с 1919 по 1922 год, когда я, взяв ее, решил ничего больше не писать. Рукопись у меня с пометками о приеме и возврате».

Итак, Иванов еще в 1919 году подготовил свой словарь к изданию. А в 1935 году он хранился у него дома.

...Кто из москвичей не знает бывшую Мясницкую? Установить, что это современная улица Кирова, легко. Вот и дом 6. Здесь в квартире 6 провел последние годы жизни Алексей Иванович Иванов. Может быть, здесь удастся отыскать следы его словаря.

В квартире 6 Ивановых не оказалось. После войны нумерация квартир в доме полностью изменилась. Долго брожу вокруг дома, пытаюсь выяснить, где здесь в 30-х годах была квартира 6. Прошло почти 30 лет. Прошла война. Лишь очень старые жильцы дома могут помнить такое. В одном из уголков обширного двора греются на солнышке несколько старушек. Если уже и эти не знают, то у других жильцов спрашивать вовсе бесполезно.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Смотрят настороженно и с любопытством.

— Простите, кто из вас давно живет в этом доме? Не скажете ли вы, где здесь в тридцатые годы была квартира 6? Мясницкая 6, квартира 6?

— Квартира 6?

Никто не знает. Собираюсь уже уходить, когда одна из старушек спрашивает:

— А ты кого ищешь, сынок?

— О профессоре Иванове Алексее Ивановиче не слышали?

— Ивановы? Как же, знаю. Жили здесь такие. Погоди, погоди. Квартира 6, говоришь? Послушай-ка, сынок, ступай ты в квартиру 70. Это и будет бывшая квартира 6. Там и спроси.

Торопливо благодарю и бегу в квартиру 70. Дверь облепили таблички. Одна — нужная мне: Иванова М. А. Звоню.

Алексей Иванович Иванов действительно жил в этой квартире. Из беседы с его дочерью Марией Алексеевной узнаю, что последние годы жизни он работал в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Летом 1937 года А. И. Иванов по ложному обвинению был арестован (ныне посмертно реабилитирован). Всю его библиотеку и рукописи увезли. Обнаружить место их хранения пока не удалось. Поиски словаря А. И. Иванова — первого словаря расшифрованных тангутских идеографов должны быть продолжены.

Петровская ярмарка

После сенсационных находок в Хара-Хото тангутские памятники все больше стали привлекать внимание специалистов. В Китае ими заинтересовались братья Ло — Ло Фу-чан и Ло Фу-чэн, в Германии — китаеведы Анна Бернхарди и Эрвин фон Цах. Известный американский ученый Бертольд Лауфер на основании публикации А. И. Иванова «К изучению языка Си Ся» пытался дать первое систематическое описание тангутского языка и определить его место в семье китайско-тибетских языков. Однако требовалось еще много усилий, чтобы тангутоведение стало подлинной наукой, самостоятельной отраслью востоковедных знаний. И оно стало таковой благодаря трудам известного советского ученого-востоковеда Николая Александровича Невского.

...Августовским солнечным утром 1900 года тетя Варя, еще раз осмотрев Колю, чисто вымытого и гладко причесанного, одетого в новенькую форму, повела его в гимназию знакомиться.

Коля жил у тети Вари уже пятый год. Мама своей он не помнил, она умерла, когда Коле не было и года. Отец женился второй раз. Но с мачехой и двумя своими сестренками Коля пожил тоже мало. В 1896 году умер его отец, работавший в то время следователем в Пошехонье. Маленького Колю привезли в Рыбинск к дедушке Н. А. Соснину. Дедушка, священник рыбинского Спасо-Преображенского собора, жил подле этого собора в не-

большом каменном трехэтажном доме. Здесь, в квартире нижнего этажа, окна которой выходили на соборную площадь, и прошло Колино детство.

Тетя Варя взяла Колю за руку, и они вышли во двор, а потом на улицу. Над Волгой стоял туман. Оттуда слышались свистки пароходов, крики грузчиков. Коля бегал вчера на Волгу и видел, что вся она была забита баржами — на рыбинскую хлебную биржу везли хлеб со всего Поволжья.

До гимназии далеко — надо пройти почти всю Крестовую из конца в конец, и тетя торопит его. Крестовая — главная улица города. Дома на ней все купеческие, каменные, вымощена она булыжником, а тротуар выложен белыми каменными плитами. По улице громахают телеги — ломовые с пристаней на станцию везут кули с хлебом. Редко пронесется извозчик: купец спешит на биржу. Осень — горячая пора.

Вот наконец и гимназия. Длинная, белая, в три этажа, на крыше башенка с крестом — домовая церковь. Они с тетей поднимаются на второй этаж. Здесь приготовительный класс. У дверей несколько мальчиков с родителями, тоже ждут приема. Дошла очередь и до Коли. Классный наставник строго спрашивает:

— Фамилия и имя?

— Невский Николай.

— Время рождения?

— 18 февраля 1892 года.

— Происхождение?

Это вопрос к тете Варе.

— Сирота он, — говорит она. — Отец служил следователем Ярославского окружного суда. В Пошехонье.

— Обер-офицерское, — заключает наставник.

А Коля в это время думает: «Ну, какой я сирота. Правда, у меня нет папы и мамы, но есть дедушка, бабушка и тетя Варя. И сестренка Маня есть. Все меня так любят. Так какой же я сирота?».

А наставник уже задает тете следующий вопрос:

— Вероисповедание?

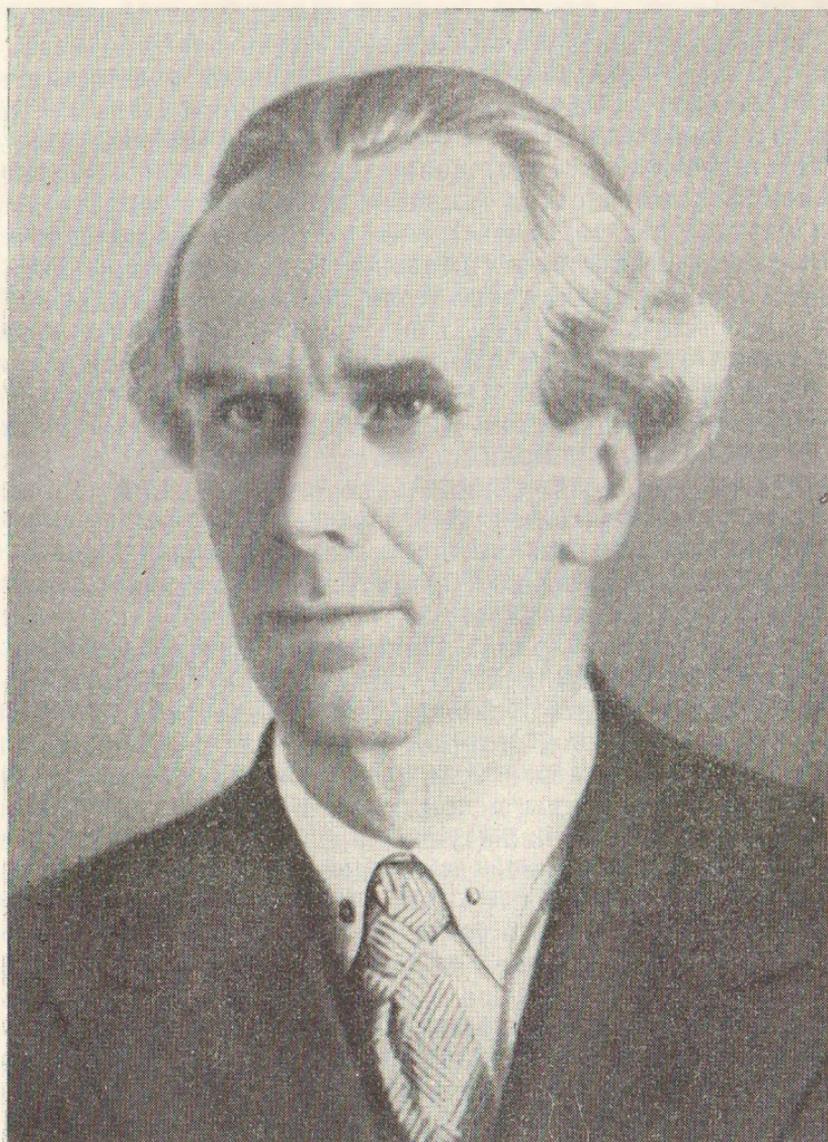
— Православное.

— Где обучался до поступления в гимназию?

— Дома.

— В понедельник явиться на занятия.

Скоро длинный путь от Крестовой стал для Коли

Н. А. Невский

привычным и даже наскучил. Вечерами, приготовив уроки, Коля любил гулять под старыми липами, над Волгой, от собора до мельницы и по бульвару над Черемхой.

Учился Коля хорошо. Каждый год почти одни пятерки. Он да Можжухин Иван были первыми учениками в классе. Умерли дедушка и бабушка. У тети Вари плохо было с деньгами. Коля с четвертого класса стал заниматься репетиторством, давая домашние уроки гимназистам и гимназисткам младших классов. Несколько раз он уезжал репетировать на все лето — готовить учеников для поступления в гимназию. В одну из таких поездок в Пошехонском уезде Коля записал около полусотни интересных частушек. Как сирота и хороший ученик от платы за обучение в гимназии он был освобожден и учился на стипендию Ю. И. Смоленского, данную ему попечительским советом Рыбинской мужской гимназии.

Немало было у Коли друзей среди взрослых. Жил на соборном дворе священник Александр Образцов. Образцов увлекался физикой. В его светелочке была настоящая физическая лаборатория. Коля, который страстно мечтал изобрести вечный двигатель, целыми днями пропадал у отца Александра.

Тетя Варя — Варвара Николаевна Крылова — в памятные дни устраивала в доме литературные вечера. Двоюродная сестра Николая Александровича Марии Дмитриевны Серова, которая вместе с двумя младшими братьями после смерти родителей тоже воспитывалась у Варвары Николаевны, вспоминает: «Мы сами подбирали любимые произведения Пушкина, Гоголя, Жуковского и читали их перед нашей домашней аудиторией».

Наступил бурный 1905 год. Где-то далеко на востоке шла русско-японская война. Газеты пестрели телеграммами с театра военных действий. Далекая заморская страна, о которой раньше в Рыбинске и знал-то не всякий, наносила одно поражение за другим армиям непобедимого белого царя. Непонятные страны — Япония и ставший театром военных действий Китай невольно возбуждали теперь всеобщее любопытство.

Коля и до этого видел китайцев и даже японцев. Они приезжали на знаменитые рыбинские петровские ярмарки. Ярмарка открывалась каждый год в июле, на Петров день, на пустыре за рекой Черемхой и была важным событием в жизни города. По Стоялой, от каланчи

через мост на ярмарку валом валил народ. Кого здесь только не было! Захаживали на ярмарку и китайцы, и японцы. Они торговали шелком, разной мелочью, показывали фокусы. Вокруг них всегда была толпа. Коля часами простаивал у палаток китайцев, глядел на диковинные товары, прислушивался к резким, непонятным словам, которыми они обменивались между собой. Позднее он и сам не знал, что больше — непрерывные ли и часто печальные сообщения газет с фронтов русско-японской войны или эти, виденные в детстве петровские ярмарки вызвали у него страстное желание познать и таинственные, скрытые иероглификой языки и самую жизнь далеких стран.

Коля интересовался Востоком. Даже стал изучать татарский язык. Познакомился с местными татарами и ходил к ним учиться разговаривать. Он старался прочесть о Востоке все, что было ему доступно. Желание узнать Восток крепло у него год от года. Позднее был у Коли старший друг Ваня Слонов. Он учился в Москве в Лазаревском институте восточных языков, на арабско-персидском отделении. Колю очень интересовало то, чем занимается Ваня, и он даже выучил самостоятельно арабское письмо.

Николай Невский был веселым и жизнерадостным гимназистом. Он не только сидел над книгами — особенно хорошо ему давались языки, — но и с увлечением организовывал ученические вечеринки с фантами и почтой, загородные прогулки.

Он глубоко и серьезно любил поэзию. Эта любовь его была известна в гимназии и соученикам и преподавателям. Сколько раз за отличные успехи при переходе из класса в класс ему от имени дирекции гимназии дарили томики стихов любимых поэтов — Тютчева, Фета, Плещеева.

В 1909 году Николай Невский окончил Рыбинскую гимназию с серебряной медалью. Хотя у него и было большое желание посвятить себя изучению восточных языков, он вынужден был, уступая настояниям тети Вари, на попечении которой находился после смерти дедушки и бабушки, поступить в Технологический институт. Тетя Варя хотела видеть своего любимого племянника инженером. Тяжело было покидать родной дом. Но в то же время и радостно. Ведь впереди открывалась

новая, неизведанная жизнь, конечно же, полная радости и счастья.

Вещи отправили на вокзал с извозчиком. Сами пошли пешком. Сколько лет бегал Коля по Крестовой в гимназию. Сейчас по этой же улице он начинает путь в большую жизнь. Вот и угол Крестовой и Пушкинской. Отсюда начинается дорога к вокзалу. Мимо деревянных домов-дач с мансардами и резными наличниками, мимо деревянной лютеранской церкви и каменного красного красавца костела, немножко похожего на знаменитый Реймский собор, который он видел на фотографиях. В просторных залах недавно выстроенного вокзала суета, какая бывает всегда перед отходом поезда в Петербург.

Стоя на подножке вагона, он последний раз машет рукой тете Варе, сестрам, городу, своему детству. Прощай, Рыбинск. Впереди Петербург. Здравствуй, новая жизнь!

На берегах Невы

В Петербургском технологическом институте Николай Александрович проучился год. Он был переведен на второй курс и даже прошел летом практику в качестве помощника машиниста товарных и пассажирских поездов. Но душа его не лежала к избранной по настоянию родных специальности. В Петербурге, где он мог много читать о Востоке и познакомиться с деятельностью факультета восточных языков Петербургского университета, его решение посвятить себя изучению языков и культуры стран Дальнего Востока еще более окрепло. Летом 1910 года Невский покидает Технологический институт и поступает в университет, «избрав специальностью, — как он писал позднее в своей автобиографии, в мае 1936 г., — языки китайский и японский, к которым с давних пор чувствовал влечение».

Юноша в форменной тужурке студента-путейца Технологического института привлекал на факультете всеобщее внимание. Но скоро любопытство сменилось удивлением. Новичок поражал своими способностями к языкам и неподдельным интересом к учебе. В университетском общежитии студенты с Кавказа восторгались

тем, как поразительно точно этот волжанин воспроизводил труднейшие звуки их родных языков.

В университете Николай Александрович познакомился с будущим известным советским востоковедом академиком Николаем Иосифовичем Конрадом. Его любимым учителем становится Василий Михайлович Алексеев (академик с 1929 г.).

Именно в те годы с молодыми преподавателями В. М. Алексеевым и А. И. Ивановым в русскую китаистику влилась новая, живая струя. Молодые преподаватели стремились дать студентам навыки разговорной речи. С Алексеевым на факультет пришло увлечение китайской литературой, в особенности поэзией и китайским искусством, не лишенное экзотического налета и в какой-то мере связанное с некоторыми направлениями русской поэзии тех лет.

Японский язык на факультете вели Г. И. Доля, чиновник Министерства иностранных дел, которому в утренние часы было разрешено преподавать в университете, и японец Иосибуми Курано.

В 1913 г. Н. А. Невский первый раз посетил Японию. На всю жизнь осталось воспоминание о том, как он в гостинице впервые заговорил по-японски. Он старательно подбирал слова и выражения, произнося их точно по выученным правилам, но — увы! — прислуга с любопытством толпилась вокруг, и никто его не понимал.

Из дверей соседнего номера появился пожилой, интеллигентного вида японец в очках, послушал и вежливо сказал:

— Сударь, вы изволите говорить на языке первых сёгунов*. Таким языком говорили семьсот лет назад. Поэтому этим людям вас трудно понять.

Пришлось во многом учиться заново.

Как вспоминает видный японский ученый — этнограф Масао Ока, много лет спустя Невский не раз, весело смеясь, рассказывал эту историю своим японским друзьям.

В 1914 году Н. А. Невский представил свое дипломное сочинение на тему: «Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений поэта Ли Бо, проследить в них картинность в описаниях природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор некоторых иностранных переводов».

Эпиграфом к своему диплому Николай Александрович избрал следующие строки Тютчева:

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик:
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Он и стремился показать в своем сочинении, как известный китайский поэт постигал душу природы, как он переводил ее язык в язык четких, выпуклых, удивительно емких образцов китайской поэзии. Работа была выполнена блестяще. Признав дипломное сочинение Н. А. Невского весьма удовлетворительным, В. М. Алексеев сделал следующую приписку, обращаясь к автору: «Работа Ваша выполнена прекрасно. Усилия, употребленные на понимание трудных, оторванных от контекста стихов и на создание искусного перевода, увенчались полным успехом, особенно благодаря добросовестному отношению Вашему к каждому слову и выражению. Погрешности, отмеченные на полях, имеют характер более нежели извинительный, ибо обязаны только вполне понятному недостатку опытности».

Через двадцать лет в записке о предполагаемом избрании профессора Николая Александровича Невского в действительные члены Академии наук СССР академик В. М. Алексеев, вспоминая те годы, писал: «В 1910 г. Н. А. поступил на китайско-японское отделение Фак. Вост. Языков, где его преподавателям, в том числе и одному из подписавших эту записку, стало очевидным полное соответствие призвания с наличностью необыкновенных способностей и такой же рабочей силы. В результате своих занятий он написал работу на исключительно для него предложенную тему, требовавшую поэтического анализа наиболее трудных стихотворений Ли Бо *», и справился с темой, как с тех пор никто из учащихся китайцев».

Поскольку перед факультетом стояла задача подготовить опытные кадры преподавателей-японистов, Н. А. Невский был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности. Однако в связи с начавшейся первой мировой войной средств у факультета не хватало, и Невский временно был оставлен без

всякого содержания. Поэтому, пополняя свое образование уже в первую очередь как японовед, он одновременно поступил на работу в нумизматической отдел Государственного Эрмитажа, где занимался разбором китайских и японских монет.

В Стране восходящего солнца

Через год университет изыскал средства и направил Николая Александровича в Японию для усовершенствования знаний и приобретения необходимых навыков в разговорном языке.

Невскому было предложено заниматься в Японии синтоизмом*. В Японии к тому времени уже находились О. О. Розенберг, изучавший японский буддизм, и Н. И. Конрад, работавший над темой «Китайская культура в Японии».

Николай Александрович с увлечением принялся за работу. Он изучает памятники древней японской литературы, в особенности норито*. Норито сопровождался обычно магическими действиями и заклинаниями, которые до недавнего времени вводились в придворные религиозные церемониалы и были очень похожи на некоторые ритуальные песни японских шаманок-знахарок из северо-восточных провинций и моления жриц с островов Рюкю.

Торжественное, ритмичное звучание древних обрядовых песнопений захватывало:

Подносится жертва обильная:

Богу-мужу на одеяние —

светлые ткани,

блестящие ткани,

мягкие ткани,

грубые ткани...

В равнине великого луга растущее —

овощи сладкие,

овощи горькие...

В равнине синего моря живущее —

с плавниками широкими,

с плавниками узкими...

Николай Александрович много ездит по Японии, изучает синтоизм в жизни. Это неизбежно приводит его к занятию этнографией, что было его увлечением еще студенческих лет. Учась в университете, Невский был частым гостем Музея антропологии и этнографии и посещал семинары знаменитого этнографа Л. Я. Штернберга. Николай Александрович знакомится с видными японскими этнографами того времени Накаяма Таро и Янагида Кунио и начинает сотрудничать в японских этнографических журналах.

Этнографические занятия пробудили у него интерес к языку и фольклору айнов — древнего населения японских островов, Сахалина и Курил, а также к диалектам японского языка, особенно таким древним, как язык жителей островов Рюкю.

В России произошла Октябрьская революция. Началась гражданская война. Войска интервентов оккупировали Дальний Восток. Пути к возвращению на Родину пока были отрезаны. Невский поступает в японский Высший коммерческий институт в городе Отару на Хоккайдо преподавателем русского языка. Научных занятий он не бросает.

В 1921 году Николай Александрович женился на японке Мантани Исо, дочери крестьянина-рыболова из деревни Ирика на Хоккайдо. Их брак был зарегистрирован в Советском генконсульстве в городе Кобэ. Мантани Исо была учительницей музыки. Она обучала игре на японском национальном инструменте бива.

Невский усиленно занимается диалектологией, посещает лекции видного японского диалектолога Киндай-ти *. Научные занятия заполняли все его свободное время, всю его жизнь.

Вот выписки из дневника Н. А. Невского тех лет.

30 декабря 1921 года.

«Проснулся в половине восьмого.

Начал разбирать Меноко-юкара *, записанную в Отару 20-го числа сего месяца. Пока дело продвигается слабо, не могу еще как следует анализировать текст, придется в Новом году прослушать еще лекции две у Киндай-ти. Около десяти часов явился студент Учительского института... Уинтин Кенгфу, уроженец

острова Маякодзима... Со слов Уинтина записал следующую сказку...

Уинтин просидел до трех часов. Около четырех пришел г-н Накаяма. С ним вместе обедали у меня. Около шести явился Оригути. Просидели до половины девятого. Разговаривали главным образом об издании Этнографического журнала».

4 января 1922 года.

«К трем часам поехал к Раммингу * (так как у него был телефон), и с ним вместе поехали к Рамстедту *. Последний встретил нас очень просто и мило. Говорили преимущественно на лингвистические темы. Рамстедт произвел впечатление весьма и весьма серьезного лингвиста не только в своей специальности тюркских языков».

6 января 1922 года.

«Утром звонил к Янагида. Он оказался дома и звал к себе... Янагида был очень доволен моими занятиями с уроженцем Мияко, просил обработать материал и обещал, если получится что-нибудь приличное, похлопотать, чтобы издать эти материалы в известиях Киотоского университета».

В 1922 году при участии и помощи профессора Янагида Н. А. Невский из Отару перевелся в Осака, во вновь открывшийся Институт иностранных языков, в котором и состоял на службе в качестве иностранного профессора вплоть до 1929 г.

Одновременно Н. А. Невский был приглашен в Киотоский университет, где преподавал русский язык и, кроме того, читал лекции по айнскому языку и диалектам Рюкюского архипелага.

Летом 1922 года на островах Рюкю Николай Александрович собрал большой лингвистический и этнографический материал по местным говорам, записал много чудесных сказок и легенд, в частности легенды о происхождении островов Мияко.

Острова Рюкю Невский посещал неоднократно.

Летом 1927 года вместе с профессором Асаи он принял поездку на остров Тайвань для обследования языков местных туземных племен, и в его руках оказался ценный материал по языку цоу. Академик В. М. Алексеев позднее писал: «В результате этих поездок и благодаря своим исключительным научным качествам, Н. А. вскоре выработал из себя крайне редкий для японистов-неяпонцев тип исследователя наиболее трудно и редко стоящих на очереди этнографических и лингвистических проблем, при этом не тех, что выглядят наиболее эффективно в японологической информации для неспециалистов, но именно тех, которые занимают японских исследователей, вследствие чего обращенные именно к этой аудитории его работы чаще всего написаны на японском языке, которым он овладел в совершенстве, явив всем нам пример редкого овладения стихией иностранного языка вплоть до полного ее индивидуального претворения в родной язык».

Широта лингвистических интересов Невского, его стремление братья за новые, еще не разработанные научной темы, в середине 20-х годов привели его к занятиям тангутским языком и письмом.

Постепенно знакомство Невского с тангутоведением переросло в страстное увлечение новой отраслью науки. Этому способствовало также то внимание к проблемам тангутоведения, которое отмечается на рубеже 20-х годов в Китае и Японии, и, в частности, деятельность семьи Ло.

Еще в 1914 году глава семьи Ло Чжэнь-юй опубликовал в Киото несколько страниц словаря «Жемчужина в руке», используя для этого фотографии, полученные от А. И. Иванова. Его сыновья Ло Фу-чэн и Ло Фу-чан принались за изучение тангутского языка.

Затем Ло Фу-чэн еще раз исследует текст «Лотосовой сутры» и на основании этого текста и известных ему страниц «Жемчужины в руке» издает краткий тангутский словарик, а Ло Фу-чан в статье «Краткое описание тангутской письменности» устанавливает, что тангутское письмо идеографическое и создано по образцу китайского, и кратко анализирует его отдельные элементы. В самом начале 20-х годов, получив от А. И. Иванова новые материалы, Ло Фу-чан продолжает публиковать свои исследования на страницах одного из китайских научных журналов, а Ло Фу-чэн в 1924 году с фотографий

А. И. Иванова издает в городе Тяньцзине «Жемчужину в руке». Исследователи получают большой и оригинальный материал. Издание «Жемчужины» особенно заинтересовало Невского, и он берется за изучение тангутского языка.

Живя и работая в Осака, Н. А. Невский был постоянным и постоянным участником Осацкого общества востоковедения, которое ставило перед собой большие задачи в изучении Востока и находилось под сильным влиянием идей видного китайского историка Ван го-вэя. Многие члены этого общества, в особенности Исихама Дзюнтаро, поощряли интерес Н. А. Невского к тангутоведению, справедливо видя в нем перспективного и талантливого исследователя и, что было крайне важно, ученого, имеющего тесные контакты с русской Академией наук, обладательницей уникальной тангутской коллекции. Возможно, не без содействия Общества летом 1925 года Николай Александрович прибыл в Пекин. Он посещает своего бывшего университетского учителя Иванова, и Алексей Иванович охотно делится с ним теми материалами, которые не известны еще никому. Он представляет Невскому возможность скопировать фотографии кусков тангутских текстов с тибетской транскрипцией, найденных в свое время В. Л. Котвичем, и разрешает исследовать их и издать. Одновременно Иванов знакомит Невского с тангутскими толковыми словарями «Гомофоны», «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории».

«Эти словари, — писал Н. А. Невский, — весьма любезно показал мне профессор А. И. Иванов, когда я был в Пекине летом 1925 г. Он взял их из Азиатского музея с собой, чтобы подробно изучить в Пекине. Однако профессор А. И. Иванов, являясь первым переводчиком (драгоманом) при советском посольстве в Китае, был перегружен различной работой. Он говорил, что с трудом находит свободное время для какой-либо научной работы, в частности и для занятий тангутским. В результате перечисленные словари до сих пор не описаны подробно. Вот почему я взялся за эту работу, хотя вполне сознаю, что в моих познаниях в области тангутской письменности много пробелов».

Работа началась. Прежде всего следовало овладеть всем тем, что уже было сделано другими. Николай Александрович расписывает на карточки труды своих предше-

стенников и создает картотеку — рабочий словарь. Но как расположить материал в словаре?

...Сегодня Николай Александрович встал рано, в половине седьмого. Раскрыл окно. В комнату хлынула свежесть раннего весеннего утра. За окном бело-розовое кипение: цветет японская вишня — сакура. В такие часы работается особенно хорошо.

Так как же разместить знаки? Николай Александрович задумчиво перебирает карточки. Вот они, знаки все еще малопонятного тангутского письма. Этот значит «сердце», а этот «человек», этот «цветок», а вот эти , «дерево» и «стол». Что в них общего? Сравним:

Группа А

Группа В

 «сердце»
 «цветок»
 «дерево»

 «дерево»
 «стол»

Нет, пожалуй, слово «дерево» удобнее отнести к группе В. Постой, постой... А не взять ли вообще за основу классификации верхний элемент знака, такой, как

Но он есть не у всех знаков. Тогда верхний и еще какой? Нижний? Как в знаке «сидеть». Он тоже редок.

Кроме того, верхний и нижний элементы есть не у всех знаков. А если еще и левый, боковой, начальный? Ну, скажем, вот этот, который в группе А ? Попробуем, попробуем...

И Николай Александрович принялся быстро раскладывать карточки. Система, по которой следует располагать материал в словаре, была найдена. По начальным чертам знака — левой и верхней...

Невский приступил к изучению тангутских словарей и текстов с тибетской транскрипцией. Наконец, в 1926 году он издает свой первый словарь, включающий 334 знака—

«Краткое руководство к тангутским письменным знакам с тибетской транскрипцией» — первый в мире после гибели Великого Ся систематизированный словарь тангутских знаков, составленный на основе дешифровки оригинальных текстов. Невский не просто дал каждому знаку тибетскую транскрипцию, взятую из исследуемого текста, и китайскую из «Жемчужины в руке», но и, сопоставляя их, сделал первую попытку восстановить подлинное звучание тангутских знаков, заставить их заговорить, сделал первый шаг к тому, чтобы древний забытый язык зазвучал вновь.

Рецензируя эту работу в международном китаеведческом журнале «Тун бао», Поль Пельо высказал надежду, что «мало-помалу мистерия, окружавшая письменность и язык Си Ся, обещает рассеяться».

В следующем, 1927 году Николай Александрович начал подготовку к публикации описания тангутских словарей и занялся исследованием структуры тангутских иероглифов, продолжая тем самым работу, начатую Ло Фу-чаном и немецкими исследователями Анной Бернхарди и Эрвином фон Цахом. Поражала простота, которая нередко таилась за кажущейся сложностью тангутских знаков, о которых Бертольд Лауфер сказал, что «это самая сложная система письма из всех, когда-либо созданных человеческим умом». Вот этот элемент 𑖑 значит «вода», а 𑖒 «трава». Их соединение дает знак

𑖓 «камыш», «тростник», т. е. изображает «траву, которая растет в воде». Знак «жажда» 𑖔 четко распадается на составные элементы: 𑖕 «рот»,

«вода» и 𑖖 «нет», «отсутствовать». Вот и получается: «во рту воды нет», — это «жажда».

Тангутика все больше увлекала, и еще нестерпимее хотелось домой, на Родину, где родные, Волга и яростный январский мороз, где в Азиатском музее хранятся бесценные сокровища памятников тангутского письма. Горько было оставаться в Японии еще на год, так как паспорт, необходимый для возвращения на Родину, пока не был получен.

Николай Александрович не спеша вывел дату — 28 де-

кабря 1927 года. И задумался. Да, уже двенадцать лет он оторван от Родины...

«Многоуважаемый Сергей Федорович! *

Поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю всего лучшего. Собирался на будущий год распрощаться со Страною Восходящего Солнца, но, не имея еще советского паспорта (ответа на мое прошение о принятии в советские граждане до сих пор еще нет), принужден был согласиться на продление контракта с Институтом Иностранных Языков еще на год.

Прошрое лето провел (около месяца) на Формозе среди племен Цоу (одно из племен формозских аборигенов), собирая материалы по языку и фольклору.

Время от времени возвращаюсь к своим занятиям тангутикой. Присланные Вами тексты с тибетской транскрипцией в общем прочитаны...

Посылаю Вам часть своих заметок относительно тангутских слов и попытку анализа тридцати пяти иероглифов... Надеюсь, становится ясно, что тангутские иероглифы, несмотря на кажущуюся сложность, гораздо более говорят о своем внутреннем содержании, чем китайские, которые явились главным образом для составления тангутской письменности. Нельзя ли еще раз затруднить Вас просьбой о высылке мне каких-нибудь тангутских текстов, чтобы не бросать уже начатого дела».

С совершенным почтением Н. Невский».

В 1928 году выходит в свет статья Невского «О тангутских словарях». Она и до сих пор остается единственным наиболее полным пособием, которое вводит читателя в круг тангутской лексикографической литературы. Вместе с японским ученым Исихама Дзюнтаро он публикует ряд других статей по тангутике. Благодаря этим трудам он скоро становится одним из лучших знатоков тангутского языка и письма.

А время шло. Уходило драгоценное время, день за днем, месяц за месяцем все еще отделяющее его от Ро-

дины. Россия, какая она теперь? Неизведанное, но родное. Нельзя быть человеку без Родины. Тревога и раздвоенность мешают работать. Скорее бы кончался контракт с институтом.

Ночью он ворочается, не спит. В голове одна за другой возникают строки:

Когда в ночном дыханье
Молчит, но снится звук,
Ко мне приходит Хайне,
Певец, паяц и друг.

Приходит (легкой болью
Клочки кудрей легли)
И сыплет лунной солью
На бестолочь земли.

Веселость хвалит ада,
Бранит застой небес.
И под косящим взглядом
Двоятся — бог и бес.

Впереди еще один год без густо-зеленой, пронизанной ветрами и пепельной синевой петербургской осени и без елки. Пусть этот год станет последним годом его пребывания в Стране восходящего солнца, стране гостеприимной, но не способной заменить ему Родину, заснеженные перелески и скрип полозьев на крутом волжском берегу.

В этом году Невский приступил к задуманному им большому тангутско-китайско-русскому словарю.

«Дорогой Василий Михайлович!

...Громадное Вам спасибо за исполнение заказа на тангутские фотокопии и оплату его. С нетерпением жду прихода. Часть посланных фотокопий, как уже сообщал в предыдущем письме, мною получена, остается дополучить остальное. Надеюсь, большое количество текстов увеличит мой тангутский словарь. Попутно с чтением текстов мною составляется словарь, который уже достиг довольно больших размеров...

Некоторые идеографы снабжены массой примеров, у других же чувствуется недоста-

ток, но это объясняется малым количеством текстов... Фонетическое исследование тангутского языка и анализ письменности должны будут предшествовать словарю.

На этом пока заканчиваю письмо. Пишите, как встретили Новый год. Я так много лет был далек от этого удовольствия, что приятно будет прочесть Ваше описание и перенестись в родную обстановку.

Ваш всей душой

Н. Невский 26.I.29 г.»

Весной 1929 года срок контракта с институтом истек. Хлопоты друзей — В. М. Алексеева, С. Ф. Ольденбурга, Н. И. Конрада, — помогли ускорить получение паспорта и оформление необходимых документов. Возвращение на Родину стало реальностью. В мае 1929 года Невский писал С. Ф. Ольденбургу: «Собираюсь ликвидировать свое длительное пребывание в Стране Восходящего Солнца и направить лыжи назад, в Ленинград. Это уже вопрос решенный, и даже наметил оставить благословенные берега Японии в самом начале августа, чтобы в двадцатых числах быть уже и „дома“... По возвращении в Ленинград мне лично очень хотелось бы продолжить занятия тангутикой, и в данном отношении я надеюсь, что Вы мне поможете это сделать.

Остаюсь с совершенным почтением

Ник. Невский».

Подвиг во имя науки

Как и предполагалось, осенью 1929 года Н. А. Невский покинул Японию.

Тангутская коллекция из Хара-Хото ждала своего будущего исследователя. На майской сессии Академии наук СССР академик В. М. Алексеев выступил с докладом «Об организации изучения тангутского фонда Азиатского музея в связи с новейшими успехами китайской историографии», в котором высказал мнение, что изучение фонда без овладения всеми сведениями китайских источников о Си Ся вряд ли будет успешным, и предлагал организовать экспедицию на бывшую территорию тангутского государства, чтобы продолжить поиски воз-

можных потомков тангутов. В этом его горячо поддержал А. В. Луначарский.

В пятилетнем плане работы Азиатского музея на 1930—1934 годы обработка тангутского фонда была признана задачей первостепенной важности. В частности, в плане говорилось:

«Содержание подавляющего большинства тангутских рукописей и особенно фрагментов до сих пор еще не установлено, поэтому систематизация и составление каталога рукописей непосредственно связаны и должны идти параллельно с их расшифровкой.

В связи с этим в пятилетний план включаются работы по составлению — на основе имеющихся в АМ материалов — возможно полного тангутско-русского словаря. Без такого словаря содержание тангутских рукописей будет доступно лишь крайне ограниченному количеству специалистов-тангутологов. Составление этого словаря возможно лишь здесь, в Ленинграде, так как Тангутская коллекция АМ единственная в мире...

...Можно надеяться, что к концу пятилетия станет достигнутым недавно еще загадочный язык и письменность исчезнувшего высококультурного народа».

Николай Александрович вскрыл конверт. Коротенькое извещение на официальном бланке:

«Азиатский Музей Академии Наук
Союза Советских Социалистических Рес-
публик

1 марта 1930 г., № 8

Многоуважаемый Николай Александрович!
Коллегия Востоковедов при Азиатском Музее
АН СССР, желая воспользоваться просвещен-
ным участием Вашим в работах своих, на за-
седании 27.II.30 г. избрала Вас своим дейст-
вительным членом.

Доводя до сведения Вашего о постановле-
нии Коллегии, прошу принять уверения в глу-
боком моем уважении

Секретарь КВ академик Б. Владимирцов».

Все начинается как нельзя лучше. Друзья и коллеги встретили его с распростертыми объятиями. Академик В. М. Алексеев уступил ему часть своей квартиры. На ра-

боту он устроился сразу в двух местах, а теперь вот Коллегия востоковедов избрала его своим действительным членом.

В его распоряжении была обширная тангутская библиотека, запыленные и рваные книги, как будто только что извлеченные из земли и оттого еще более привлекательные и таинственные.

Теперь, когда все ценные первоисточники у него под рукой, следует четко определить задачи, которые предстоит решить. До него сделано немало. И сам он уже кое-чего добился. Но то была работа с отдельными кусками текстов. К тангутским словарям он тогда сумел только подыскать ключ. Сейчас, пользуясь ими, надо попытаться восстановить исчезнувший язык.

Во-первых, необходимо постоянно пополнять словарь. Ведь без словаря, без дешифровки значения идеографов работа с тангутскими материалами будет невозможна, и он изучает тексты, переведенные с китайского и тибетского языков.

Во-вторых, нужно реконструировать фонетику, восстановить звуки языка тангутов. В его руках два вида источников — внешние и внутренние. Внешние — это иноязычные транскрипции тангутских текстов: китайская — в «Жемчужине в руке», тибетская — в обработанных им еще в Японии фрагментах, наконец, уже исследовавшийся тангутский текст дхарани с ворот Цзюйюнгуань. Внутренние — это фонетические словари и фонетические таблицы, составленные самими тангутами. Тангутские словари и фонетические таблицы помогут выявить те фонетические элементы, которые выделяли в своем языке сами тангуты. А с помощью китайской и тибетской транскрипций можно будет дать их расшифровку. Немало усилий надо затратить и на то, чтобы проникнуть в тайну той системы, которая положена тангутами в основу их письма.

Наконец, предстоит написать грамматику тангутского языка. Ведь того, что выявлено М. Морисом, развито Ло Фу-чаном и дополнено им самим во время пребывания в Японии в статье «Краткое исследование служебных частиц в тангутском языке», явно недостаточно. И здесь прежде всего на помощь придут параллельные тексты...

Выполнению этих задач Николай Александрович отныне посвятил и большую часть своего рабочего времени и многие часы короткого досуга...

Николай Александрович знак за знаком восстанавливает звучание умерших тангутских слов. Для этого приходится сопоставлять различные источники. Только сравнивая тангутскую классификацию звуков с китайскими и тибетскими транскрипциями, можно приблизительно точно реконструировать чтение того или иного слова.

Известно, например, что Хара-Хото тангуты называли городом Черной реки и передавали это слово так:

𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 . Первый знак в тангутском названии Хара-

Хото значит «вода». В словаре «Жемчужина в руке» он транскрибируется по-китайски как *i + tse*, а во фрагментах с тибетской транскрипцией *gzi*, *gzih*. Сопоставляя эти транскрипции с тем, как трактовали звучание этого слова сами тангуты в своих словарях и фонетических таблицах, Николай Александрович устанавливает его предположительное чтение как **yzie*. Звучание слова «черный» тем же путем восстанавливается как **niā*.

«Зная теперь фонетические эквиваленты идеографов в тангутском произношении Хара-Хото,— заключает Невский, — можно сказать, что этот город назывался **yzie-niā*. Вероятно, это название и было известно в китайской истории в виде Идзинай... Из европейских путешественников описание города Езина находим у Марко Поло. Так как название города происходит от реки, то и слово «эцзин» в монгольском названии этой реки (Эцзин-Гол) мы можем считать сокращением *эцина*, восходящего к тангутскому».

Книга великолепной печати, на плотной серой бумаге давно привлекала его внимание. Отдельные фразы в одну-две строки начинаются прямо от верхней рамки, ограничивающей текст, другие, пространные, — отступя один знак. Как в старых китайских книгах. Следовательно, короткие фразы — это основной текст памятника, он выделен тем, что написан на один знак выше, а длинные фразы составляют комментарий. Надо определить, что это за памятник. Николай Александрович листает книгу, подыскивая фразу с большим числом известных знаков.

Вот подходящая:

𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍
 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 𐰽𐰺𐰍 .

Прежде всего посмотрим, какие здесь есть известные знаки. Знак 人 «человек», он хорошо знает его. Этот 非 значит «не есть», «не иметь». За ним тоже знакомый знак 非, он не раз встречался ему раньше, еще во время работы в Японии. Он соответствует русскому «то». Выходит, это условное предложение. Теперь пороемся в своем словаре. Знак 非 после «человека» известен из «Жемчужины в руке» и означает «далекое», «отдаленный». Следующий 非 тоже есть в тангутско-китайском словаре, соответствует значению «думать». Что же получается? «Если человек не думает о далеком, то...» Что же то? 非 знак, судя по «Жемчужине», означает «определенно», «обязательно». Удачная фраза. Расположенное за ним слово 非 тоже зафиксировано в «Жемчужине». Вот оно, «родной», «близкий», предпоследнее и последнее слова известны из текста «Лотосовой сутры» — «беспокойство» и «иметь». Итак, всю фразу можно перевести так: «Если человек не думает об отдаленном, то непременно в близком беспокойство (будет) иметь». Какой-то уж очень знакомый текст. Похоже, что это «Лунь-юй». Не лежит ли перед ним тангутский перевод знаменитых «Изречений» Конфуция, о котором известно из китайских источников?

Николай Александрович встал и вышел из хранилища рукописей в библиотеку за книгой. Долго листает китайский текст «Лунь-юя». Вот, кажется, нужное место. Да, так и есть. В главе XV, параграфе 12, по-китайски тот же текст. Догадка подтвердилась. Перед ним тангутский перевод одной из самых популярных в древнем Китае книг. Теперь предстоит строка за строкой сверять китайский и тангутский тексты, пополнять и пополнять словарь новыми знаками.

А эта книжка изрядно потрепана. Николай Александрович посмотрел оглавления разделов. Что-то похожее на стихи. Он еще раз перелистал измятые листы. И тут только заметил, что на обратной стороне каждого листа четким почерком записано много стихотворений. Перели-

стал книгу в третий раз, вглядываясь в расплывающиеся строки — каждое заглавие кончалось одним и тем же словом «ода». Оды, настоящие тангутские оды! Даже в рукописи! А вдруг, это просто стихи, переведенные с китайского? Надо немедленно разузнать.

Николай Александрович стал выписывать одно стихотворение за другим, стараясь особенно точно воспроизводить знаки в тех местах, где они стерлись. Назавтра с раннего утра он взялся за расшифровку первой оды. Работа продвигалась медленно. Значение не всех знаков было известно, ода изобиловала собственными именами. Стало ясно, что прочесть ее всю пока не удастся. Но уже те места, которые были поняты, представляли значительный интерес:

Наша матушка Ама стала [рода] истоком,
[это] серебряное чрево и груди златые.
Хорошее семя не прерывается и носит название Вэймин.

Так. Значит в оде речь идет о предках государей Ся!
Что же дальше?

Когда же впоследствии
широко развернулось потомство,
[появился] Ми Се-хук.
С момента рожденья имел он два зуба;
Когда же попрос он,
все десять удач в нем одном собрались(?)
Ведя за собой семь всадников,
он явился, чтоб быть государем.

Се-хук? Кто же такой Се-хук? В китайских источниках такой тангутский вождь не упоминается. Невский несколько раз перечитывает переведенный отрывок. Пока ничего не ясно. Стоило бы еще раз посмотреть жизнеописание тангутских государей, приведенные в истории династии Сун. И в биографии Цзи-цяня, первого государя Ся, его внимание привлекли такие строки: «Родился в области Инчжоу, в Удинхэ, родившись, имел зубы». «Родившись, имел зубы»? А как сказано в оде? ✓

С момента рожденья имел он два зуба...

Цзи-цзянь был первым государем Ся. И в оде сказано:

явился, чтоб быть государем.

Ясно, речь идет об одном и том же лице. Тангутская ода подтверждает сведения китайского источника, и загадочный Се-хук — это Цзи-цзянь.

Ода в честь создателя тангутской письменности увлекла его так, что он забросил все свои дела и занимался ею около недели, пока не перевел все, что смог. Учитель Ири. Вероятный Ели Жэнь-юн китайских летописей. Он по праву может считаться отцом тангутской культуры.

Николай Александрович Невский расшифровывает стихотворение за стихотворением, и перед ним постепенно раскрывается вся прелесть тангутской поэзии. Конечно, она развивалась под влиянием поэзии китайской и тибетской. В стихах есть китаизмы, китайские образы. Но что прежде всего бросается в глаза уже при первом знакомстве с тангутскими одами? Любовь к своей родине и гордость за свою культуру, за то, что тангуты ни в чем не уступают соседям и имеют нечто свое. Как это говорится в «Крупинках золота на ладони»?

Минья (тангуты) смело и бодро идут вперед,
Кидане ступают медленным шагом,
Тибетцы большею частью чтут будд и монахов,
Китайцы же все любят светскую литературу.

Довольно меткая характеристика соседей, хотя и не лишенная некоторого самодовольства!

А вот строки из другой оды:

Среди тысячи миров нет подобного
Стране верховьев Белой
с ее совершенным, светлым царем.
Он царей [всех] восьми направлений
гнева не поднимает,
С народами четырех морей
мир совместный берет.

Это, вероятно, о Жэнь-сяо. При нем в тангутском государстве царил мир, и оно процветало.

Знатный лама с прислужниками

Безусловно, вторая половина XII века — это вершина расцвета тангутской культуры. Разве маленький народ, сто лет назад даже не имевший письменности, не мог гордиться своими достижениями? Он отстоял свою независимость и создал свое государство. Тангуты учились у китайцев и многое взяли у них. Немало им дал и Тибет. Но созданная ими культура была вполне самобытна.

Николай Александрович закрыл глаза. Ему представился Синцин, столица Ся. Город окружен садами и полями, изрезанными сотнями светлых ниточек — арычков. Вдали синеют Алашаньские горы. А где-то там, на востоке, за ласкающим глаз простором полей, течет Хунхэ. Тут и там белеют субурганы.

Их много и в городе. Улицы полны народа. Солнце играет на блестящей черепице крыш императорского дворца. Люди трудятся, спешат по своим делам. Прошла группа монахов, бритых наголо, в свободных желтых одеждах, одно плечо обнажено. Проехал во дворец знатный военачальник со свитой. Жарко горит на солнце его позолоченный шлем. Кочевники в драных полушубках гонят на базар стадо баранов. А вон Мебу. Нарядился в новый зеленый халат. Опять побежал к своей возлюбленной. Соседи качают головами: быстро он промотает отцовское наследство. Вот уж вправду говорится:

Умный человек женское поведение в расчет принимает.

Глупый человек женской наружностью дорожит.

Николай Александрович улыбнулся. Пожалуй, именно в тангутских пословицах он отчетливее всего услышал голос народа. Небольшая книжечка «Изречений», изданная в 1187 году — вон еще когда в тангутском государстве собирали фольклор, — дороже для него десятков томов буддийских сочинений. Правда, ее трудно читать. Зато сколько в тангутских пословицах и тонкой иронии и подлинной мудрости:

Если в натягивании лука и стрельбе слаб, стрелу не пускай.

Если речей говорить не умеешь, то рта не открывай.

На горе снег лежит, — значит, высокая.

В человеке достоинство есть, — значит благородный.

Непреложность смерти железом не свяжешь.

Быстротечность жизни пешком не догонишь.

Будда Амида с двумя бодисатвами

Эту книгу следует перевести непременно. И в первую очередь. Тангутская культура... Она, конечно, была буддийской по преимуществу. Как много священных буддийских текстов было издано на тангутском языке. Тангуты блестяще владели ксилографией — техникой печатания с деревянных досок; образцы их можно увидеть на выставке в Эрмитаже. Тиражи отдельных изданий были необычайно высокими даже для наших дней — 50—100 тыс. экземпляров! Если бы об этом не сообщалось в послесловиях к изданиям буддийских текстов, Николай Александрович никогда не поверил бы таким цифрам. Тангуты переводили буддийские сочинения с китайского и тибетского языков, создавали их сами. Сочинения тангутских буддистов носили проповеднический, мистический или созерцательный характер.

Буддийские монастыри были и центрами культуры. Они имели огромные библиотеки, большой штат ученых монахов, знавших, кроме родного, китайский, тибетский, уйгурский языки и санскрит. При монастырях жили талантливые музыканты и танцоры, непременные участники всех религиозных мистерий.

Николай Александрович вспомнил живую, выразительную сценку, изображенную на одной из хара-хотских икон Эрмитажа. Четыре человека в простых зеленых куртках и шароварах. Два музыканта: первый играет на флейте, второй — на лире; третий танцует, четвертый хлопает в ладоши. В стороне — два коня.

Иконопись Хара-Хото восхищала Н. А. Невского разнообразием красок, сюжетов, причудливым смешением стилей — китайского, тибетского и других, из-за которых явственно проглядывала тангутская манера письма.

Особенно нравилась ему одна из лучших икон коллекции — будда Амида * с двумя бодисатвами *, принимающий душу праведника в раю Сукхавати — Совершенного блаженства. Эта чудесная страна находится где-то на западе, и правит ею будда Амида. Там благоухают необыкновенными ароматами цветы и плоды, звучит музыка неземной красоты, целебные воды прудов семи драгоценностей омывают праведников по первому их желанию, и стоит только подумать о еде, как перед ними появляются блюда с напитками и яствами. Так описывается рай будды Амиды в одной из буддийских сутр.

此 通 辰

緝 緘 訖

張 絳 節

劉 義 敏

報 補 新

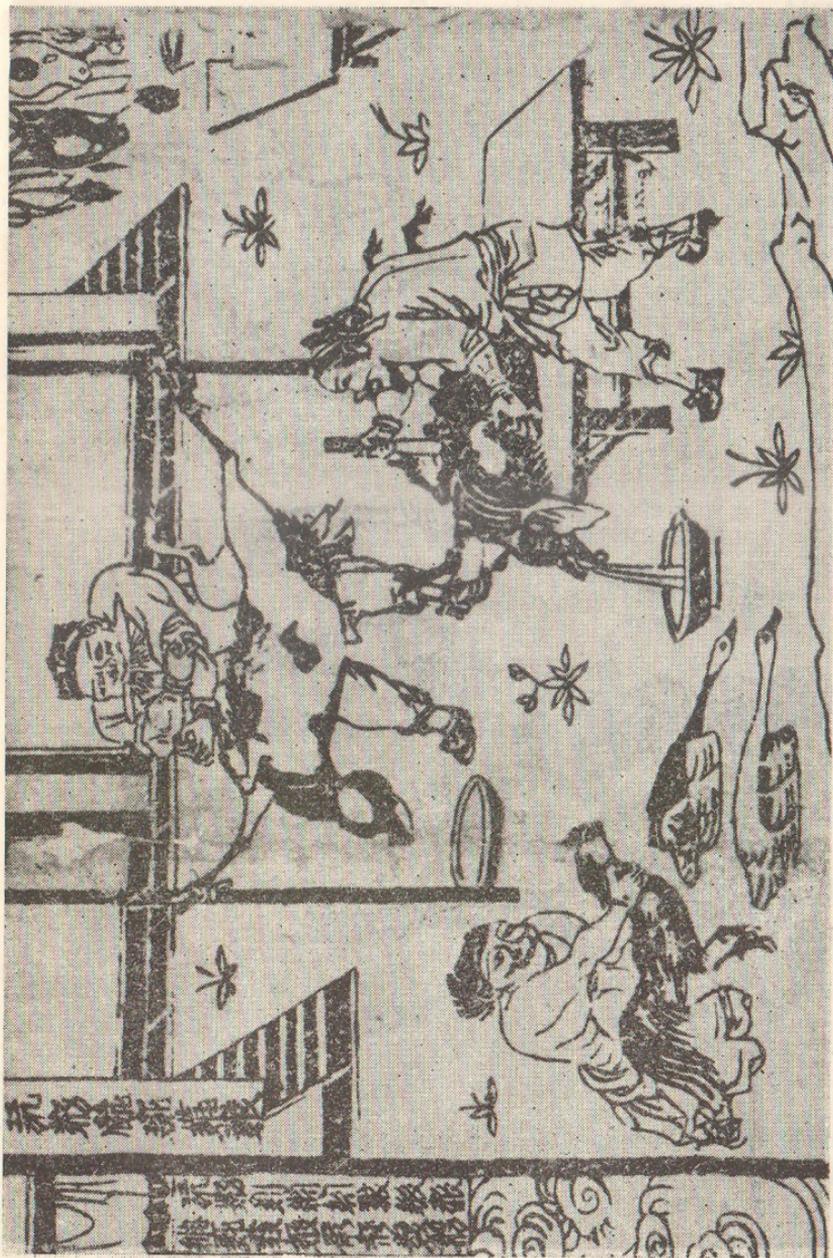
魏 綬 循

На другой иконе рай изображен более подробно. В пруду с золотой водой плавают девять лотосов — синие, розовые, белые, — в них покоятся души праведников. В центре — громадный, ветвящийся стебель лотоса, на его среднем ответвлении сидит сам будда Амида, золотисто-желтый, с открытым правым плечом, в красном платье с узкими золотыми полосками по краям. Письмо иконы — тонкое, изящное, краски яркие.

А кто это сидит на корточках, синий, высохший, с жадным ненасытным взором и перетянутым животом? Это грешник — прета. За жадность и корыстолюбие он обречен на страшную казнь — вечно есть и никогда не насыщаться. Поэтому в правой руке он держит ложку с рисом, рот его алчно раскрыт, в левой руке — чашка с едой, прижатая к тощому животу. Жиденькие, стоящие торчком волосы прета, его тонюсенькие иссохшие ручки и ножки, прикрепленные к непропорционально большим груди и тазу, внушают отвращение и страх. Если рай Амиды обещал верующим за их приверженность к религии неземное блаженство, то образ прета напоминал о расплате в будущем тем, кто жаден и не хочет жертвовать на монастыри. Икона пленяет мастерством исполнения. «Смелый, верный рисунок», — так определял мастерство ее автора академик С. Ф. Ольденбург.

Николай Александрович Невский отдавал должное и чудесным тангутским гравюрам. Техника их исполнения свидетельствовала о высоком уровне развития книгопечатания в Ся. Гравюры обычно иллюстрировали буддийские произведения. Но их отдельные фрагменты запечатлели яркие картины народной жизни. Вот знатный лама с прислужниками, вот двор монастыря или дом богатея — надсмотрщик или управляющий погоняет работающих людей. Вот пахота на быке. Ведут заключенного в колодках, мясники занимаются своим не очень-то почитаемым буддистами ремеслом. Вглядитесь. Это же настоящие тангуты — круглолицые, со вздернутыми носами, с густыми усами и бородой. Именно такими описывали тангутов современники — китайцы. Реальная жизнь, как живой родник сквозь толщу песчаника, пробивала себе дорогу через условность и каноническую символику буддийской живописи.

Николай Александрович любил рассматривать портрет ламы. Лама сидит в канонической позе, окружен-

Мясники

Всадник на верблюдице. Тапугтский рисунок от руки

ный символическими образами, вокруг головы нимб, но взгляните на его лицо! Это лицо не божества. Перед нами человек, живой человек, усталый и мудрый. Образ, возможно, даже не лишен некоторого портретного сходства.

В 1931 году Н. А. Невский прочел в Эрмитаже доклад о культе небесных светил в тангутском государстве. Красочные тангутские изображения планет были выставлены в залах Эрмитажа. Николай Александрович цитировал обширные переводы тангутских текстов, в которых подробно рассказывалось о поклонениях божествам планет:

«Вообще Солнце, Луна, пять планет... дурно повернувшись, вызывают в государстве скорби и несчастья... Когда случаются подобные несчастья с самим или другими, то для того чтобы отвратить их и довести до процветания благополучие, должно совершать эти священнодействия с магическим кругом святой матери планет... При устройстве магического круга прежде всего из земли и других материалов делают алтарь...»

«...Далее девяти планетам приносится в жертву еда, а именно: Солнцу подносится чашка вареного риса с рисовым отваром... Венере — чашка вареного риса с маслом, Марсу — чашка вареного риса с зеленым горошком... Сатурну подносится чашка поджаренных блинов...»

Существование культа планет в тангутском государстве, пантеон его божеств свидетельствуют о разностороннем влиянии китайской, тибетской, индийской и древних среднеазиатских культур на культуру тангутов, проживавших в сердце Азии, на стыке мировых торговых путей.

Перед Николаем Александровичем — интересные фрагменты чертежа струнного музыкального инструмента типа лютни, с указанием размеров каждой его детали. Он вспоминает, что тангуты издавна считались музыкальным народом. В 1148 году известному в Си Ся музыканту Ли Юань-жу было поручено собрать и

изучить все китайские книги по музыке с целью составить новый музыкальный трактат — «Новые гаммы». Когда работа была завершена, на ее основе был разработан музыкальный аккомпанемент придворных церемониалов. Современники отмечали, что музыка тангутов «была выразительной, манера игры чиста и строга». Не случайно сам грозный Чингисхан, после того как его провозгласили императором, повелел исполнять во время церемониалов музыку тангутскую.

Отыскать «Новые гаммы» среди тангутских книг Николаю Александровичу не удалось. Жаль, что не сохранилось и описание чжурчжэньского государства, которое составили тангутские послы. О существовании такой книги тоже сообщают китайские источники. С горечью думал он и о том, что нет у нас тангутских исторических сочинений. Говорят, покойный китайский ученый Ван Го-вэй видел историю Ся на тангутском языке в Сычуани, но купить не успел, она куда-то исчезла. А ведь китайские авторы сообщают, что тангуты не раз составляли историю своей страны.

Надо приняться за «Измененный и заново утвержденный кодекс законов лет Небесного процветания». Чтение его крайне затруднено. Николай Александрович уже не пытался расшифровать некоторые статьи законов. Однако даже отрывочные сведения дают много нового для изучения хозяйства страны и деятельности государственных учреждений Ся.

Каким было тангутское государство? Из китайских источников ясно, что население его занималось скотоводством и земледелием. Почти повсюду землю нужно было поливать, поэтому тангуты создали разветвленную ирригационную систему. Землю пахали деревянной сохой с железным сошником, в которую впрягали быков. Николай Александрович вспоминал сцену пахоты, изображенную на одной из буддийских гравюр. Железный сошник из Хара-Хото хранится в Эрмитаже. Тангуты были и неплохими ремесленниками. Они изготовляли отличные сукна, добывали асбест, соль, плавил металл и ковали отличные мечи. Орудия ремесленного производства, ткани, керамика, предметы буддийского культа можно увидеть в залах Эрмитажа. Работа в Эрмитаже лишний раз убеждала Невского в необходимости комплексного изучения всех памятников Хара-Хото.

...Вчера к Николаю Александровичу приходил сотрудник Эрмитажа Всеволод Николаевич Казин советоваться относительно устройства выставки материалов из Хара-Хото к Международному конгрессу по иранскому искусству.

Этот высокий полный молодой человек, одетый несколько небрежно, внушал невольное уважение своими энциклопедическими познаниями истории и истории искусства.

Василий Михайлович Алексеев рассказывал Невскому, что Казин, сын видного инженера, стал китаеведом против воли отца. Увлечение Китаем поссорило его с семьей. Работал он страстно, самозабвенно и был исключительно требователен и даже придиричив к себе. Василий Михайлович не раз говорил, что этот несколько странный человек — один из талантливых его учеников. Николай Александрович знал, что подлинная страсть Казина — история монголов. Он мечтал перевести и издать «Сокровенное сказание». Только в связи с этим он и занялся историей Хара-Хото.

Выставка памятников искусства и материальной культуры Хара-Хото занимала четыре зала на втором этаже Зимнего дворца. Когда Невский вместе с Казиным медленно обходили ее, переходя от одного экспоната к другому, Николай Александрович в который уж раз невольно поразился обилию материалов и ценности коллекции. Гравюра, иконопись, керамика, ткани, монеты. Казин говорил, что он уже составил каталог монет и произвел первичное описание керамики.

— Всеволод Николаевич, а как ваши занятия историей Хара-Хото?

— Сделал выборки из всех доступных мне китайских сочинений. Удалось выявить периоды расцвета и упадка жизни в этом районе.

— Вы бы поделились с нами результатами ваших изысканий.

— Пока не могу. Между периодом Тан и приходом тангутов на Эдзин-Гол — провал. Даже неизвестно, застали ли там тангуты большое поселение или построили город заново. И точной даты гибели города не знаю. Нет, пока не могу, — и он неловко, с трудом расстегнул верхнюю пуговицу воротника своей желтой рубашки-косоворотки — ему стало душно.

— Не все сразу, Всеволод Николаевич. Из малого большое складывается потихоньку. Думаю, что вы все-таки скоро порадуете нас своей диссертацией. Я намерен представить Академии наук проект комплексного издания памятников Хара-Хото. То, что я увидел сейчас, еще раз убедило меня, что с этим делом следует спешить. Очень надеюсь видеть вас в составе авторского коллектива.

— Спасибо, я постараюсь¹.

Николай Александрович составляет комплексный план издания памятников тангутской культуры из Хара-Хото. «Издание коллекций, добытых П. К. Козловым, — писал он, — является делом первостепенного научного значения».

А его уже волнуют новые проекты и новые задачи.

20 марта 1935 года на сессии Академии наук Невский выступил с докладом «Тангутская письменность и ее фонды».

Николай Александрович особенно тщательно готовился к этому докладу. Следовало подвести итог тому, что сделано в области тангутоведения, рассказать о тангутской коллекции Института и о своих работах, указать пути дальнейших исследований в этой области востоковедных знаний, которую он теперь, по общему признанию, возглавлял.

...Зал смотрел на него с настороженным любопытством — маститые академики и молодежь.

Он начал с истории тангутского народа. Слушали со вниманием, но без подъема. Зачитал первые строки из расшифрованной им тангутской оды:

Черноголовых каменный город на берегу вод пустыни;
Краснолицых отцовские курганы в верховьях Белой реки;
Длинных минья страна там находится...

и почувствовал, как легкая волна возбуждения побежала по залу. Он излагал свое толкование отдельных мест оды и ощущал, как церемониальная торжественность стиха, его эпически суровая простота увлекают зал.

¹ Всеволод Николаевич Казин скончался в осажденном Ленинграде в январе 1942 г. Весь архив его погиб. Сохранились лишь черновые наброски статьи «К истории Хара-Хото», изданные недавно в трудах Государственного Эрмитажа.

Оду в честь великого учителя Ири — создателя тангутского письма — приняли аплодисментами. Тангутская культура, культура маленького забытого народа, ради которой он столько трудился последние пять лет, получила признание со стороны этого высокоученого собрания.

А он, как добрый волшебник, демонстрировал перед залом прелестные образцы исчезнувшей цивилизации, казалось, чудом вырванной им из небытия. Ему было чем гордиться. Ведь это благодаря прежде всего его трудам ожил вот здесь, перед залом, чеканный, как ритуальная процессия, напев тангутских од, заиграл искристый, лукавый юмор кочевников, зазвучала ханжеская, лицемерная речь монахов. Невский с радостью отмечал, что зал понял простое, неброское величие тангутской культуры и оценил его.

Этот доклад Н. А. Невского до сих пор остается лучшим из того, что было когда-либо сказано о памятниках тангутского письма и тангутской культуры. Собрание рекомендовало Н. А. Невскому полностью переключиться на работу по тангутоведению.

Академия Наук

Союза Советских Социалистических Республик
Выписка из Протокола заседания Группы
Востоковедов 21 марта 1935 г.,

§ 2.

2. Слушали: Доклад Н. А. Невского «Тангутская письменность и ее фонды».

Постановили: 1. Ввиду исключительной важности для изучения истории Средней Азии всего вновь открываемого Н. А. Невским материала, ходатайствовать перед Президиумом АН о внеочередном опубликовании его статей по тангутоведению.

2. Считать целесообразным полное переключение Н. А. Невского на изучение тангутского фонда ИВ (Института востоковедения).

Николай Александрович Невский приступает к сплошному расписыванию и дешифровке тангутских

толковых словарей «Море идеографов» и «Гомофоны», чтобы лучше понять, как сами тангуты систематизировали и объясняли свой язык и письмо. Осенью 1935 года в изданной по инициативе А. М. Горького книге «День мира» (27 сентября 1935 года) сообщалось о работе Н. А. Невского над словарем «Море идеографов» и высказывалась уверенность, что завершение его труда позволит раскрыть тайну тангутского письма и сделать достоянием науки один из ценнейших памятников тангутского фонда — свод законов тангутского государства, открытый Невским.

Накоплен и ждет обработки большой материал для написания грамматики тангутского языка. Хотелось бы поскорее подготовить к изданию такие памятники тангутской коллекции, как «Лунь-юй» и «Мэн-цзы». А восемь томов энциклопедии «Лес категорий»? Сколько там жизнеописаний древних китайцев! Ведь китайский оригинал этого сочинения, с которого сделан тангутский перевод, не сохранился.

Ключ ко всему этому богатству — язык. Надо знать как можно больше тангутских идеографов. Надо заставить их зазвучать. Н. А. Невский составляет себе план работы на 1936 год:

1. Тема: Исследование произношения тангутских идеографов на основании тангутских словарей и кратких фонетических таблиц.

Общий объем: около 10 печатных листов.

Начало работы: 1 апреля 1936 года.

Конец работы: 1 сентября 1937 года.

Что будет сделано в течение 1936 г.

Будут составлены подробные таблицы тангутского произношения (в количестве около 200).

Оформление: Книга.

Дальнейшие планы его работы еще более обширны. А уже сделанное получает высокую оценку специалистов и товарищей по работе. Коллектив Института выдвигает кандидатуру Н. А. Невского для избрания в члены-корреспонденты АН СССР:

«Проф. Н. А. Невский является единственным специалистом в области тангутоведения. Ему принадле-

жит заслуга разработки редчайшего по своему богатству тангутского фонда Института Востоковедения Академии Наук СССР. Работа, проведенная им по дешифровке значений и чтений тангутской иероглифики, составление первого тангутского словаря выходят далеко за пределы тангутского языка, эта работа имеет большое значение и для истории китайского, тибетского языков. В настоящее время никакая работа над историей как китайского, так и тибетского языков невозможна без учета достижений в области тангутоведения. Работа проф. Невского является крупным научным открытием, возвращающим в научную практику изучение давно исчезнувшей тангутской культуры...

Проф. Н. А. Невский отличается исключительно добросовестным отношением к труду, редким вниманием к студенческой аудитории, является заботливым и чутким педагогом.

Коллектив научных сотрудников Института Востоковедения Академии Наук СССР целиком поддерживает кандидатуру проф. Н. А. Невского в члены-корреспонденты Академии Наук СССР».

...День простоял теплый, не по-осеннему теплый для Ленинграда. Окончив свои дневные труды, большое маслянисто-желтое солнце не спеша уходило на ночлег. У Пушкинского дома толпились экскурсанты. Николай Александрович в который раз с огорчением подумал, что до сих пор так и не осмотрел новую экспозицию Пушкинского музея. Не торопясь шел он по дощатому настилу моста к себе на Петроградскую. С реки веяло прохладой. Чудно, к осени вода в Неве приобрела более темный, свинцовый цвет и в то же время стала как будто прозрачней. А небо осенью густо-голубое — нет в нем весенней легкости и пронизанности солнцем — неподвижной лазурной чашей лежит оно над землей. На бульваре сквозь желтеющую листву сочится насыщенный золотистый свет. Осень, такая сказочно неповторимая в Ленинграде, когда пламенеющие деревья задумчиво глядятся в черную глубину каналов, нынче не радовала. Было тревожно от того, что то тут, то там неожиданно исчезали люди. Вчера радио принесло нерадостную весть: японцы продолжают наступление в Северном Китае. Грустно сознавать, что два народа, изучению которых он отдал лучшие годы своей жизни, культуру кото-

рых любил и уважал, истребляли друг друга в кровопролитных сражениях.

Солнечный проспект Добролюбова. Пестрели яркие цветы осени на клумбах, в песке возились дети. Обыденная мирная жизнь, которую так легко нарушить.

Он шел и думал, не следует ли ему ускорить работу над словарем? Может быть, подготовить его для первого просмотра и обсуждения к 20-й годовщине Октября? Да, да. Завтра, с утра, после лекции в университете он и займется этим делом. Или лучше прямо сегодня?

На улице Блохина, подходя к своему дому, он уже твердо решил: лучше сегодня. Пообедаю, часик отдохну и за работу. Прежде чем его поглотил сырой сумрак двора, он оглянулся — солнце щедро заливало улицу мягким теплом. И дети, игравшие подле двора, видели, как седеющий мужчина, щурясь от яркого света, нежно погладил нагретую солнцем шершавую штукатурку фасада. Затем негромко, как бы сам себе, сказал: «Какое ты ласковое, солнце. И какой все-таки чудесный был сегодня день!».

Этот невысокого роста человек, с откинутыми назад волосами льняного цвета, в глазах которого отражались то пронзительная голубизна цветущего льна, то прозрачность волжской волны, был создан для науки и жил ради науки. Не все в его жизни было гладко, многое ему пришлось пережить и выстрадать, но он, казавшийся иногда замкнутым и суровым, сохранил и большую задушевность и неиссякаемую любовь к жизни. Его гуманное отношение к окружающим, не показное, а подлинное человеколюбие, как вспоминают очевидцы, особенно проявилось в годы тяжких испытаний, обрушившихся на него в последние годы жизни. Рабочий В. М. Титянов, которого судьба столкнула с Николаем Александровичем Невским в исключительно тяжелых и необычных условиях, вспоминает: «Он был особо обаятельным человеком, и мне хочется сохранить о нем все хорошее и правдивое».

В октябре 1937 года Н. А. Невский стал жертвой репрессий периода культа личности. По официальным данным, скончался он 14 февраля 1945 г.

Большое научное наследие Н. А. Невского, в котором почетное место занимают работы по тангутоведе-

нию, свидетельствует о том, что он не только обладал огромным дарованием и изумительной работоспособностью, но и всего себя отдавал делу науки. Он осознавал значение кропотливой, незаметной и порой в глазах некоторых не столь уже и нужной работы. Поэтому на долю Николая Александровича выпало самое большое человеческое счастье, которое достается далеко не всем. Как и всякий большой подлинно новаторский труд, его работы продолжают жить и после его смерти. Более того, они приобрели новую жизнь, переживают свое второе рождение.

В 1960 году был издан тангутский словарь Невского, работу над которым ученый так и не завершил. Одновременно были опубликованы те его труды, которые при жизни автора не увидели света. В 1962 году двухтомное собрание трудов Н. А. Невского «Тангутская филология» было удостоено высшей награды — Николаю Александровичу за выдающиеся заслуги в области науки посмертно присуждено звание лауреата Ленинской премии.

3 апреля 1962 года в статье «Вторая жизнь древнего народа», опубликованной в газете «Правда», академик Н. И. Конрад и кандидат филологических наук В. В. Иванов писали: «...Эта сложная работа была по силам только исследователю, знавшему китайский и тибетский языки, с которых сделаны тангутские переводы, и не в их современном состоянии, а в том состоянии, в каком они находились 8—10 веков назад. Кроме того, надо было знать буддийскую и китайскую литературу самого различного содержания настолько хорошо, чтобы по одному расшифрованному куску тангутского текста понять, с какого именно — китайского, тибетского или санскритского сочинения сделан перевод. Словом, необходимо было в совершенстве владеть всем комплексом филологических знаний. Именно потому, что Н. А. Невский обладал всеми этими знаниями, он смог проделать работу, ставящую его в один ряд с великими открывателями древних письменностей».

ДАЖЕ ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД, ЧЕЛОВЕК СМОТРИТ ВПЕРЕД

Распахните глаза,
слушайте до конца.
Это мы

говорим,
мертвые,

Стучимся
в ваши
сердца.

Роберт Рождественский,
Реквием.

Как смерч, как страшный огненный плуг, пронеслась конница Чингисхана по городам и селам страны тангутов. Осенью 1227 года она ворвалась в Синцин. В горящей столице, среди смерти, насилий и грабежей лишь знаменитый ученый Елюй Чудай * пытался сохранить кое-какие тангутские книги. Остальные хватали драгоценности, утварь, рабов.

Страна пришла в запустение. То, чего не пожрало пламя пожарищ, стали засыпать пески пустыни.

Конечно, не все тангуты были истреблены поголовно, но корни самостоятельной тангутской народности были подрублены у основания. И хотя тангутский язык и письменность продолжали еще жить и в монгольскую эпоху (тангуты сыграли весомую роль в распространении буддизма среди монголов, и монгольские ханы не раз приказывали издавать буддийские каноны на тангутском языке тангутским письмом), это была агония. Железом и кровью связали завоеватели восток и запад. Находившиеся в самом центре великого караванного пути из Европы и Ближнего Востока в Монголию и Китай тангуты были размыты нахлынувшей за монгольской конницей волной переселенцев, а затем остатки их постепенно растворились среди монголов, восточных тибетцев и китайцев.

Потребовались годы самоотверженного труда Николая Александровича Невского и ученых других стран,

чтобы перекинуть мост от красивых ордосских легенд к трагической истории тангутского народа.

Но не только любознательность и преданность науке руководили теми, кто посвятил свою жизнь изучению малоисследованных или совсем неизвестных страниц прошлого человечества. Они верили, что люди должны извлекать уроки из прошлого во имя будущего.

Благодаря трудам не одного поколения ученых человечество не забыло железную поступь римских легионов и дробный топот конницы Аттилы. Оно помнит о кровавых нашествиях Чингисхана и Тимура. История рассказывает о том, что много веков назад завоеватели копьем и мечом стирали с лица земли целые народы и государства. И в наше время миллионы людей начинают осознавать, что термоядерная война может поставить на грань гибели все человечество.

В великом всенародном походе за мир с ними исторический опыт всего человечества, с ними и горькие уроки его прошлого. Одним из таких уроков является и гибель тангутской цивилизации, исчезновение тангутского народа.

Возрождая погибшие культуры, мы отдаем последний долг памяти погибших. Пусть развалины древних городов, свидетели пронесшихся над землей опустошительных войн, напоминают людям о том, что никогда не должно повториться.

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 5

Ланьчжоу — город в Западном Китае, провинция Ганьсу.

Боро-Балгасун — развалины древнего города в Ордосе.

Лхаса — столица Тибета.

Кяхта — город на границе СССР и Монгольской Народной Республики; в прошлом — один из центров русской торговли с Китаем.

Сычуань — провинция в Западном Китае.

К стр. 6

Хатун — в переводе с монгольского означает «царица».

К стр. 8

Гуйхуачэн — современный город Хух-Хото (Гуйсе), находящийся во Внутренней Монголии, Китай.

К стр. 10

Дархаты (тархаты) — этнографическая группа монголов, ныне проживающая в северо-западной части Хубсугульского аймака (МНР).

Тайлга — церемония жертвоприношений останкам Чингисхана.

Хошун — монгольская административная единица.

Панчен-эрдени (панчен-лама) — так же как и далай-лама, является духовным главой буддистов Тибета.

К стр. 11

Эдзин-Гол — река в Западном Китае, провинция Ганьсу.

Торгоуты (торгуты) — одна из этнографических групп западных монголов (ойратов или олётов). Населяют западные районы МНР и низовье реки Эдзин-Гол.

К стр. 12

Субурган — буддистская культовая постройка, сооруженная на месте какого-либо события или же служащая гробницей. Субурга-

ны строились возле храмов, над храмами или располагались группами и порознь в степи.

Хара-Хото — в переводе с монгольского языка букв. «черный город», переносное значение «злой город».

К стр. 13

Д. Г. Премар (1666—1736) — французский миссионер, написавший первую в Европе грамматику китайского языка.

К стр. 14

Маньчжурский язык — язык маньчжур, народа, населявшего территорию Северо-Восточного Китая. Относится к тунгусо-маньчжурской группе.

К стр. 15

Лянчжоу — современный Увэй, город в Западном Китае, провинция Ганьсу.

К стр. 19

«Лотосовая сутра» («Лотос Благого закона») — одна из махаянических сутр, относящаяся, видимо, к концу II в. н. э.

К стр. 21

Номад — кочевник.

К стр. 24

Урга — современный Улан-Батор, столица Монгольской Народной Республики.

Алашаймынь — административный центр в старом Китае (современная провинция Ганьсу).

К стр. 31

Кумирня — здесь имеется в виду буддийский храм.

Бурхан — монгольское слово, обозначающее «Будда», «изображение Будды».

К стр. 36

Мандал — магический круг, разделенный на круги и квадраты, в которых нарисованы буддийские святые и символы. Применялся для гаданий.

К стр. 43

К. Ж. Дегинь (1721—1800) — французский ученый-китаевед.

Преемник его... Речь идет о французском ученом-китаеведе Ш. Л. Клапроте (1759—1843).

Кочжоу — древний китайский город в верховьях Хуанхэ; находился в районе современного города Гуйдэ, провинция Цинхай.

Тан — династия, правившая в Китае с 618 по 907 г.

Сяньбийцы — древние племена, жившие на стыке современной Монголии и Манчжурии. Одна из групп этих племен в IV в. н. э. заняла район озера Кукунора и создала там государство Тугухунь.

К стр. 50

Линчжоу — современный Линьзу, город в Западном Китае, провинция Ганьсу.

К стр. 51

Ганьчжоу — современный Чжанье, город в Западном Китае, провинция Ганьсу.

Татары — монгольское племя, обитавшее в северо-восточной части современной Монголии; впоследствии это название было перенесено на разноязычные народности монгольской феодальной империи XIII—XV вв. и входившей в ее состав Золотой Орды. Ныне — название ряда тюркоязычных народов.

К стр. 53

Девиз правления — так в древнем Китае и сопредельных странах Дальнего Востока именовались предстоящие годы правления того или иного императора. По девизам правления велось летоисчисление.

К стр. 54

Кидани — одно из древнемонгольских племен, населявшее территорию современной Внутренней Монголии (Китай).

К стр. 56

Восточная Цзинь — династия, правившая в Китае с 265 по 420 г.

Поздняя Вэй — династия, правившая в Китае с 386 по 535 г.

Великая Хань — Китай в период правления династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). Позднее это название служило названием всего народа и одним из названий страны.

К стр. 59

Лан — денежная единица в старом Китае.

К стр. 61

Даосы — последователи даосизма, мистического религиозно-философского учения в древнем Китае.

К стр. 67

Хамийский оазис — район восточной части современной китайской провинции Синьцзян, Западный Китай.

Ж стр. 70

Кун-цзы — Конфуций, философ древнего Китая.

Хойнинфу — древняя область в среднем течении реки Сунгари (Северо-Восточный Китай); в XI в. — центр расселения чжурчжэньских племен.

Ж стр. 71

Цзайсян — высшая государственная должность в древнем Китае, соответствовавшая примерно должности канцлера или везира.

«Лунь-юй» — древнекитайский философский трактат. Авторство его приписывается Конфуцию.

Ж стр. 77

Сартаулы (сартаульский народ) — древнемонгольское название мусульманского населения современной Средней Азии.

Бурхан — в данном контексте, по-видимому, титул или имя тангутского императора.

Чжуншю — управление, ведавшее в тангутском государстве гражданской администрацией.

К стр. 86

Драгоман — переводчик-консультант при посольстве.

К стр. 88

Билингва — текст одинакового или близкого содержания на двух различных языках.

К стр. 95

Сёгуну — название феодальных правителей средневековой Японии.

Ли Бо (701—762) — знаменитый китайский поэт, живший в период правления династии Тан.

К стр. 97

Синтоизм (от синто «путь богов») — японская национальная религия.

Норито — обрядовые моления.

К стр. 98

Киндайти Кёскэ (род. в 1882 г.) — японский ученый-диалектолог.

Менко-юкара — название записанной Н. А. Невским айнской легенды.

К стр. 99

М. Н. Рамминг (род. в 1879 г.) — немецкий ученый-яповед.

Г. И. Рамstedт (1873—1950) — финский ученый-востоковед.

К стр. 104

Имеется в виду академик С. Ф. Ольденбург.

К стр. 116

Будда Амида — буддийское божество, символ вечного света и жизни. По представлениям буддистов, глава рая, расположенного на западе.

Бодисатва — название святого, идущего, по представлениям буддистов, через ряд рождений к просветлению, но еще не достигшего высшего совершенства нирваны, состояния Будды.

К стр. 130

Елюй Чуцай — один из приближенных Чингисхана, киданин по происхождению. прославился своей ученостью

КРАТКИЙ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТАНГУТОВЕДЕНИЮ

Горбачева З. И., *К истории тангутоведения в Ленинграде*, — «Ученые записки Института востоковедения», т. XXV, 1960, стр. 102—107.

✓ Горбачева З. И., *Материалы по тангутоведению архива Востоковедов Института Востоковедения АН СССР (Архив Н. А. Певского)*, — «Краткие сообщения Института востоковедения», т. XVIII, 1956, стр. 66—73.

Зубер С. М., *Музыкальные инструменты иконографии Хара-Хото*, — «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. III, Л., 1940, стр. 325—337.

Иванов А. И., *Документы из города Хара-Хото*, — «Известия Имп. Академии Наук», сер. VI, 1913, стр. 811—816.

Иванов А. И., *Памятники тангутского письма*, — «Известия Российской Академии Наук», сер. VI, 1918, стр. 799, 800.

Иванов А. И., *Страница из истории Си Ся*, — «Известия Имп. Академии Наук», сер. VI, 1911, № 11, стр. 831—836.

✓ Иванов А. И., *Тангутские рукописи из Хара-Хото*, — «Известия Имп. Русского Географического общества», т. 45, вкл. 8, 1909, стр. 463—470.

Казин В. Н., *Из истории Хара-Хото*, — «Труды Государственного Эрмитажа», Культура и искусство народов Востока, т. V, стр. 273—285.

Козлов П. К., *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция Русского Географического общества в нагорной Азии П. К. Козлова 1907—1909*, М. — Пг., 1923; изд. 2., сокр., М., 1947.

Котвич В. Л., *Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае*, — «Известия Имп. Русского Географического общества», т. XLV, 1909, стр. 474—477.

- Кочетова С. М., *Божества светил в живописи Хара-Хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии*. — «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. IV, Л., 1947, стр. 471—502.
- Кычанов Е. И., *Государственное устройство Си Ся*. — «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, 1959, вып. 10. История и филология Китая, стр. 103—115.
- Кычанов Е. И., *Из истории буддизма в государстве Си Ся*. — сб. Дальний Восток, М., 1961, стр. 140—157.
- Кычанов Е. И., *К вопросу о происхождении тангутов (по китайским источникам)*. — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 140—161.
- Кычанов Е. И., *Некоторые сведения китайских источников об этнографии тангутов*. — «Советская этнография», 1959, № 4, стр. 110—115.
- Невский Н. А., *Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах*, М., 1960.
- Ольденбург С. Ф., *Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (образа тибетского письма)*. — «Материалы по этнографии России», т. 2, СПб., 1914.
- Потанин Г. Н., *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884—1885*, т. 1—2, СПб., Изд. Русского Географического общества, 1893, изд. 2, сокр., М., 1950.
- Софронов М. В., Кычанов Е. И., *Исследования по фонетике тангутского языка*, М., 1963.
- «Тангутские рукописи и ксилографы», составители З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов, М., 1963.
- Флуг К. К., *По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся*. — «Библиография Востока», вып. 2—4, М., 1933, стр. 159—165.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От автора	3
Легенды	5
Прекрасная Гурбелджин	5
Мертвый город	11
Загадочные письма	13
Старый спор	13
Лянчжоуский клад	15
«Лотосовая сутра»	18
По следам легенд	21
Черный город	21
Субурган славы	33
О чем рассказывают китайские летописи	41
Труд отца Иакинфа	41
Изгнанники	43
Вторая родина	46
«Носящие одежды из кож и шерсти призваны властвовать»	47
Мечом порабащают	51
Учитель Иви	53
Вэймин Уцзу	56
Мечом борются за свободу	58
Племянник бьет дядю	59
Смерть Юань-хао	61
Смутное время	63
Гибель царств	65
Великое Ся	66
Тангуты сумели утвердить свои обычаи	69
Северная гроза	74
Крушение тангутского царства	77
Из власти тьмы	81
«Жемчужина в руке»	81
Словарь А. И. Иванова	84
Петровская ярмарка	89
На берегах Невы	94
В Стране восходящего солнца	97
Подвиг во имя науки	106
Даже оглядываясь назад, человек смотрит вперед	130
Примечания	133
Краткий рекомендательный список литературы по тангутоведе- нию	137

Евгений Иванович Кычанов
ЗВУЧАТ ЛИШЬ ПИСЬМЕНА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редактор *Т. М. Швецова*
Художник *В. В. Морозов*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Г. В. Афонина* и *В. М. Гаспаров*

*

Сдано в набор 9/III 1955 г.
Подписано к печати 19/VI 1965 г.
А10353. Формат 84×108^{1/32}
Печ. л. 4,375. Усл. п. л. 7,17.
Уч.-изд. л. 6,88. Тираж 17000 экз.
Изд. № 1264. Зак. № 444
Темплан 1955 № 1128. Цена 42 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер. 2
3-я типография издательства «Наука».
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

42 коп.

